

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

04201101827

Васильева Екатерина Николаевна

МОНТЕСКЬЕ И РОССИЯ

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература народов Европы, Америки, Австралии)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор И.В. Лукьянец

Санкт-Петербург
2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	с.3
Глава I: Россия в творчестве Монтескье	с.12
I.1. Путешествие в Россию в контексте литературы путешествий	с.13
I.2. Зарождение интереса к русской теме. «Персидские письма» (1721)	с.21
I.3. Вена (1728). Петр I в рассказах очевидцев	с.30
I.4. Князь Антиох Кантемир и братья Гуаско (1738)	с.46
I.5. «Сатиры» Кантемира во Франции (1749)	с.61
I.6. Эволюция образа России от «Персидских писем» к «Духу законов»	с.70
I.7. Монтескье о деспотизме в России	с.81
Глава II: Рецепция творчества Монтескье в России в XVIII веке	с.88
II.1. О русских переводах Монтескье в XVIII веке	с.90
II.2. Русская тема в эпистолярном романе второй половины XVIII века	с.103
II.3. Критика «Духа законов» в России	с.117
II.4. От «Русских писем» Штрубе де Пирмона к «Наказу» Екатерины II	с.137
II.5. Монтескье и Щербатов	с.153
Заключение	с.165
Библиография	с.173

Введение

Русско-французские литературные связи эпохи Просвещения уже давно являются объектом пристального внимания исследователей. При этом данной проблемой одинаково интересуются как отечественные, так и западные, в первую очередь французские, ученые. Применительно к современной науке можно сказать, что исследования в области русско-французских связей носят по-настоящему системный характер. Действительно, это направление исследований входит в сферу деятельности не только отдельных ученых, но и специализированных научных центров. К ним относятся, например, Отдел взаимосвязей Института русской литературы, осуществляющий исследования в области международных связей русской литературы, и Центр по изучению XVIII века Института всеобщей Истории, одним из направлений деятельности которого является изучение русско-западноевропейских культурных связей в эпоху Просвещения.

Среди огромного количества тем, рассматривавшихся в рамках проблемы русско-французских связей, можно выделить два основных направления научных интересов. С одной стороны, исследователей интересуют вопросы, связанные с распространением идей французского Просвещения в России и тем влиянием, которое оказывает творчество отдельных французских просветителей, прежде всего, Вольтера и Дидро, на русскую литературу. С другой стороны, в самой французской литературе Просвещения далеко не последнее место занимает русская тема, утверждению которой способствует внезапный выход России на европейскую политическую сцену в начале XVIII столетия, обусловленный преобразовательной деятельностью Петра I. Таким образом, вторым важным направлением исследований является изучение русской темы в творчестве французских писателей эпохи Просвещения.

Среди отечественных монографий, посвященных проблеме русско-французских связей в XVIII веке, отметим важную работу Сергея Яковлевича Карпа «Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века»¹. Отдельные аспекты этой проблемы были подробно изучены Петром Романовичем Заборовым в книге «Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX века»², Сергеем Алексеевичем Мезиным, автором книги «Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I»³, а также в целом ряде других работ. Среди зарубежных работ необходимо отметить классические исследования Димитри Мореншильда «Россия в интеллектуальной жизни Франции XVIII столетия»⁴ и Альбера Лортолари «Русский мираж во Франции в XVIII веке»⁵. В настоящее время во Франции данная проблема является предметом изучения довольно широкого круга ученых, среди которых назовем имена Мишеля Мерво, Жоржа Дюлака, Александра Федоровича Строева.

Необходимо отметить, что, невзирая на обилие и разнообразие существующих работ, посвященных этой проблеме, история русско-французских связей в эпоху Просвещения изучена весьма неравномерно. Интерес исследователей направлен в основном на вторую половину XVIII столетия. Именно на этот период приходится пик распространения просветительских идей в России. В то же время, именно в этот период во французской литературе утверждаются определенные представления о России, например, так называемый миф о «русском варварстве» или

¹ Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 1998.

² Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1978.

³ Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ, 1999.

⁴ Mohrenschildt D.S. Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France. New York: Columbia university press, 1936.

⁵ Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Contemporaines, 1951.

сменивший его впоследствии миф о «русской угрозе». Первая половина XVIII века, таким образом, оказывается вытесненной на периферию научного интереса. Между тем, именно в первую половину XVIII века закладывается фундамент будущего восприятия России во Франции.

В этом отношении очень симптоматична фигура Шарля-Луи Монтескье. Конечно, Россия не является приоритетной областью интересов французского писателя, чье внимание обращено одновременно к изучению самых разных стран и народов. В отличие от многочисленных современников писателя, посвятивших России отдельные сочинения, в которых довольно четко прослеживается их позиция по отношению к этой стране, невозможно говорить о существовании определенной концепции России в творчестве Монтескье. Отдельные высказывания, имеющие отношение к истории России, русскому народу и отдельным историческим персонажам, рассредоточены по разным сочинениям писателя, как художественным, так и философским, не говоря уже о его личной переписке и сборниках мыслей.

Такая иллюзия незначительности русской темы в творчестве Монтескье, очевидно, и объясняет отсутствие специальных исследований, в которых бы ставился вопрос о том, какими в действительности были представления Монтескье о России, и какую роль они могли сыграть в истории русско-французских литературных связей. Под этим углом творчество Монтескье, в целом изученное очень подробно, до сих пор не было специальным образом исследовано. Отметим лишь отдельные работы, в которых отчасти были затронуты эти проблемы. В 1922 году одновременно в России и во Франции выходят статьи с характерными названиями «Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II)» и «Монтескье и Россия», принадлежащие соответственно

Федору Васильевичу Тарановскому и Георгию Гаврииловичу Шкляверу⁶. Однако и в первом и во втором случае авторами исследований являются специалисты по праву. Собственно литературоведческое исследование будет проделано лишь в начале 2000-х годов Роландо Минути, автором статьи «Образ России в творчестве Монтескье»⁷.

Между тем, творчество Монтескье четко вписывается в контекст проблемы русско-французских литературных связей, ибо позволяет с достаточной определенностью судить о том, какими путями в Европу вообще проникали идеи о России, и как складывались представления о ней в западноевропейской литературе. В этом отношении особую важность представляет реконструкция и анализ корпуса источников, как письменных, так и устных, послуживших созданию оригинального образа России в творчестве Монтескье. Многие из этих источников ранее не становились предметом внимания исследователей и никогда прежде не рассматривались в системной целостности. Заметим, что работа писателя с источниками являет собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия с его общественно-политическими и философскими взглядами. В частности, в данной работе мы исходим из гипотезы о том, что Монтескье располагал неким априорным представлением о России, в соответствии с которым им и производился отбор материала из того множества источников, которым он имел возможность воспользоваться. Россия как будто выступала в качестве иллюстрации к отдельным положениям теории Монтескье, а сведения, почерпнутые писателем из источников, были призваны служить не чем иным, как аргументом в пользу того или иного положения. Одним словом, роль, которую Монтескье отводит России в своей системе аргументации, говорит о том,

⁶ Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922. С.178-223; Chklover G. Montesquieu et la Russie // La vie des peuples, Paris, 1922, Vol. VIII, №32. P.1082-1100.

⁷ Minuti R. L'image de la Russie dans l'œuvre de Montesquieu // Cromohs, №10, 2005. P.1-6.

что русская тема, оказавшаяся вне поля зрения исследователей, в действительности имеет принципиальное значение в творчестве французского писателя.

В свою очередь, рассматривая творчество Монтескье в контексте европейской России эпохи Просвещения, необходимо признать, что писатель, чье имя редко упоминается в критической литературе в связи с Россией, на самом деле сыграл не последнюю роль в формировании образа этой страны в Европе. В пользу этого утверждения говорит, например, тот факт, что высказывания Монтескье о России и творчество писателя в целом нашли самый живой отклик в русской литературе. Рецепция Монтескье в России в XVIII веке действительно представляет собой сложный и крайне противоречивый процесс. Так, отдельные произведения писателя получают мгновенное распространение в России, в то время как другие с трудом проникают на русскую почву. Точно также некоторые идеи Монтескье встречены в России с большим энтузиазмом, другие, напротив, вызывают крайне болезненную реакцию, подавая повод к настоящей литературной «полемике». Такими спорными вопросами оказываются, как и следовало полагать, вопросы, связанные с государственным устройством России и некоторыми реалиями социального порядка. Сам факт полемики с французским писателем свидетельствует, с одной стороны, о том, что Монтескье довольно точно удалось обозначить наиболее острые проблемы русской действительности и русской истории. С другой стороны, Монтескье выступает в этом вопросе как весьма авторитетная фигура, неслучайно некоторые авторы в России придают столь большое значение тому, чтобы откорректировать, а иногда и совершенно опровергнуть отдельные высказывания писателя об их стране.

Некоторые вопросы, связанные с проблемой рецепции Монтескье в России, были освещены в работах Надежды Юрьевны Плавинской, часть

которых посвящена русским переводам Монтескье⁸. Между тем, богатый материал для изучения восприятия творчества французского писателя в России XVIII века содержится в оригинальных сочинениях, которые, тем не менее, до сих пор не становились предметом системного исследования. Чтобы проиллюстрировать, как многообразно и неоднородно было это восприятие, мы сознательно остановили выбор на авторах и произведениях, занимающих неодинаковое место в истории русской литературы. Некоторые сочинения (как, например, «Русские письма» Штрубе де Пирмона) совершенно неизвестны широкой публике, другие (например, «Наказ» Екатерины II), напротив, неоднократно становились объектом изучения. Так или иначе, они никогда не рассматривались в подобном контексте. Привлечение такого разнородного материала позволяет увидеть, что рецепция творчества Монтескье в России происходила, хотя и неравномерно, одновременно на разных уровнях. Так, возможно говорить не только об идейной рецепции и о том, как по-разному сложилась судьба представлений Монтескье о России в самой России, но и о том, что для некоторых авторов в России сочинения французского писателя послужили также образцом формы.

На первый взгляд может показаться, что предпринимаемое нами исследование касается двух самостоятельных проблем: Россия в творчестве Монтескье, с одной стороны, и творчество Монтескье в России, с другой. Между тем, справедливо рассматривать их как грани одной – двухчастной – проблемы, решение которой осуществляется также в рамках одного метода. Данная работа опирается на традицию петербургской школы сравнительно-исторического литературоведения и работы Александра Николаевича Веселовского, Виктора Максимовича

⁸ Plavinskaia N.Y. Les traductions russes de Montesquieu au XVIIIe siècle // L'Europe de Montesquieu. Actes du Colloque de Gênes (26-29 mai 1993). Napoli: Liguori Editore, Paris: Universitas, Oxford: Voltaire Foundation, 1995. P.431-440; Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов, 2001. С.185-189.

Жирмунского, Михаила Павловича Алексеева, Бориса Георгиевича Реизова. В частности, основанием, служащим к раскрытию заявленных проблем, является известная идея о «встречных движениях», или, иначе говоря, идея о «внутренней потребности» в различных национальных литературах, которая и создает предпосылки для их взаимодействия. Действительно, интерес Монтескье к России в половине XVIII века неслучаен: являя собой уникальный пример молниеносного в историческом масштабе превращения волей одного человека из «варварской» страны в «цивилизованную», Россия предстает перед мыслителями Просвещения как некий полигон для их философских построений и проверки теорий, связанных, прежде всего, с идеей просвещенного монарха. В то же время, те явления и события, которые происходят в России вследствие петровских преобразований, создают необходимые условия для восприятия просветительских идей, одним из наиболее ранних и самых ярких выразителей которых и является Монтескье.

Для решения поставленных задач мы прибегаем к использованию разного инструментария в рамках сравнительного метода. Первый аспект проблемы, связанный с определением путей формирования и специфики образа России у Монтескье, освещен в традиции так называемых имагологических исследований, которые являются одним из наиболее популярных направлений современной компаративистики. Второй аспект, связанный с восприятием творчества Монтескье в России, решается именно в свете рецептивной теории, в то время как традиционно творчество Монтескье исследуется с точки зрения его влияния на ту или иную литературу. В связи с этим необходимо уточнить, что термины «влияние» и «рецепция» нередко используются как взаимозаменяемые, между тем, речь идет о разных типах исследований. Термин «рецепция» используется нами именно в том смысле, в котором он используется во

французской традиции сравнительного изучения литератур, где рецептивные исследования (« études de réception ») составляют одну из приоритетных областей. Впрочем, сам термин «рецепция» не является собственно французским образованием, но переносится на французскую почву из немецкого литературоведения в результате распространения работ Ханса Роберта Яусса⁹. Так, войдя во французскую литературно-критическую терминологию в 70-е годы XX века, термин «рецепция» вытесняет широко использовавшийся ранее термин «влияние»¹⁰, хотя они и не являются абсолютными синонимами. В то время как при изучении влияния акцент ставится на произведение, автора или литературу, являющиеся собственно источником влияния (« émetteur »), изучение рецепции предполагает смещение акцента на произведение, автора или литературу, которые условно можно назвать принимающей стороной (« récepteur »). В этом отношении отметим работы французского исследователя Ива Шевреля, в которых подробно рассматриваются эти и другие вопросы, связанные с проблемой рецептивных исследований, например статьи «От влияния к критической рецепции», «Рецепция иностранных литератур» и другие¹¹.

При изучении рецепции в поле зрения исследователя оказывается вся сложная, многоплановая картина «принимающей» литературы, от особенностей которой и зависят особенности рецепции того или иного автора или произведения. Именно оттого, что рецепция зависит одновременно от множества факторов (исторической ситуации, литературной традиции, социальных и прочих особенностей страны,

⁹ Речь идет, в первую очередь, об эссе «Literary History as a Challenge to Literary Theory» (1967).

¹⁰ Hermetet A.-R. Les études comparatistes de réception // La recherche en Littérature générale et comparée en France en 2007. Bilan et perspectives. Études réunies par Anne Tomiche et Karl Zieger. Valenciennes: Presses universitaires de Valenciennes, 2007. P.57-66.

¹¹ Chevrel Y. De l'influence à la réception critique // La Recherche en littérature générale et comparée en France. Aspects et problèmes. Paris: SFLGC, 1983. P.89-107; Chevrel Y. La réception des littératures étrangères // Revista de Filología Francesa, 7. Servicio de Publicaciones. Univ. Complutense, Madrid, 1995. P.83-100.

принимающей автора или произведение чужой литературы), она и бывает многообразной, неоднозначной, а порой и противоречивой, какой была рецепция Монтескье в России в XVIII веке.

Глава I: Россия в творчестве Монтескье

Исследователями творчества Монтескье, с одной стороны, и исследователями русской темы во французской литературе Просвещения – с другой, неоднократно высказывались сомнения относительно того, насколько простирался интерес Монтескье к России и насколько обширными были его знания об этой стране. Еще в 1929 году в обстоятельном исследовании, посвященном источникам трактата «О духе законов» (1748), Мюриэль Доддс высказала мысль о том, что на протяжении всего XVIII века Россия по-прежнему оставалась для европейцев совершенно незнакомой страной по причине отсутствия более или менее серьезной литературы о ней. Исследовательница делает исключение лишь для книги англичанина Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе»¹², которая в действительности являет собой занимательное свидетельство о четырнадцатилетнем пребывании автора в России, пришедшемся на годы активной преобразовательной деятельности Петра I. По словам Доддс, «о России в XVIII веке было известно очень немного; почти ничего не было написано об этой империи и возможно, что книга Перри была единственным серьезным сочинением, которое можно было использовать в качестве источника знаний о России»¹³.

На основании этого тезиса были сделаны последующие выводы о том, что в силу отсутствия достаточных сведений о России Монтескье не мог составить о ней определенного суждения, и потому «Дух законов» позволяет сделать лишь самые общие предположения относительно того, каким могло быть его мнение о ней. В действительности, при отсутствии законченной концепции России, в трактате содержится весьма оригинальное суждение

¹² Первый русский перевод книги был осуществлен княжной Ольгой Михайловной Дондуковой-Корсаковой во второй половине XIX века: Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлений к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских, №1, 1871.

¹³ Dodds M. Les récits de voyages sources de «L'Esprit des Lois» de Montesquieu. Paris: Honoré Champion, 1929. Цитата приводится по второму изданию: Dodds M. Les récits de voyages sources de «L'Esprit des Lois» de Montesquieu. Genève: Slatkine reprints, 1980. P.111.

писателя о стране и ее исторической судьбе, во многом расходящееся, как мы увидим впоследствии, с общими представлениями. Кроме того, определенное видение проблемы присутствует в мысли писателя уже в период работы над «Персидскими письмами» (1721), поэтому сужать область исследования рамками трактата «О духе законов» представляется нам незакономерным.

Наконец, тезис о единственном источнике не выдерживает критики не только в отношении творчества Шарля-Луи Монтескье, но и применительно к другим авторам XVIII века. Данные биографии, а также художественного наследия и личной переписки писателя дают основание предполагать наличие и использование иных источников сведений о России. Их определение и составит основное содержание данной главы. В ней будет предпринята попытка установить происхождение тех или иных представлений Монтескье о России, а также выявить на основании сопоставления текстов некоторые особенности работы писателя с источниками. Мы остановимся на отдельных наиболее важных этапах формирования образа России в творчестве Монтескье, а также попытаемся установить, насколько тождественными являются представления Монтескье об этой стране в начале 1720-х годов, к которым относится написание романа «Персидские письма», и в период работы над трактатом «О Духе законов», то есть в конце 1740-х годов. Мы обратимся, в том числе, и к тем высказываниям, которые по тем или иным причинам не нашли свое место в этих сочинениях, но представляют существенный интерес для понимания сущности проблемы России в мысли французского писателя.

I.1. Путешествие в Россию в контексте литературы путешествий

Предложенное Мюриэль Доддс выделение литературы путешествий как основного источника «Духа законов» объясняется, прежде всего, тем особым местом, которое этот жанр занимал в литературе и, шире, в культуре Просвещения. В результате произошедшего на рубеже XVII-XVIII веков «кризиса европейского сознания», о котором говорил Поль Азар в

одноименном исследовании, на смену идее стабильности, характерной для классической эпохи, приходит идея движения, а вместе с ней развивается и «вкус к путешествию»¹⁴. Подтверждением тому служит появление огромного количества самой разнообразной литературной продукции в рамках такого пласта литературы, который можно было бы назвать литературой путешествий. Внутри этого комплекса выделяется множество самых разных жанров – мемуары, отчеты путешественников, собственно романы и т.д. Так, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что этот пласт литературы становится одним из ведущих в литературе Просвещения. «Обычай путешествовать, – писал в конце XVII века автор одного из многочисленных «Путешествий в Италию», настолько распространен, ... что человек, ни разу не покидавший дома, не внушает более уважения, настолько сильно убеждение, что путешествие формирует взгляды и совершенствует человека»¹⁵. Очевидно, что в словах автора «Путешествия», Франсуа-Жака Десена, выражена общая тенденция эпохи.

Заметим, что со временем в традиции путешествия намечаются два различных направления. Одно из них, известное как «Grand Tour», является собой паломничество по знаковым местам истории и культуры старой Европы, общих для всех европейских народов. Владимир Берелович обозначает этот тип путешествия как узнавание памятных мест («voyage de reconnaissance de grands lieux»)¹⁶, необходимость которого продиктована требованиями образованности. В этом смысле «Grand Tour» выполняет, прежде всего, функцию образовательного путешествия.

Другое направление пролегает, главным образом, с Запада на Восток и, в отличие от «Grand Tour», обусловлено нарождающимся интересом к истории и культуре народов, не принадлежащих к европейской цивилизации. Целью такого путешествия является уже не узнавание старого, а, напротив,

¹⁴ Hazard P. La crise de la conscience européenne. 1680-1715. Paris, 1994. P.10.

¹⁵ Préface // Deseine F.-J. Nouveau voyage d'Italie. Lyon, 1699. S.p.

¹⁶ См.: Berelowitch V. Europe ou Asie? Saint-Petersbourg dans les relations de voyage occidentaux // Le mirage russe au XVIIIe siècle, éd. Sergueï Karp et Larry Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. P.57-74.

открытие нового (« voyage de découverte »)¹⁷. Интерес к новым, неисследованным регионам Земли, в частности к Востоку, связан, в свою очередь, с принципиальной для мыслителей Просвещения философской проблемой *Другого*. Неслучайно о данном типе путешествия нередко говорят как о философском¹⁸.

Путешествие в Россию, по крайней мере, в отношении первой половины XVIII века, однозначно следует рассматривать в контексте путешествия-открытия. Идея о том, что Россия плохо известна европейцам и, следовательно, не может иметь с ними общего прошлого, как будто близка самому Монтескье. В своем романе «Персидские письма» писатель говорит о русском народе как о «до сих пор всеми забытом и известном только у себя на родине»¹⁹, в Московии. Именно под таким названием Россия известна современникам писателя. Примечательно, как об этом говорит автор французского издания «Состояния России при нынешнем царе» Джона Перри, чрезвычайно популярного в Европе и многократно использовавшегося Монтескье в работе над русской темой. По словам издателя, «до сих пор, пожалуй, лишь у людей, крайне привязанных к географии или всемирной истории, могло возникнуть желание больше узнать о Московии»²⁰.

Между тем, необходимо признать, что на сегодняшний день существует достаточно свидетельств, выявляющих несостоятельность такого суждения. В частности, некоторыми исследователями были предприняты попытки составления библиографий наиболее распространенных в Европе

¹⁷ Berelowitch V. Europe ou Asie? Saint-Petersbourg dans les relations de voyage occidentaux // Le mirage russe au XVIIIe siècle, éd. Sergueï Karp et Larry Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. P.57-74.

¹⁸ См., напр.: Pomeau R. L'Europe des Lumières. Cosmopolitisme et unité européenne au XVIIIe siècle. Paris: Stock, 1964.

¹⁹ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.82.

²⁰ « Il n'y auroit eu jusqu'icy que les personnes absolument attachées à la Géographie, ou à l'Histoire universelle qui eussent eu dessein de connoître la Moscovie ». Avertissement // Perry J. Etat présent de la Grande Russie ou Moscovie. Paris: J. Boudot, 1717. S.p.

сочинений о России, самые ранние из которых относятся уже к XVI веку²¹. Библиографии объединяют сочинения как на латыни, так и на европейских языках, главным образом на французском и на английском, что свидетельствует, в том числе, и о географии интересов к России в Новое время. Нередки и переводные сочинения – в известной степени показатель популярности книги. Даже учитывая далеко не исчерпывающий характер существующих библиографий, можно с уверенностью утверждать, что в Европе, и в особенности во Франции, к началу XVIII века литература о России представлена достаточно хорошо. По мнению Жана-Клода Роберти, в конце XVII века «читатель, владеющий французским языком, имел в своем распоряжении относительно большое количество сочинений, частично или полностью посвященных Московии и ее жителям»²².

Самостоятельным объектом интереса путешественников Россия станет лишь к концу XVIII века²³. Между тем, известно о существовании многочисленных описаний, составленных в результате военных, дипломатических или религиозных миссий в Россию. Среди первых выделим, пожалуй, имя Жака Маржере, призванного Борисом Годуновым на русскую службу, на которой он пробыл около шести лет, и, вопреки традиционному представлению о путешественниках²⁴, хорошо владевшего русским языком. Свои воспоминания об этих годах капитан Маржере оставил в книге под названием «Состояние Российской империи и великого

²¹ См. напр.: Lortholary A. *Le mirage russe en France au XVIIIe siècle*. Paris: Éditions Contemporaines, 1951. Дмитри Мореншильду принадлежит подробная библиография статей о России, помещенных в периодических изданиях XVIII столетия: Mohrenschiltdt D.S. *Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France*. New York: Columbia university press, 1936.

²² Roberti J.-C. *L'image de la Moscovie dans l'opinion française du XVIIe siècle* // Mervaud M., Roberti J.-C. *Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles*. Paris: Institut d'études slaves, 1991. P.103.

²³ Об этом см.: Berelowitch V. *Europe ou Asie? Saint-Pétersbourg dans les relations de voyage occidentaux* // *Le mirage russe au XVIIIe siècle*, éd. Sergueï Karp et Larry Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. P.57-74.

²⁴ « Six mois de séjour dans un lieu où ils ne s'entretiennent ordinairement que par la bouche d'un Interprète qui dit ce qui lui plaît et souvent tout le contraire de ce qu'il pense, leur suffisent pour décrire les mœurs et les coùtumes de tout un Peuple; ils raisonnent alors à perte de vûë sur le génie de l'Etat et de toute la Nation, et sur le Gouvernement». *Recueil de voyages au Nord: contenant divers mémoires très utiles au commerce et à la navigation*. Amsterdam: chez Jean-Frédéric Bernard, 1715-1727. T.IV. P.VIII.

княжества Московского» (1607)²⁵, получившей широкое распространение во Франции.

Среди путешественников-дипломатов, оставивших описания России, наибольший удельный вес приходится на немецкоязычных авторов. Автором одного из самых ранних серьезных сочинений о России «Записки о Московитских делах» (1549)²⁶ является немецкий дипломат, барон Сигизмунд Герберштейн. Адам Олеарий, автор самых читаемых в XVII-XVIII веках записок о России, известных под названием «Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию» (1647)²⁷, был уроженцем Саксонии. Не менее известно «Путешествие в Московию»²⁸ Августина Мейерберга, австрийского дипломата, посланника императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу.

Вместе с тем, Россия представляла определенный интерес и для католической Церкви. С одной стороны, известна долгая история взаимоотношений России с орденом Иезуитов: еще со времен папы Сикста IV орден ищет пути объединения с православной Россией ввиду объединения усилий в борьбе против турок²⁹. С другой, Россия не раз получала предложение о воссоединении Восточной и Западной Церквей от противников иезуитов, янсенистов. И те и другие в разные времена бывали в России и оставили о ней любопытные записки. Некоторые из них были опубликованы и получили достаточное распространение в Европе еще при жизни авторов, как, например, «Московия» Антонио Поссевино³⁰,

²⁵ Margeret J. Etat de l'empire de Russie et grande duché de Moscovie, avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et tragique depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606 en septembre. Paris: M. Guillemot, 1607. Практически все отчеты о путешествиях, упоминание о которых содержится в данной работе, существуют в нескольких изданиях. Мы приводим выходные данные первых оригинальных изданий.

²⁶ Herberstein S. von. Rerum Moscoviticarum commentarii. Vindobonae, 1549.

²⁷ Olearius A. Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise. Schlesswig: J. Zur Glocken, 1647.

²⁸ Mayerberg A., baron von. Iter in Moscoviam. S.l.n.d.

²⁹ Mund S. La mission diplomatique du père Antonio Possevino (S.J.) chez Ivan le Terrible en 1581-1582 et les premiers écrits jésuites sur la Russie moscovite à la fin du XVIe siècle // Cahiers du Monde russe, vol. 45, 2004, № 3-4. P.407-408. Об этом см. также: Santich J.S. Missio Moscovitica; the role of the Jesuits in the Westernization of Russia, 1582-1689. New York: Peter Lang, 1995.

³⁰ Антонио Поссевино (1534-1611) – итальянский иезуит, отправлен в Москву папой Григорием XIII для урегулирования конфликта между Россией и Речью Посполитой и для ведения переговоров об объединении католической и православной церквей с целью совместного похода против Османской Империи. При посредничестве Поссевино между Россией и Речью Посполитой в 1582 году был заключен Ям-Запольский

итальянского иезуита, посетившего Россию в начале 80-х годов XVI столетия. Другие не смогли быть полезными современникам. Такова, например, судьба рукописи одного из видных янсенистских священников, известного под именем аббата Жюбе или Жюбе де ла Кура³¹. Его «Религия, нравы и обычаи Московитов» были обнаружены и опубликованы впервые лишь в конце XX века³².

Монтеस्कье, несомненно, были известны некоторые из этих и подобных им описаний. В XVIII веке, в эпоху, когда жанр литературы путешествий переживает небывалый подъем, записки путешественников входят в основной круг чтения образованного европейца. Литература путешествий в действительности составляет значительную часть домашней библиотеки Монтеस्कье в фамильном замке Ла Бред. По данным каталога библиотеки, представляющего собой опись всех книг, содержащихся в ней на момент смерти писателя в 1755 году, библиотека насчитывала всего 3236 томов³³. Поскольку книги объединены в каталоге в тематические рубрики, описания России также составляют отдельный раздел, носящий название «*Moscoviticarum Rerum Scriptores*». Как и многим другим, этому разделу присвоен своего рода эпиграф из «Метаморфоз» Овидия:

Saxa – quid hoc credat? –
Ponere duritiem coepere...³⁴

К анализу этих стихов мы еще вернемся в последующих главах.

Впрочем, в разделе о Московии содержится всего лишь одна запись. Речь идет об упоминавшейся ранее книге Антонио Поссевино, во втором,

мирный договор. Переговоры об объединении церквей результатов не дали. Записки о пребывании Поссевино в России составили книгу под названием «Московия». Possevini A. *Moscovia*. Vilnae, 1586.

³¹ Жак Жюбе (1674-1745) – янсенистский священник, получивший от Сорбонны поручение вести переговоры о соединении Восточной и Западной Церквей. Жюбе прибыл в Россию в качестве духовника княгини Ирины Петровны Долгорукой, перешедшей в католичество в 1727 году. Во время пребывания в России, длившееся с конца 1728 по 1732 год, Жюбе занимался распространением католических книг. Для этого аббат завязывает контакты с переводчиками, среди которых был и Антон Кантемир. О нем см.: Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. Париж, июнь 1990, №23. С.105-264.

³² Jubé J. *La religion, les mœurs et les usages des Moscovites*. Texte présenté et annoté par Michel Mervaud. Oxford: the Voltaire foundation, 1992.

³³ *Catalogue de la bibliothèque de Montesquieu*, publié par Louis Desgraves. Genève: Librairie Droz, 1954.

³⁴ Публий Овидий Назон «Метаморфозы» (I, 400-401): «Камни, — поверил бы кто, не будь свидетелем древность? — Вдруг они стали терять постепенно и твердость и жесткость».

антверпенском издании 1587 года. Вместе с тем, неверно полагать, что «Московия» была единственной книгой о России, содержащейся в библиотеке Монтескье. Довольно многочисленные описания ее встречаются также в составе сборников и многотомных сочинений, бывших в библиотеке писателя, но распределенных по разным рубрикам в каталоге, что затрудняет их поиск. Отметим некоторые из них. В разделе «*Diversorum autorum descriptiones*» каталога библиотеки за номером 2618 сделана запись сразу о нескольких описаниях, посвященных Московии, Тартарии, Польше, Литве, Пруссии, Ливонии и Швеции, с указанием различных дат³⁵. В действительности речь идет о трех отдельных изданиях, выпущенных авторитетнейшим голландским издательским домом Эльзевиров. Среди них наиболее интересен для нас вышедший в 1630 году в Лейдене сборник «Россия или Московия, а также Тартария, с топографическим и политическим очерком, иллюстрированная»³⁶.

Не менее важно популярное в первой половине XVIII века, в том числе и в России, «Введение в историю европейскую» Самуэля Пуффендорфа³⁷, обильно использованное автором «Духа законов», о чем говорят сделанные его рукой сноски. Пуффендорф посвятил Московии отдельную, хоть и небольшую в сравнении с описаниями других государств, главу. К примеру, она содержит всего 16 страниц против 232, посвященных Франции. Более того, эта книга, хоть и была составлена профессиональным историком, не содержала качественно новой информации о стране и во многом повторяла общие места прежних описаний Московского государства. Напомним, что автор «Истории» был главным историографом при шведском дворе, а его книга вышла в самый разгар Северной войны. Тем не менее, несмотря на

³⁵ Spanocchi, Orazio; Soter Henrik. *Moscoviae et Tartariae*. - Leyde, ex officina elzeviriana, 1630. *Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae*. 1627. *Sueciae*. 1633. См.: *Catalogue de la bibliothèque de Montesquieu, publié par Louis Desgraves*. Genève: Librairie Droz, 1954.

³⁶ *Russia seu Moscovia itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustratae*. Lugduni Batavorum, 1630. Под двумя другими изданиями подразумеваются: 1) Soter Henrik, Bureus Andreas. *Svecia sive de Suecorum Regis Dominiis et opibus. Commentarius politicus*. Ex officina Elzeviriana, 1633; 2) *Respublica, sive Status regni Polonia, Lituania, Prussia, Livonia, etc. diversorum autorum*. Ex officina Elzeviriana, 1627.

³⁷ Puffendorf S. von. *Introduction à l'Histoire des principaux Royaumes et Etats, tels qu'ils sont aujourd'hui dans l'Europe*, 4 Vol. Leide: chez Pierre vander Aa, 1710 (или другое издание).

содержащиеся в ней нелестные отзывы о московском правительстве, книга заинтересовала Петра I, по указанию которого и была переведена на русский язык.

Однако наибольший интерес представляют описания путешествий, вошедшие в четвертый и восьмой тома «Собрания путешествий на Север»³⁸. Сюда вошли, в частности, «Путешествие» англичанина Энтони Дженкинсона, автора первого иностранного описания Каспийского моря; описание путешествия московского посла Эверта Исбрантса Идеса в Китай, составленное его секретарем Адамом Брандом; наконец, описание нравов и обычаев Остяков, составленное Иоганном Бернгардом Мюллером, немецким офицером, состоявшим на шведской военной службе и сосланным в Сибирь после разгрома шведских войск под Полтавой. Как известно, изучение истории, географии Сибири и нравов местных народов составляло одно из обязанностей шведских пленников. Во многом именно благодаря им Европа получила более или менее точное представление об этом регионе. Описания из «Собрания путешествий на Север» будут обильно использованы Монтескье при работе над главами «Духа законов», посвященными Сибири.

В этом отношении важно отметить еще одно любопытное сочинение из библиотеки Монтескье, также неоднократно использовавшееся писателем. Речь идет о «Родословной истории о татарах, переведенной с татарской рукописи Абулгази-Баядур-Хана»³⁹. Рукопись хивинского хана, составленная еще в середине XVII века, была обнаружена в начале следующего столетия офицером шведской армии Филиппом Йоханом Таббертом фон Страленбергом. После Полтавской битвы Страленберг, вместе с другими офицерами, был взят в плен и отправлен в Сибирь, где занимался изучением истории, языков и обычаев местных народов. Впоследствии сочинение Абулгази попало в руки ученого-эрудита Бентинка, которому, по

³⁸ Recueil de voyages au Nord: contenant divers mémoires très utiles au commerce et à la navigation, par Jean-Frédéric Bernard. 8 Vol. Amsterdam, 1715-1727.

³⁹ Aboul Gazi Bahadour Khan. Histoire généalogique des Tatars, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi Bayadur Chan, par M. D. Leyde: A. Kallewier, 1726. По поручению Академии наук книга была переведена Василием Кирилловичем Тридиановским с французского на русский язык. Сочинение вышло в свет в 1768 году под названием «Родословная история о татарах».

мнению исследователей, и принадлежит французский перевод, вышедший в Лейдене в 1726 году⁴⁰. Перевод снабжен пространными комментариями переводчика о нынешнем состоянии Сибири, которые, судя по записям в рабочей тетради Монтескье, заинтересовали писателя больше, нежели сам текст⁴¹.

I.2. Зарождение интереса к русской теме. «Персидские письма» (1721)

При относительном многообразии сочинений о России, характерном для XVII века, их число несравнимо с той колоссальной литературной продукцией, которая обрушилась на европейского читателя после 1717 года. Известно, что именно к этому периоду относится второе заграничное путешествие Петра I. Его пребывание в Париже, в мае 1717 года, дало повод к появлению многочисленных описаний, мемуаров, памфлетов, представляющих сегодня огромную историческую ценность. Фигура царя еще со времен Великого посольства вызывала интерес у европейской публики, главным образом необычностью манер, не соответствующих представлениям о великом монархе-реформаторе⁴². Однако действительный резонанс в литературе получили события, связанные с его визитом ко двору малолетнего короля Людовика XV: «Путешествие Его Царского Величества во Францию и его приезд в Париж пробудили всеобщее любопытство»⁴³, — скажет один из современников этого исключительного по своей важности события, хотя оно и не будет означать начала диалога между «варварской Московией» и «цивилизованной Европой».

⁴⁰ См., напр.: Minuti R. L'image de la Russie dans l'œuvre de Montesquieu // *Cromohs*, №10, 2005. P.1-6. В предисловии к лейденскому изданию сообщаются следующие подробности истории рукописи: «Читатель обязан настоящим трактатом пленению шведских офицеров в Сибири; ибо некоторые из этих господ, бывших литераторами, купили татарскую рукопись этой истории у одного торговца из Бухары, который доставил ее в Тобольск, на их средства рукопись была переведена на русский язык, а затем они сами перевели ее на другие языки...». Avertissement au lecteur // Aboul Gazi Bahadour Khan. *Histoire généalogique des Tatars*, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi Bayadur Chan, par M. D. Leyde: A. Kallewier, 1726. S.p.

⁴¹ Minuti R. L'image de la Russie dans l'œuvre de Montesquieu // *Cromohs*, №10, 2005. P.1-6.

⁴² См. напр.: «Jamais on n'a vu des manières si extraordinaires de conduite dans un Prince». *Mémoires du Chevalier Hasard*. Cologne: P. Le Sincère, 1705. P.173.

⁴³ «Le voyage que sa Majesté Czarienne vient de faire en France, et son arrivée à Paris, ont réveillé la curiosité générale». Avertissement // Perry J. *Etat présent de la Grande Russie ou Moscovie*. Paris: J. Boudot, 1717. S.p.

Очевидно, что и будущему автору «Персидских писем» не удалось остаться в стороне от этой волны «всеобщего любопытства», охватившей литературный мир Франции в связи с царским визитом. Говорить о вероятности встречи Монтескье с русским царем вряд ли представляется возможным: после пяти месяцев, проведенных в Париже, Монтескье покидает столицу в апреле, то есть незадолго до приезда туда Петра⁴⁴. Вскоре по возвращении в Париж в конце того же 1717 года, Монтескье начнет работать над составлением так называемого «*Spicilège*», т.е. «Сборника»⁴⁵, бывшей своего рода рабочей тетрадью писателя, в которую он помещал газетные вырезки, вписывал цитаты из разных авторов, а также и собственные мысли. Так, самым ранним в хронологическом отношении свидетельством о России, зафиксированным Монтескье в его тетради, оказывается любопытная вырезка из «*Gazette de Hollande*» от 14 января 1718 года. В своей заметке автор воспроизводит обстоятельства приема Петра I в почетные члены парижской Академии наук, венчавшего пребывание русского монарха во французской столице.

Монтескье, чьи научные интересы хорошо известны⁴⁶, так же как и его многочисленные дружеские связи с самыми выдающимися учеными эпохи, явно заинтересован той стороной деятельности царя, которая связана с наукой. 20 октября 1721 года в своем письме к Жан-Жаку Дорту де Мерану, известному физик и математику, члену Королевской Академии наук, в будущем почетному члену Академии наук в Петербурге, Монтескье

⁴⁴ По мнению Поля Верньера, замысел романа «Персидские письма» относится именно к этому периоду: «L'idée des Lettres persanes a dû naître à Paris, au cours des longues vacances que s'octroye le président de décembre 1716 à avril 1717: arrivée du tsar Pierre le Grand, réveil janséniste et appel au concile général, Chambre de justice, montée de Dubois, signature de la Triple-Alliance; le flux des événements l'encourageait à la chronique et laissera de nombreuses traces dans les Lettres Persanes». Montesquieu Ch.-L. *Lettres persanes* // Introduction de Paul Vernière. Paris: Garnier, 1960. P.IV.

⁴⁵ Существуют сведения о том, что первая часть «Сборника» не принадлежит самому Монтескье, но была переписана из некоего сборника мыслей, составленного неизвестным автором и попавшего в руки Монтескье в 1713 году от Пьера Николая Демоле, библиотекаря парижской семинарии Оратуар. Подробнее об этом см.: Minuti R. *Spicilège* // Dictionnaire électronique Montesquieu, www.dictionnaire-montesquieu.ens-lsh.fr.

⁴⁶ Первыми литературными трудами Монтескье являются эссе по анатомии, ботанике, физике и другим наукам. См. напр.: *Discours sur la cause de l'écho* (1718), *Discours sur l'usage des glandes rénales* (1718), *Essai d'observations sur l'histoire naturelle* (1719-1721), *Discours sur la cause de la pesanteur des corps* (1720), *Discours sur la cause de la transparence des corps* (1720). Полный список сочинений Монтескье см.: C.P. Courtney, en collab. avec C. Volpilhac-Augier. *Bibliographie chronologique provisoire des œuvres de Montesquieu* // *Revue Montesquieu*, №2, 1998. P. 211-245.

упоминает о произведенных Петром «удачных наблюдениях». По словам автора письма, «более подходящего» человека, которому можно было бы поручить это задание, найти было вряд ли возможно⁴⁷. Никаких пояснений относительно предмета наблюдений в письме не содержится, но, очевидно, имеются в виду сделанные Петром замечания к карте Каспийского моря, отправленной в парижскую Академию наук в 1721 году, спустя несколько лет после его европейского путешествия. Карта получила высокую оценку французских ученых за точность, выгодно отличавшую ее от всех предыдущих. Позже, подводя итог преобразовательной деятельности Петра в своем «Похвальном слове царю Петру I», секретарь Академии, Бернар Ле Бовье де Фонтенель, отзовется о ней как о настоящей научной сенсации: «Он приказал составить карту этого моря и благодаря этому доблестному академику мы, наконец, узнали его истинные очертания, существенно отличные от тех, что ему обычно приписывают»⁴⁸. Этой картой, получившей у Монтескье наименование «царской карты» («*carte du tsar*»)⁴⁹, писатель не единожды воспользуется во время работы над шестой главой книги XXI «Духа законов», повествующей, в частности, о древней торговле на Каспийском море. Впрочем, это не единственный случай обращения Монтескье к картографии России и подвластных ей территорий. Источниками сведений о водных ресурсах Сибири, или Великой Тартарии (реках Амур, Лена, Иртыш, Ангара, Енисей, озере Байкал), писателю послужили карты Жана-Батиста Дюальда и миссионеров-иезуитов, а также карты, составленные Витусом Берингом и Гийомом Делилем. Об этом

⁴⁷ «Je trouve monsieur que le czar a fait une très belle observation. Vous n'auriez pu en charger personne de plus propre que lui». Lettre №38. Correspondance. I, Avant 1700-mars 1731: lettres 1-364 // Oeuvres complètes de Montesquieu, t.18, éd. par Louis Desgraves et Edgar Mass, en collab. avec C.P. Courtney, J. Ehrard et A. Postigliola, Oxford: Voltaire Foundation, 1998.

⁴⁸ « Il fit lever le Plan de cette Mer ; grace à ce Conquérant Académicien, on en connut enfin la véritable figure, fort différente de celle qu'on lui donnoit communément ». Éloge du czar Pierre I // Œuvres de Monsieur de Fontenelle. Nouvelle édition. T. 6. Amsterdam: aux dépens de la Compagnie, 1754. P.120.

⁴⁹ См. напр.: Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol. 2. P.31, note.

свидетельствуют обстоятельные замечания к ним, составленные Монтескье и содержащиеся в его сборнике «Мысли»⁵⁰.

Наряду с этими отдельными свидетельствами интереса Монтескье к России в 1721 году появляется также и первое оформившееся суждение писателя о ней. В «Персидских письмах» России, или Московии, уделена одна небольшая, но чрезвычайно важная глава. Речь идет о письме LI, в котором Наргум, персидский посланник в Московии, обращается к Узбеку с занимательным рассказом о единственной из христианских стран, «чьи интересы имеют общее с интересами Персии»⁵¹. В связи с этой главой важно, в частности, отметить, что Московия четко вписывается в так называемую ситуацию остранения. В соответствии с принципом остранения, на котором, как известно, построен роман, автор-европеец пытается взглянуть на западную цивилизацию глазами представителя восточной цивилизации. Во второй половине XVIII века Россия занимает положение некой промежуточной области, принадлежащей одновременно и Западу и Востоку мира Московия⁵². Однако в «Персидских письмах» Московия еще мыслится как часть восточной цивилизации, а фигура москвитянина, как и фигура персиянина, вполне соотносится в сознании европейцев с понятием *Другого*.

Таким образом, появление Московии на страницах так называемого «восточного романа» в целом соответствует общему представлению о ней как об экзотической, неизвестной и неизведанной стране. Впрочем, созданный Монтескье образ Московии обнаруживает очевидную преемственность с описаниями этой страны у авторов предшествующих эпох. Следы их использования находим непосредственно в тексте романа. Образ Московии, составляющий содержание письма LI, складывается из наиболее популярных сюжетов европейской россики: неограниченная власть

⁵⁰ Pensée 1301. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Spicilège. Paris: Robert Laffont, 1991.

⁵¹ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.80.

⁵² Американским историком Ларри Вульфом подробно исследована проблема происхождения во второй половине XVIII века концепта «Восточная Европа» как промежуточной культурной зоны в оппозиции «цивилизованный Запад – варварский Восток». См.: Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford university press, 1994.

русского монарха, суровый климат, невежество москвитов, их дикие обычаи, запрещающие им, в частности, выезжать из страны. Сама подборка сюжетов как будто подтверждает несамостоятельность суждений Монтескье о России. Так, вслед за многочисленными предшественниками, писатель говорит о Петре: «Он полный властелин над жизнью и имуществом своих подданных, которые все рабы за исключением четырех семейств»⁵³. При этом удивительна не столько повторяемость мотива, сколько факт буквального цитирования источника, нетипичный для романного жанра в XVIII веке. Действительно, при сопоставлении текста Монтескье с текстами других авторов, писавших о России, подтвердилось, что автором данного высказывания Монтескье не является. Еще в 1669 году автор «Описания трех посольств графа Карлейля» писал: «Правление в Московии не только монархическое, но также и деспотическое, или тираническое, потому что цари являются не только монархами, но и господами и *полными властелинами над жизнью и имуществом своих подданных* (курсив мой)»⁵⁴. Автор «Описания», довольно известный в то время писатель и лексикограф, Гвидо Миеж (1644-ок.1718), находившийся в составе посольства графа Карлейля, хоть и называет подданных царя рабами, не делает исключения даже и для четырех семейств, о которых говорится в «Персидских письмах». Очевидно, эта идея также была подсказана Монтескье другим автором. Скорее всего, им является загадочный автор «Нового любопытного описания Московии», известный под именем Фуа де ла Невилля. Эта книга получила достаточное распространение в Европе еще при его жизни: в течение двух лет с момента появления, в 1698 году, она была издана трижды на трех европейских языках. Между тем, о самом авторе достоверно известно лишь то, что он находился в Московии с поручением от маркиза де Бетюна,

⁵³ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.80.

⁵⁴ Miège G. La relation de Trois Ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle. Paris: P. Jannet, 1857. P.344.

французского посла в Польше⁵⁵. В главе «Нравы и религия московитов» Фуа де ла Невилль так отзывался об этом народе: «Московиты, собственно говоря, — варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, жадны, к тому же жулики и трусы, *все рабы за исключением трех иностранных семейств* (курсив мой), а именно князя Сиркаша, в прошлом владевшего провинцией, носящей то же имя, и имеющего огромные богатства, Галишина и Артемоновича»⁵⁶. Под именами Сиркаша и Галишина скрываются соответственно Черкасские и Голицыны. Что же касается Артемоновича, то автор, не знавший русского языка, очевидно, имеет в виду Андрея Артамоновича Матвеева, путая отчество с фамилией. Впрочем, Андрей Артамонович, мать которого, Евдокия Григорьевна (Мэри) Гамильтон, была шотландкой по происхождению, был иностранцем лишь наполовину. Пожалуй, наиболее обоснованной характеристика «иностранное семейство» является по отношению к князьям Черкасским, бывшим потомками кабардинских правителей. Между тем, Монтескье, в свою очередь, тоже неточен, говоря о четырех семействах, в то время как Фуа де ла Невилль упоминает лишь о трех.

Примечателен в этом смысле еще один эпизод, в котором воспроизводится, также в несколько искаженном виде, пожалуй, самый излюбленный среди путешественников анекдот о том, как «московские женщины любят, чтобы их били»⁵⁷. Анекдот в различных интерпретациях появляется в сочинениях самых разных авторов. Среди наиболее ранних

⁵⁵ Madariaga Isabel de. Who was Foy de la Neuville? // Cahiers du monde russe et soviétique, XXVIII (1), janvier-mars 1987. P.21-30. Информацию о маркизе де Бетюне см. в: Dictionnaire de la noblesse. Tome 2. Paris, 1771. P.445-446.

⁵⁶ Foy de la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. Paris: Anbourg, 1698. P.181.

⁵⁷ Монтескье приводит письмо молодой москвитянки: «Любезная матушка! Я самая несчастная женщина на свете; чего я только не делала, чтобы муж полюбил меня, а мне это так и не удалось. Вчера у меня дома была пропасть дел, а я ушла со двора на весь день, надеясь, что по возвращении он меня здорово отколотит, а он не сказал мне ни слова. Вот у сестры совсем не так: муж бьет ее всякий день; она не может взглянуть на мужчину, чтобы муж тотчас же ее не оттрепал; они крепко любят друг друга и живут в полном согласии и т.д.». Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.81.

источников отметим «Галерею нравов» Джона Барклея⁵⁸, одного из первых «опытов о нравах» разных европейских народов, и «Историю о Великом княжестве Московском» Петра Петрея⁵⁹. Уже в 1647 году, в своем «Описании голштинского посольства в Московию», Адам Олеарий усомнится в правдивости истории. Тем не менее, она по-прежнему будет регулярно возвращаться на страницы описаний путешествий в Россию вплоть до XIX века. Между тем, автором анекдота следует считать Сигизмунда Герберштейна, дважды посетившего Великое княжество Московское в составе имперских посольств⁶⁰. Вероятно, именно «Записки о Московитских делах», вышедшие еще в 1549 году, послужили Монтескье источником сюжета.

Среди прочих «вечных» сюжетов повествований о России, попавших на страницы «Персидских писем», особый интерес представляет миф о «русской угрозе», пришедший на смену мифу о «русском варварстве»⁶¹ и окончательно укрепившийся в эпоху Петра I. Вопрос о принадлежности России к Западу или Востоку, занимавший любого, кто писал об этой стране, всегда был спорен. Выше мы уже упомянули о том, что во второй половине XVIII века в контексте оппозиции Запад-Восток Россия зачастую рассматривалась как некая синтетическая единица: ее принадлежность к Западу определялась ее географическим положением, вместе с тем, деспотическая форма правления и рабство были главными аргументами в

⁵⁸ Barclay J. Ioannis Barclaii Icon animorum. Londini: ex officina Nortoniana, apud J. Billium, 1614. В 1625 году книга вышла во французском переводе под заглавием «Tableau des Esprits», в 1633 году – в английском переводе под заглавием «The Mirror of Minds».

⁵⁹ Petrejus P. Regni Muschowitici sciographia. Stockholm, 1615. В 1620 году книга вышла в немецком переводе под заглавием «Historien-Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow», в 1867 году – в русском переводе под заглавием «История о Великом княжестве Московском».

⁶⁰ Ср. цитированный ранее текст Монтескье с текстом Герберштейна: «Был в Москве один немец, кузнец по имени Журдан, был женат на русской. Пожив с ним какое-то время, жена вдруг возьми и спроси у него, уж и не помню по какому случаю: «Почему, дорогой мой супруг, ты совсем меня не любишь?» На это муж ей отвечает: «Да нет же, я очень сильно тебя люблю». Она: «Но я еще не видела ни единого доказательства тому». Тогда муж спрашивает, какого рода доказательства ей нужны, а жена и говорит ему: «Ты никогда меня не бил». «Что ж, - отвечает ей муж, пока что побои не казались мне доказательством любви, но отныне, не беспокойся, я непременно сделаю, как ты просишь». Вскоре он действительно сильно побил ее и, как он мне рассказал, с этого момента его жена полюбила его еще сильнее». Herberstein S. von. La Moscovie du XVIe siècle vue par un ambassadeur occidental, Herberstein. Présentation et traduction de Robert Delort. Paris: Calmann-Lévy, 1965. P.61.

⁶¹ Об этом см.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ, 1999.

пользу ее «восточности». По мнению Владимира Береловича, эта неопределенность была своего рода свидетельством внутреннего конфликта европейского сознания, которое одновременно и хотело и опасалось включать Россию в категорию Запад⁶². Завоевательная политика, которую Россия вела еще со времен Ивана Грозного, и, следовательно, постепенное расширение страны на Восток, воспринимались Европой как угроза ее безопасности.

Эта мысль, которая все больше тревожила современников Монтескье, намечена в последних строках письма LI: «Беспокойный и стремительный, – говорит автор о Петре I, этот монарх разъезжает по своим обширным владениям, всюду проявляя свою природную суровость. Он покидает родную страну, словно она тесна для него, и отправляется в Европу искать новых областей и новых царств»⁶³. О том, что проблема военной экспансии действительно волновала Монтескье, свидетельствует также письмо LXXXI. Как и предыдущее, оно написано от лица персидского посла Наргума в Московии, хотя на этот раз речь идет не о самих москвитях, а об их ближайших соседях, татарах. «Из всех народов мира, дражайший мой Узбек, – говорится в этом письме, ни один не превзошел татар славою и величием завоеваний. Этот народ – настоящий повелитель вселенной: все другие как будто созданы, чтобы служить ему. Он в равной мере и основатель и разрушитель империй; во все времена являл он миру свое могущество, во все эпохи был он бичом народов»⁶⁴. Отношение Монтескье к этому народу, как видим, противоречиво. С одной стороны, завоевания Чингисхана, которым уступают даже завоевания Александра Македонского, вызывают истинное восхищение писателя, сетующего о том, что столь великие деяния погребены в забвении. С другой стороны, величайшее

⁶² Berelowitch V. Europe ou Asie? Saint-Petersbourg dans les relations de voyage occidentaux // Le mirage russe au XVIIIe siècle, éd. Sergueï Karp et Larry Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. P.57-74.

⁶³ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.82.

⁶⁴ Там же. С.130.

восхищение военной мощью татар соседствует с опасением за будущее «цивилизованных» народов.

Отметим, что в сознании европейца образ татар неизменно связан с образом московитов, главным образом в силу их территориальной близости. Неслучайно еще в середине XVIII века, то есть более чем через двести лет после окончания татаро-монгольского ига, азиатская часть России по-прежнему именовалась Великой Тартарией. Под этим наименованием владения русских царей в Сибири встречаются в описаниях путешественников, но также и на географических картах. В этом смысле татаро-монгольское иго было еще одним важным аргументом против включения России в категорию Запад.

По мысли Монтескье, которая приобретет наиболее законченную форму лишь в трактате «О Духе законов», о котором мы подробнее будем говорить далее, Россия является своего рода наследницей монголо-татар. От них она унаследовала «восточные» обычаи, не соответствующие природе ее климата. От них же она унаследовала и «восточный» тип правления, деспотию, также чуждый природе климата этой страны. Действительно, в соответствии с географической теорией Монтескье, холодному климату России больше подходит умеренная форма правления, как в Англии или в Скандинавских странах. Наконец, татаро-монгольским влиянием объясняется и завоевательная политика России, которая и давала повод европейцам ставить Россию в один ряд с самими татарами и другими народами-завоевателями. В XVIII веке, когда татары уже не представляют угрозу Европе, опасность как будто исходит от их преемницы, бывшей когда-то у них в подчинении, России. Эта идея получит дальнейшее развитие в европейской литературе и, в конечном счете, станет основной подоплекой политической игры против России в XIX веке⁶⁵.

⁶⁵ Речь идет, в частности, о так называемом «Завещании Петра Великого», фальсифицированном документе, якобы составленном Петром для своих преемников, в котором Петр будто бы призывает к распространению могущества России и захвату всей Европы. По одной из версий, распространение текста во Франции было санкционировано самим Наполеоном в оправдание войны с Россией.

1.3. Вена (1728). Петр I в рассказах очевидцев

Спустя годы после выхода «Персидских писем» личность Петра все более занимает Монтескье. В творческой биографии писателя можно выделить несколько наиболее важных этапов развития петровской темы. К одному из таких этапов следует отнести путешествие по Европе, предпринятое Монтескье в 1728 году. В ходе путешествия, продлившегося без малого четыре года, Монтескье посетил Австрию, Италию, Германию, Голландию и Англию, то есть страны, по которым традиционно пролегал маршрут «Grand-Tour». Между тем, учитывая возраст путешественника (в 1728 году Монтескье было тридцать девять лет), очевидно, что это путешествие не носило образовательного характера в оригинальном смысле этого слова. Однако это не мешает включить путешествие автора «Персидских писем» в традицию классического европейского «Grand-Tour». При единстве конечной цели путешествия, состоявшей, как было отмечено ранее, в узнавании памятных мест исторической и культурной жизни Европы, посещение каждой отдельной страны обусловлено особой целью.

Наиболее яркий пример в этом отношении представляет Италия. Путешествие по этой стране обыкновенно расценивалось как посвящение в мир искусства, что связано с традиционным восприятием этой страны как колыбели живописи и скульптуры. Италия, в самом деле, произвела исключительное воздействие на эстетический вкус Монтескье. 26 декабря 1728 года, находясь во Флоренции, он пишет в письме к своей давней знакомой, госпоже де Ламбер, известной хозяйке одного из парижских салонов: «С тех пор как я в Италии, я открыл глаза на искусство, о котором прежде не имел ни малейшего представления. <...> Я злюсь на самого себя за то, что вплоть до 35-илетнего возраста я отказывал себе в удовольствии смотреть на красивую картину или красивый фасад. Я вернусь в Париж, ибо в действительности я его еще не видел»⁶⁶. Эстетическое удовольствие было, по выражению исследователя творчества Монтескье Жана Эрара, основной

⁶⁶ Montesquieu Ch-L. *Pensées*. Spicilège. Paris: Robert Laffont, 1991. P.47.

составляющей его «римского счастья»⁶⁷, несмотря на то, что писатель постигал искусство в большей степени интеллектом, нежели чувством. При том, что ни знатоком искусства, ни даже просто любителем Монтескье не являлся, примечательно, что в зоне его непрофессионального интереса оказались такие вопросы, как, например, принцип работы со светотенью, понятие перспективы в живописи или суть различий между разными школами в живописи. Естественно предположить, что инициация Монтескье в мир искусства происходила не без постороннего участия. Действительно, эту роль взял на себя собрат Монтескье по перу, английский поэт Хильдебранд Джейкоб (1693-1739), эсквайр, автор трагедии «Роковое постоянство», трех комедий и многочисленных поэм.

Иную цель преследовали путешественники, отправляясь в Англию. Для мыслителей Просвещения Англия представляла собой исключительный образец наиболее совершенного политического устройства. Интерес к механизму политической жизни этой страны был, таким образом, основным мотивом путешествия по Англии, в том числе, и для Монтескье, убежденного англофила и последовательного сторонника английской конституции. Так или иначе, об английском периоде путешествия писателя часто говорят как о решающем факторе формирования его политической теории.

Для нас же наибольший интерес представляет самый первый этап путешествия Монтескье, связанный с пребыванием писателя в Вене. Венский период никогда не выделялся исследователями особенно, между тем, именно с этим городом следует связывать один из наиболее существенных этапов формирования образа России у автора «Персидских писем». В письме от 10 мая 1728 года Монтескье обращается к своему другу аббату Пьеру-Жозефу Тулье д'Оливе с просьбой выслать ему «два экземпляра советов госпожи де Ламбер и два других экземпляра похвального слова царю и господину

⁶⁷ Ehrard J. Montesquieu critique d'art. Paris: PUF, 1965. P.15.

Ньютону»⁶⁸. Монтескье имеет в виду «Наставления матери сыну и дочери» маркизы де Ламбер, «Похвальное слово царю Петру I» и «Похвальное слово господину Ньютону» Бернара ле Бовье де Фонтенеля. «Похвальное слово царю Петру I» вышло отдельным изданием спустя два года после того, как 14 ноября 1725 года Фонтенель произнес свою хвалебную речь в адрес коронованного академика на всеобщем заседании королевской Академии наук.

Монтескье с недоверием принимает «Похвальное слово» Фонтенеля. В письме к маркизе де Ламбер, написанном уже после отъезда из Вены, Монтескье сетует на то, что сочинения Фонтенеля становятся популярными прежде, чем их успевают прочесть. Иными словами, по мнению писателя, главную причину успеха «Похвального слова царю Петру I» следует усматривать, в первую очередь, в известности его автора⁶⁹. Кстати, именно благодаря Фонтенелю перед Монтескье открылись двери салона маркизы де Ламбер, которая, в свою очередь, способствовала его избранию во Французскую Академию 24 января 1728 года, за несколько месяцев до его отъезда в европейское путешествие.

Реакция Монтескье на книгу Фонтенеля явно свидетельствует о том, что идеализированный образ царя-преобразователя не вполне соответствует его собственным представлениям о Петре. Очевидно, что уже к концу 20-х годов у писателя вырабатывается неоднозначное отношение к русскому царю и его преобразовательной деятельности. Вместе с тем, необходимо учитывать и тот факт, что жанр похвального слова – очень несвободный жанр. Он требует от автора намеренного возвеличения исторической личности и ее заслуг. Кроме того, составление похвальных слов академикам было одним из обязательных направлений деятельности Академии. Из-под пера Фонтенеля, более сорока лет занимавшего должность неперменного секретаря Академии

⁶⁸ Lettre №285. Correspondance. I, Avant 1700-mars 1731: lettres 1-364 // Oeuvres complètes de Montesquieu, t.18, éd. par Louis Desgraves et Edgar Mass, en collab. avec C.P. Courtney, J. Ehrard et A. Postigliola, Oxford: Voltaire Foundation, 1998.

⁶⁹ Lettre №304. Ibid.

Наук⁷⁰, вышел не один десяток «Похвальных слов», составивших два тома его полного собрания сочинений. Между тем, именно созданный Фонтенелем образ Петра во многом способствовал укреплению зарождающегося мифа царя-творца, в одиночку создавшего новую страну, новую нацию: «Всё нужно было делать с начала в Московии, совершенствовать было нечего»⁷¹. Одновременно с этим направлением развития петровской темы, нашедшей наиболее полное воплощение в творчестве Вольтера, в европейской литературе постепенно развивалось и другое, критическое направление, связанное, в первую очередь, с именем Жан-Жака Руссо.

С пребыванием Монтескье в Вене связан другой любопытный эпизод, также свидетельствующий о постепенном формировании независимого суждения писателя о России. 4 июля 1728 года испанский посол в России Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт, более известный как герцог Лириа, писал в Вену своему другу Монтескье, что был бы чрезвычайно рад принять его в Москве, где располагался тогда русский двор. «Вы увидите, – сообщал герцог Лириа, самую прекрасную страну из когда-либо виденных вами, дивный климат, принца ангельской красоты, очаровательную принцессу⁷² и посла Испании, который примет вас с распростертыми объятиями. Подумайте, устраивает ли вас это, отсюда вы можете ехать через Украину и Тартарию до Константинополя, а оттуда морем до Венеции. ... Немалый путь

⁷⁰ Фонтенель занимал должность постоянного секретаря Академии Наук с 1699 по 1741 годы.

⁷¹ *Éloge du czar Pierre I // Œuvres de monsieur de Fontenelle. T.6. Amsterdam: aux dépens de la Compagnie, 1754. P.107.*

⁷² «Принц» и «принцесса» - условный перевод слов «prince» и «princesse», использованных в оригинале, поскольку доподлинно не известно, о ком идет речь. В первом случае, скорее всего, имеется в виду молодой император Петр II. В своем «Донесении о Московии в 1731 г.» герцог Лириа говорил о нем: «... это был один из самых прекрасных принцев, какого только можно видеть». Предположительно под принцессой подразумевается цесаревна Елизавета Петровна, тетка Петра. Как и многие его современники, герцог Лириа отмечал красоту Елизаветы: «Она очень красива, наделена разумом, манерами и грацией». Но не исключено, что речь идет о старшей сестре императора, великой княжне Наталье Алексеевне, о которой герцог Лириа отзывался наилучшим образом: «Нельзя сказать, чтобы она была красива: у нее была ветряная оспа и она была немного курноса, но была хорошо сложена, имела превосходный ум и рассудительность. Она была среднего роста и скорее полна, нежели худа, у нее были доброе лицо, красивая шея и руки. ... Ее характер был восхитителен, она была щедра ко всем и милосердна к бедным, любила доставлять удовольствие, была очень расположена к иностранцам, очень хорошо говорила по-французски и по-английски. <...> Одним словом, это была одна из самых совершенных принцесс в мире, которая оказалась бы благословением России, если бы выжила». Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории, №5, 1997.

я предлагаю вам проделать, однако взамен вы увидите небывалые вещи»⁷³. В первую очередь, обращает на себя внимание нарочито панегирический тон автора письма. Так, в контексте европейской россики XVII-первой половины XVIII веков высказывание о «дивном климате» Московии представляется, по меньшей мере, удивительным. Не менее удивительна и оценка страны в целом как «самой прекрасной», притом, что подход герцога Лириа к русской действительности на самом деле не отличается доброжелательностью, о чем свидетельствуют его «Донесение о Московии» и «Записки дюка Лирийского». Напомним, однако, что письмо датировано серединой 1728 года, когда в отношениях между Россией и Империей, а также ее ближайшей союзницей, Испанией, наметилось заметное потепление, связанное с восшествием на престол Петра II, племянника австрийской императрицы. Эти обстоятельства, в свою очередь, самым положительным образом влияли на положение испанского посла при русской дворе. Нам удалось обнаружить любопытное тому подтверждение в одной неизвестной рукописи из собрания Российской национальной библиотеки. Рукопись представляет собой собрание материалов по истории России на французском языке, объединенных под общим названием «Собрание древних подлинных рукописей и списков, касающихся до России и других предметов, представлено Ее Величеству графом Толстым»⁷⁴. В «Собрание» входит, в частности, «Описание коронации царя Петра II», в котором содержатся сведения об особых почестях, оказанных испанскому послу герцогу Лириа во время церемонии: «... его выделили, предоставив ему самую почетную ложу после той, что предназначалась для наследных принцесс, в то время как всех прочих иностранных министров поместили в другую ложу, вперемешку со всякого рода людьми без звания»⁷⁵. Известно также, что в марте 1728 года

⁷³ Lettre №298. Correspondance. I, Avant 1700-mars 1731: lettres 1-364 // Oeuvres complètes de Montesquieu, t. 18, éd. par Louis Desgraves et Edgar Mass, en collab. avec C.P. Courtney, J. Ehrard et A. Postigliola, Oxford: Voltaire Foundation, 1998.

⁷⁴ Collection d'anciens manuscrits originaux et de quelques copies sur la Russie et autres objets, présentées à Sa Majesté par le comte Tolstoy. ОР РНБ, Ф.961, Fr. F. IV, №148.

⁷⁵ « ... on l'avoit distingué en luy donnant la loge la plus honorable apres celle des princesses du sang pendant que l'on a placé tous les ministres étrangers dans une autre et pesle mêle avec toutes sortes de gens sans caracthere ».

герцог удостоился высшей награды – ордена Святого Андрея Первозванного, врученного ему лично императором. В августе того же года ему также будет вручен орден Святого Александра Невского⁷⁶.

На данный момент невозможно утверждать, носило ли приглашение герцога Лириа лишь формальный характер, и надеялся ли в действительности испанский посол склонить Монтескье к путешествию в далекую Московию. Кроме того, нам не удалось обнаружить сведений о существовании ответного письма Монтескье к Лириа. Несколько строк из письма к графу Балкели⁷⁷, написанного между 9 и 12 июля того же 1728 года, являются единственным сохранившимся письменным свидетельством иронического отказа Монтескье, видимо, не воспринявшего приглашение всерьез. «Вчера получил письмо от герцога Лириа, – говорится в письме, он описывает Московию как Блаженные Острова, но, думаю, нет его вины в том, что ему там так скучно»⁷⁸. Очевидно, что в основе сравнения между Москвией и Блаженными Островами лежит миф о рае на земле, но использованный Монтескье в ироническом ключе. Между тем, это сравнение представляется нам примечательным. Во-первых, в сознании европейцев Московия действительно представала как расположенная где-то на краю света, полумифическая страна. Во-вторых, эта в прошлом «варварская» страна и в самом деле сделается необычайно привлекательной для всевозможных искателей фортуны: со всей Европы туда потянутся военные, ученые, гувернеры, прожектеры – авторы проектов политических реформ в России и пр.

Collection d'anciens manuscrits originaux et de quelques copies sur la Russie et autres objets, présentées à Sa Majesté par le comte Tolstoy. ОР РНБ, Ф.961, Fr. F. IV, №148, fol.5-5r^o.

⁷⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Великомученицы Екатерины, Св. благоверного великого князя Александра Невского и Св. Анны. М. 1814. С.82.

⁷⁷ Франсуа де Балкели (1686-1756) был англичанином по происхождению, на французской службе с 1700 г. Под началом маршала Бервика, отца герцога Лириа, дослужился до чина генерал-лейтенанта. Был кавалером Ордена Святого Духа.

⁷⁸ Lettre №301. Correspondance. I, Avant 1700-mars 1731: lettres 1-364 // Oeuvres complètes de Montesquieu, t.18, éd. par Louis Desgraves et Edgar Mass, en collab. avec C.P. Courtney, J. Ehrard et A. Postigliola, Oxford: Voltaire Foundation, 1998.

Закономерно возникает вопрос о возможных причинах столь уклончивого ответа Монтескье на приглашение испанского посла. Альбер Лортолари, автор известного исследования «Русский мираж во Франции в XVIII веке», мотивирует отказ Монтескье плохим климатом России и внушавшей опасения политической ситуацией, вызванной чередой дворцовых переворотов⁷⁹. При отсутствии каких-либо документальных подтверждений такое объяснение может показаться необоснованным. Однако содержащееся в нем указание на дворцовые перевороты заслуживает некоторого внимания в контексте «русской» темы у Монтескье. Писатель касается этой проблемы в связи с вопросом о престолонаследии в деспотических государствах, к которым, как известно, он относил и Россию. В четырнадцатой главе книги V «Духа законов» «О соответствии законов деспотического правления их принципу» говорится: «По законам Московского государства царь волен избрать себе в преемники кого хочет или в своем семействе, или вне его. Такое установление о преемственности порождает тысячи смут и делает положение престола настолько шатким, насколько произвольна его преемственность»⁸⁰. Монтескье отсылает в первую очередь к закону 1722 года – указу Петра I о престолонаследии, закрепляющему за государем право выбора преемника по своему желанию. Отечественные писатели и историки сходятся в том, что, отступая от традиционного принципа престолонаследия, Петр создал все условия для возникновения многочисленных смут, вошедших в историю как эпоха дворцовых переворотов⁸¹. Как видно из процитированного отрывка, уже Монтескье отмечал губительные для российского престола последствия установлений Петра, тем самым вновь ставя под сомнение его репутацию гениального законодателя.

Очевидно, что суждение самого Монтескье о Петре, России и ее исторической судьбе постепенно усложняется от «Персидских писем» к

⁷⁹ См.: Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Contemporaines, 1951.

⁸⁰ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol. 1. P.188.

⁸¹ См. напр.: Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1868.

«Духу законов». Во многом это результат переосмысления общих мест литературы о России за счет привлечения дополнительных, в том числе нелитературных, источников. Речь идет, в первую очередь, об устных сообщениях, представлявших исключительный интерес для Монтескье, который охотно заносил рассказы своих информированных собеседников в свои рабочие тетради, опубликованные впоследствии под заглавиями «Мысли» и «Сборник». Впервые о возможном влиянии устных свидетельств на формирование образа России у Монтескье заговорил Альбер Лортолари в 50-е годы прошлого века, хотя упомянул далеко не всех собеседников будущего автора «Духа законов»⁸².

За время его непродолжительного пребывания в Вене⁸³ Монтескье впервые представился случай свести знакомство с «очевидцами» русской действительности. В XVIII веке этот город являл собой своего рода дипломатический центр Европы. Учитывая дипломатические амбиции самого Монтескье, неудивительно, что с помощью сопровождавшего его в путешествии лорда Вальдеграва, бывшего английским послом в Вене, писателю без труда удалось проникнуть в дипломатические круги австрийской столицы. Заметим, что среди венских знакомых Монтескье были, в том числе, представители русской дипломатии, впрочем, и те иностранцы. Так, на момент пребывания там писателя интересы России в Вене представлял Людовик Ланчинский, поляк, вступивший на русскую службу еще в 1705 году. Впрочем, как свидетельствуют путевые заметки Монтескье, фигура русского посланника его нисколько не заинтересовала. «Меркантильный человек» – это всё, что он скажет о Ланчинском, даже не назвав при этом его имени⁸⁴. Бóльшую симпатию у автора «Персидских писем» вызвал бывший посол Священной Римской Империи в России Стефан Вильгельм Кинский. И хотя их знакомство не будет иметь

⁸² Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Contemporaines, 1951.

⁸³ Монтескье посетил Вену дважды. Первое пребывание в австрийской столице продолжалось с 30 апреля по 27 мая, второе – с 26 июня по 9 июля.

⁸⁴ «L'envoyé de Prusse, Brandt: homme très matériel, mais bon homme. L'envoyé de Moscovie: plus matériel encore». Montesquieu Ch.-L. de. Voyages. Paris: Arléa, 2003. P.14.

продолжения, теплые воспоминания о графе Кинском Монтескье сохранит до конца жизни⁸⁵. Кинский был в России не в самый благоприятный период русско-имперских отношений, связанный с отстранением от престолонаследия великого князя Петра Алексеевича, родственника правящего императора Карла VI по матери⁸⁶. Во многом благодаря вмешательству Кинского дипломатического скандала удалось избежать. Впрочем, неизвестно, нашел ли эпизод, связанный с судьбой Петра Алексеевича, внука Петра I, отражение в беседах графа с Монтескье. «Сборник» и «Мысли» не содержат никаких следов упоминаний о нем.

Очевидно, что наибольший интерес для Монтескье представляет фигура самого Петра I. О том, что личность русского царя составляла один из предметов бесед между писателем и его венскими знакомыми, можно судить по записям в «Сборнике». Одна из записей сделана со слов датского адмирала Эверта Дейхмана, состоявшего на службе императора Священной Римской Империи и, по свидетельству Монтескье, имевшего в планах поступление на российскую службу. Его рассказ представляет собой довольно беспощадный портрет русского царя, виденного им в Варшаве⁸⁷. Петр изображен у Дейхмана нехристом, сумасбродом и пьяницей, «страшным в похмелье». Из его сбивчивого рассказа о странном действе, сопровождавшемся обильными водочными возлияниями, шествием процессии людей, именовавших себя «кардиналами», и выборами «папы» ясно, что Дейхману довелось быть свидетелем одного из самых любопытных и сложных явлений петровской эпохи. Речь идет об учрежденном Петром I шутовском патриаршестве, так называемых «всешутейных и всепьянейших соборах», высмеивавших обряды римско-католической, а также и

⁸⁵ В письме к аббату Гуаско от 4 октября 1752 года Монтескье с сожалением констатирует, что не сохранил венских знакомств: « Vous allez à Vienne: je crois que j'y ai perdu, depuis vingt-deux ans, toutes mes connoissances. <...> MM. les comtes Kinski, M. le prince de Lichtenstein, M. le marquis de Prié, M. le comte d'Harak et toute sa famille ... m'ont honoré de leurs bontés: tout le reste est mort; et moi je mourrai bientôt: si vous pouvez me rappeler dans leur souvenir, vous me ferez beaucoup de plaisir ». *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur.* Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.

⁸⁶ Великий князь Петр Алексеевич, будущий император Петр II, был сыном царевича Алексея и немецкой принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской. София-Шарлотта была, в свою очередь, родной сестрой императрицы Елизаветы, супруги императора Карла VI.

⁸⁷ Spicilège 553. Montesquieu Ch.-L. *Pensées.* Spicilège. Paris: Robert Laffont, 1991.

православной церковью⁸⁸. Очевидно при этом, что ни сам Дейхман, ни Монтескье, записавший его рассказ в свою тетрадь, не могли знать истинный смысл петровской затеи. Так или иначе, данный Дейхманом портрет Петра категорически не соответствовал созданному Фонтенелем образу царя-творца новой нации. Напротив, он явно способствовал укреплению представлений Монтескье о Петре как о варваре.

В этом смысле для нас еще больший интерес представляет фигура другого венского собеседника Монтескье, полномочного министра Португалии Жуана Гомеша да Силвы, графа Таруки. По прибытии в Вену, на счету графа Таруки уже были успешные миссии в Лондоне, Гааге и Мадриде. В частности, известно о том, что в бытность свою чрезвычайным послом в Голландии (1710-1716) граф сыграл немаловажную роль в переговорах, завершившихся подписанием в 1713 году Утрехтского мирного договора. Это был опытный дипломат, пользовавшийся уважением самых высокопоставленных лиц, знаток крупнейших европейских дворов. В своих путевых заметках, впервые опубликованных лишь в XIX веке под названием «Путешествия», Монтескье скажет о нем: «человек очень уважаемый, в том числе и самим императором [Карлом VI], которому он оказал не одну услугу, когда тот был еще Карлом III в Португалии, человек приветливый, обходительный, любезный, рассудительный, к тому же очень умен»⁸⁹.

Неудивительно, что Монтескье с большим вниманием отнесся к рассказу графа Таруки о Петре I. По словам Монтескье, записавшего его любопытный рассказ в «Сборник», граф имел случай видеть русского царя во время его второго путешествия в Голландию, продолжавшегося, как известно, в течение 1716-1717 годов. Граф Тарука, чья посольская миссия в Голландии к тому времени была окончена, тем не менее, был вынужден задержаться там вплоть до 1718 года. Причиной столь длительной задержки был внезапный побег португальского инфанта Дона Мануэля, брата

⁸⁸ Бачинин В.А. Русские религиозные типы: царь Петр I // Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология. Т.1. Санкт-Петербург, 2004.

⁸⁹ Montesquieu Ch.-L. de. Voyages. Paris: Arléa, 2003. P.13.

правлящего короля Португалии Жуана V. К побегу инфанта вынудил запрет на выезд из страны, связанный, в свою очередь, с его стремлениями к военной карьере, о которой не желали слышать при дворе. Между тем, реализовать побег инфанту помог не кто иной, как сын графа Таруки, Мануэль Телеш да Силва. С его помощью беглецу удалось не только найти укрытие в доме португальского посла в Гааге, но и получить должную протекцию⁹⁰.

Так, случай, вынудивший графа Таруку продлить свое пребывание в Голландии, сделал его свидетелем нескольких любопытных эпизодов, связанных с личностью и поведением русского царя. Очевидно, что, как и на многих его современников, они произвели на португальского посла очень мощное впечатление. Граф в особенности отмечал грубость и непристойные манеры Петра, недопустимые для монарха. По его свидетельству, для Петра обычным делом было передвигаться в повозке одному, без сопровождения, при этом нередко – в пьяном виде, отчего ему якобы случилось однажды оказаться в канале с водой. По словам графа Таруки, Петр не стеснялся также раздавать пощечины простым голландцам, любопытным прохожим, в том числе и женщинам⁹¹. Таким образом, подтверждалась все больше захватывавшая Монтескье идея о варварстве Петра: «Самым диким из людей был царь»⁹².

Рассказ графа полон самых невероятных фактов. Любопытно при этом, что некоторые из них, чье описание напоминает действительные факты биографии Петра, не относятся к голландскому периоду, но произошли в разные времена уже после его возвращения из второго заграничного путешествия. Это дает основание полагать, что граф Тарука – не единственный автор этого портрета. Не исключено, в частности, что соавтором графа был его сын Мануэль. После побега из Португалии Мануэль

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Cluny I. O conde de Tarouca e a diplomacia na época moderna. Lisboa: Livros Horizonte, 2006; Berg H. Manoel Silva Tarouca, mentor da Imperatriz Maria Teresa // *Relações entre a Austria e Portugal*, ed. Ludwig Scheidl, José A. Palma Caetano, Coimbra : Livraria Almedina, 1985. P.97-110.

⁹¹ Spicilège 551. Montesquieu Ch.-L. *Pensées*. Spicilège. Paris: Robert Laffont, 1991. P.828.

⁹² Ср. во французском оригинале: « Le plus barbare de tous les hommes, c'était le Czar ». Ibidem.

некоторое время служил в имперской армии под командованием Евгения Савойского и даже отличился в битвах при Петервардене, Темешваре и Белграде в ходе очередной австро-турецкой войны 1716-1718 годов. Его военные успехи, личная симпатия к нему Евгения Савойского и в немалой степени авторитет графа Таруки, получившего назначение в Вену, во многом определили будущую блестящую карьеру самого Мануэля, прочно обосновавшегося в австрийской столице по окончании военных выступлений против турок. Он будет находиться при своем отце во все время его посольской миссии (1726-1738), но вскоре и сам приобретет исключительный вес при австрийском дворе. Более семнадцати лет (1740-1757) он будет выполнять обязанности наставника – советника и доверенного лица – самой императрицы Марии Терезы⁹³. Впрочем, как следует из записей Монтескье, будущий наставник императрицы не вызвал у него симпатии. Не отрицая остроумия молодого Таруки, Монтескье отмечал его чрезмерное самодовольство, в силу которого тот даже «не способен был представить, что ему могло не доставать талантов»⁹⁴.

Со слов своего собеседника (или собеседников) Монтескье делает следующую запись о семейных делах русского царя: «Он, – говорится в этом отрывке, был отравлен царицей. Обнаружилась ее связь с одним французом, а после смерти сына, которого он назначил своим преемником, он решил умертвить ее и жениться на наследнице греческих правителей, которая живет в Московии и якобы имеет какие-то права на Константинопольскую империю (sic), чтобы однажды ими воспользоваться...»⁹⁵. Все описываемые здесь события так или иначе соотносятся с реальными фактами, всем безымянным персонажам рассказа находится прототип среди конкретных исторических личностей. Действительно, отравление – одна из версий кончины царя в 1725 году. Согласно этой версии, которая, как и все прочие,

⁹³ Подробнее об этом см.: Berg H. Manoel Silva Tarouca, mentor da Imperatriz Maria Teresa // *Relações entre a Austria e Portugal*, ed. Ludwig Scheidl, José A. Palma Caetano, Coimbra : Livraria Almedina, 1985. P.97-110.

⁹⁴ «Le chevalier de Tarouca, qui avait de l'esprit, mais prévenu pour lui jusqu'à la folie et l'idolâtrie: incapable d'imaginer qu'il lui pût manquer un seul talent». Montesquieu Ch.-L. de. *Voyages*. Paris: Arléa, 2003. P.14.

⁹⁵ Montesquieu Ch.-L. *Pensées*. Spicilège. Paris: Robert Laffont, 1991. P.828-829.

является на сегодняшний день неподтвержденной, к отравлению были причастны приближенные Петра, в первую очередь, Екатерина I и князь Меншиков. Под французом, в связи с которым была уличена царица, видимо, подразумевается печально известный фаворит Екатерины Виллим Монс, бывший ее камергером. Впрочем, доподлинно неизвестно, были ли Монсы родом из Франции или из Германии. Так или иначе, Петру действительно удалось обнаружить связь, стоившую Виллиму Монсу жизни. Смерть сына, о которой идет речь далее, была другой большой трагедией Петра. Известно, что царь возлагал большие надежды на маленького Петра Петровича, видя его продолжателем своего дела, однако царевич умер в младенчестве в 1719 году, оставив российский престол без наследника. Известно также, что после его смерти вопрос о наследнике стал одной из основных забот Петра, чем, в частности, и объясняется появление «наследницы греческих правителей». Княжна Мария Кантемир, последнее увлечение Петра, была дочерью молдавского господаря Дмитрия Кантемира и гречанки Кассандры (по другим данным, Смарагды) Кантакузен, бывшей наследницей византийских императоров. Когда в 1722 году Петр отправлялся в Персидский поход, его связь с княжной длилась уже несколько лет и могла обернуться тем, о чем говорил автор сообщенного Монтескье рассказа. Иными словами, если бы у Марии Кантемир родился сын, то Петр без колебаний освободился бы от Екатерины и женился на княжне. Однако надежды Кантемиров и опасения царицы не оправдались.

Хотя Монтескье и ссылается на графа Таруку как на автора этого рассказа, очевидно, что граф не мог быть свидетелем этих событий. Нам представляется, что происхождение этого рассказа следует связывать с таким явлением литературы, как исторический анекдот. Жанр исторического анекдота был весьма популярен в XVIII веке в Европе, а затем и в России. Примечательно при этом, что как в Европе, так и в России, одним из наиболее популярных персонажей анекдотов был русский царь Петр I. Исследователи Энтони Кросс и Сергей Алексеевич Мезин отмечают, что, в

свою очередь, анекдоты сыграли существенную роль в создании образа Петра как в русской, так и европейской мысли⁹⁶.

Анекдоты о Петре нередко включались в биографии и прочие описания, частично или полностью посвященные личности и деятельности русского царя. Таковы, например, «Записки о царствовании Петра Великого, Российского императора» Жана Руссе де Мисси или не менее известные «Записки одного иностранного министра, бывшего в Санкт-Петербурге в государственование Петра Великого» Фридриха Христиана Вебера⁹⁷. Анекдоты о Петре являются важной составляющей главы XVIII 14-ого тома «Мемуаров Сен-Симона», посвященной визиту царя во Францию в 1717 году. В пользу известной самостоятельности жанра исторического анекдота свидетельствовали сочинения, в которых слово «анекдот» было вынесено в заглавие. Это, в первую очередь, «Анекдоты о царствовании Петра Первого, царя Московии, именуемого также Великим» аббата д'Аленваля и, главным образом, вольтеровские «Анекдоты о царе Петре Великом»⁹⁸.

Сложившийся в Европе жанр исторического анекдота имел успешное развитие в условиях русской культуры в течение XVIII - XIX веков. И хотя в русском историческом анекдоте тема Петра I также оказывается весьма востребованной, сочинения такого рода начинают появляться лишь в 80-е годы XVIII столетия. К этому периоду относятся, в том числе, наиболее значимые сборники анекдотов о Петре, принадлежащие перу академика Якоба фон Штелина, Андрея Андреевича Нартова, младшего сына сподвижника царя Андрея Константиновича Нартова, и автора многотомного

⁹⁶ Cross A. Petrus Britannicus: The Image of Peter the Great in Eighteenth-Century Britain // A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, ed. by Lindsey Hughes, Maria di Salvo. Rome: La Fenice, 1996. P.3-10; Мезин С.А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов: Изд-во СГУ, 2002.

⁹⁷ Rousset de Missy J. Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, par le baron Iwan Nestesuranoi. La Haye, 1725-1726 ; Weber F.C. Mémoires anecdotes d'un ministre étranger résidant à Petersbourg concernant les principales actions de Pierre le Grand, avec deux lettres d'un autre ministre étranger écrites à un prince de l'Empire, qui contiennent le caractère du feu Czar et ceux de ses principaux ministres. On y a joint la vie et le portrait du prince Menzikof. Seconde édition. La Haye: J. Van Duren, 1737.

⁹⁸ Allainval, abbé de. Anecdotes du règne de Pierre premier dit le Grand czar de Moscovie: contenant l'histoire d'Eudochia Federowna et la disgrâce du Prince de Mencikow. Paris, 1745; «Анекдоты» Вольтера были опубликованы впервые в 1748 году в составе 9-итомного собрания сочинений. Voltaire. Les anecdotes sur le czar Pierre-le-Grand // Œuvres de M. de Voltaire. Nouvelle édition, revue, corrigée et considérablement augmentée par l'auteur, enrichie de figures en taille-douce. T.II. Dresde: chez George Conrad Walther, 1748-1750.

труда по истории Петра I Ивана Ивановича Голикова⁹⁹. Столь позднее появление анекдотов о Петре в русской литературе, по-видимому, нужно связывать с поздним осознанием потомками Петра важности его преобразований, возмущавших его современников. Так или иначе, общая тенденция русских сборников анекдотов о Петре I, восходящих, главным образом, к устной традиции, заключалась в осмыслении, поиске мотивов и, в конечном счете, оправдании необъяснимой жестокости или, наоборот, милости царя¹⁰⁰.

Будучи самостоятельным литературным жанром, исторический анекдот, как справедливо отмечает Сергей Алексеевич Мезин, представляет собой вид исторического повествования¹⁰¹. Иными словами, анекдот можно и должно рассматривать в контексте не только литературы, но и историографии. Собственно историческое повествование и исторический анекдот – сопутствующие жанры. Но в то время как первая повествует о герое как об историческом человеке, во втором акцент смещается на собственно человека в исторической личности. По человеческим качествам, поведению героя нельзя судить о его качествах как государственного деятеля, ибо плохой человек может быть хорошим законодателем, равно как и наоборот. Наиболее распространенный взгляд на Петра был именно таков: большинство европейских авторов, современников царя, отмечали его дурные манеры, но единогласно признавали его гениальным правителем, превратившим варварскую Московию в цивилизованную Россию. Многочисленные анекдоты, обнажая грубость нравов Петра, тем не менее, не отменяли величия его заслуг.

⁹⁹ Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великого слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным, а на российской язык переведенные Карлом Рембовским. Изд. 2-е. М., 1787; Майков Л.М. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб, 1891; Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные И. Голиковым. Изд. 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. М., 1798.

¹⁰⁰ Об особенностях русских исторических анекдотов о Петре см.: Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

¹⁰¹ Мезин С.А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов: Изд-во СГУ, 2002.

Фигура Петра I интересовала Монтескье, в первую очередь, в связи с проблемой законодателя, одной из ведущих проблем его творчества. Нам представляется, что в контексте одобрительного восприятия петровских реформ в Европе рассказ графа Таруки, наоборот, во многом способствовал формированию у будущего автора «Духа законов» негативного образа Петра-законодателя. Дело в том, что Монтескье не допускает разделения на человека и государственного деятеля. Эти две ипостаси исторической личности, существующие во взаимодействии, оказывают непосредственное влияние друг на друга. Монтескье одним из первых среди мыслителей Просвещения усомнился в Петре именно как в государственном деятеле, связав его неудачу не с чем иным, как с его человеческими качествами. В заключение рассказа графа Таруки Монтескье определит трагедию Петра как законодателя следующим образом: «Он [Петр] объяснял свою жестокость тем, что его народ создан для того, чтобы к нему так относились, но люди одинаковы везде. Не может быть, чтобы тут были одни скоты, а там – одни ангелы. Если они не стоят большего, в том вина законодателя»¹⁰². Монтескье, конечно, не мог отрицать «варварского» начала московитов, но, в отличие от своих современников, он не торопился обвинять в этом самих московитов. Как могут они не быть варварами, если их наставник – варвар? Петр задумал изменить нравы своих подданных, открывая им науки и искусства, сам при этом оставаясь «самым диким из людей». Так, в противовес популярной идее об искусном монархе, создателе новой нации, Монтескье объявляет Петра неспособным изменить нравы своих подданных. Преследуя цель сообщить московитам нравы цивилизованных – европейских – народов, Петр использовал те методы, которые были понятны ему самому: будучи сам воспитан на жестокости, он применял жестокость и по отношению к другим. По мысли Монтескье, именно в этом и заключалась главная ошибка Петра, который хотел преобразовать страну путем насаждения новых обычаев, в то время как в этом не было необходимости. Эта идея получит свое наиболее

¹⁰² Montesquieu Ch.-L. *Pensées*. Spicilège, éd. Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991. P.829.

полное развитие в четырнадцатой главе книги XIX трактата «О духе законов», о чем говорит само название главы: «Каковы *естественные* (курсив мой) средства изменения нравов и обычаев народа». В ней Монтескье открыто заявляет о том, что, заставив своих подданных сбрить бороды и сменить традиционное длинное платье на короткое, Петр проявил себя как тиран. «Государь, который пожелает произвести большие перемены в своем народе, – полагает Монтескье, должен преобразовать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями. Изменять же посредством законов то, что должно быть изменено посредством обычаев, – очень дурная политика»¹⁰³. Иными словами, ключевым в концепции «хорошего правителя» у Монтескье выступает понятие примера.

I.4. Князь Антиох Кантемир и братья Гуаско (1738)

Ранее нами уже было отмечено, что на формирование образа России и ее восприятие автором «Духа законов» определенное влияние оказало, в том числе, непосредственное знакомство и общение со свидетелями тех или иных событий и явлений русской жизни. Круг собеседников Монтескье при этом вовсе не ограничивается венскими знакомыми. Заметим, что уже в апреле 1733 года, спустя всего два года по возвращении из европейского путешествия, Монтескье вновь покидает фамильный замок Ла Бред. На сей раз, целью путешествия является Париж, который с этих пор станет основным местом работы писателя. Уже в следующем году у него появится постоянный парижский адрес, на улице Сен-Доминик, где Монтескье почти ежегодно, вплоть до самой смерти, будет проводить от четырех до двенадцати месяцев¹⁰⁴. В 1730-е годы, когда Монтескье совершает свои первые продолжительные путешествия в столицу, дипломатические отношения между Францией и Россией прерваны вследствие конфликта,

¹⁰³ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.467.

¹⁰⁴ Монтескье не покидает Ла Бред лишь на протяжении 1744, 1745 и 1752 годов.

связанного с войной за польское наследство. С 1732 по 1738 годы в Париже даже нет официального представителя русского двора. Очевидно, что и интерес к России во Франции в эти годы несоизмеримо меньше по сравнению с годами, последовавшими за визитом Петра I.

В этом контексте прибытие в Париж Антиоха Дмитриевича Кантемира было, несомненно, событием исключительным. Кантемира еще не знают в Европе как сатирика¹⁰⁵, между тем, его имя известно в литературном мире. Во время посольской миссии в Лондоне (1732-1738) Кантемиру удастся опубликовать английский перевод «Истории оттоманской империи», одного из наиболее значительных сочинений его отца, Дмитрия Константиновича Кантемира, и одного из самых важных трудов по турецкой истории вообще¹⁰⁶. Антиох Кантемир известен и в артистической среде, главным образом италоязычной: со времен пребывания в английской столице в круг близких друзей дипломата входят художник Джакомо Амикони, актер и теоретик театра Луиджи Риккони и множество других деятелей искусства¹⁰⁷.

Молодой талантливый дипломат и литератор, получивший прекрасное европейское образование и одинаково свободно владеющий несколькими языками, Антиох Кантемир не имел ничего общего с «диким москвитом», миф о котором еще продолжал жить в европейском сознании. Кантемир, напротив, был воплощением «новой», цивилизованной, преображенной Петром I России. Вместе с тем Кантемир был, пожалуй, единственным достоверным источником сведений об этой стране, поэтому неудивительно,

¹⁰⁵ «Сатиры» Кантемира впервые были опубликованы в 1749 г., на французском языке. Через год вышло второе французское издание. В 1752 г. «Сатиры» вышли в немецком переводе и лишь в 1762 г. сборник был опубликован на родине писателя, на русском языке.

¹⁰⁶ Книга в переводе английского историка Николаса Тиндаля вышла в Лондоне в 1734 г. (в 1735 г., по утверждению Стефана Лемни) под названием «The History of the growth and decay of the Othman empire». Подробнее об истории этого издания и его рецепции в XVIII веке см.: Lemny S. Les Cantemir: l'aventure européenne d'une famille princière au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Complexe, 2009.

¹⁰⁷ Об итальянских связях Кантемира см.: Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. Москва-Ленинград, 1935. С.83-102; Прийма Ф.Я. Антиох Дмитриевич Кантемир. Вступительная статья // Собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1956. С.5-52; Серман И.З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. Сборник 21 Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969), отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1999. С.53-61; Cantemir A.D. Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français. Londres: chez Jean Nourse, 1749.

что личность русского посла вызывала особый интерес французских литераторов. Известно, в частности, что за сведениями к нему обращался Вольтер, а также и другие авторы, писавшие о России, среди которых Франческо Альгаротти и Клод-Жозеф Дора, автор трагедии «Амилка, или Петр Великий» (1767)¹⁰⁸. Изучением французских литературных связей Кантемира в середине прошлого века занимался Федор Яковлевич Прийма. По мнению исследователя, оказывая помощь французским литераторам, писавшим на русскую тему, Кантемир способствовал созданию образа Петра во французской литературе¹⁰⁹.

Подобное утверждение о влиянии автора «Сатир» на французскую литературу может показаться несколько преувеличенным. Однако нельзя отрицать, что распространение в Европе знаний о России и об исторической роли Петра I действительно виделось Кантемиру одной из его основных задач и как писателя и как дипломата. «Самое меньшее на что мы, русские, имевшие счастье хоть на короткое время быть его подданными, способны, — писал Кантемир в письме к госпоже Монконсей, своей французской знакомой, — это чтить его память, за то, что он извлек нас из постыдной тьмы и вывел на дорогу славы, к которой ведут нас его преемники»¹¹⁰. Ревностным отношением к миссии защитника интересов России в Европе объясняется, в частности, активное участие Кантемира в отдельных эпизодах европейской литературной жизни, представлявших известную угрозу престижу России и репутации ее преобразователя. Речь идет, в первую очередь, об участии писателя в составлении опровержения на книгу Франческо Локателли «Московские письма» (1736)¹¹¹, которая, по выражению Кантемира, «с

¹⁰⁸ Прийма Ф.Я. Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Русская литература. Труды Отдела новой русской литературы ИРЛИ АН. Сер. I. М., Л., 1957. С.10.

¹⁰⁹ Там же. С. 45.

¹¹⁰ Майков Л.Н. Материалы для биографии Кантемира // Сборник отдела русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб: типография Академии наук, 1903, том 73. С.71-72.

¹¹¹ Эта дата фигурирует на титульном листе, но, очевидно, является ложной (как и адрес места издания, книга вышла в Голландии, а не в Париже, как указано на титульном листе). Исходя из того, что первые письма Кантемира, в которых содержится упоминание о книге Локателли, датированы 1735 годом, можно предположить, что в действительности книга вышла раньше, чем указано на титульном листе. Этого мнения придерживается, в частности, князь Михаил Александрович Оболенский, который первым заинтересовался вопросом об участии Кантемира в составлении опровержения на книгу Локателли. См.: Оболенский М.А.

крайнейшею безстыдностью и продерзостию порекает двор, министров и весь народ российский»¹¹². Основываясь на данных переписки Кантемира, можно сделать вывод о том, что он не без удовольствия вовлекается в эту одновременно литературную и политическую игру. В одном из писем к графу Андрею Ивановичу Остерману Кантемир докладывал о предстоящей работе: «Могу ваше сиятельство покорно удостоверить, что николи охотнее за перо не принимался, как при сем случае, имея защищать и отечество, и вашего сиятельства изрядное поведение, от которого двор наш при всем свете заслужил себе крайнюю репутацию»¹¹³. Плодом этой работы являются «Так называемые Московские письма, или Направленные против славной русской нации и составленные неким прибывшим с чужбины итальянцем немыслимые клеветы и тысячекратная ложь»¹¹⁴. Это малоизвестное сочинение представляет собой немецкий перевод «Московских писем», снабженный едким предисловием и пространными комментариями об истории, географии и политике Российского государства. Предположительно, помимо самого русского посла, в осуществлении замысла принимал участие и секретарь русского посольства в Париже Генрих Гросс, которому, очевидно, и принадлежит перевод книги Локателли на немецкий язык¹¹⁵.

Сведения об авторе книги «Lettres Moscovites» // Библиографические записки, 1859, №18. С.545-553; Оболенский М.А. Дополнительные разыскания о судьбе книги «Lettres Moscovites» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, опубликованный Н. Калачовым, СПб, 1862, Кн.3. С.67-79.

¹¹² Письмо А.Д. Кантемира к графу А.И. Остерману от 14 ноября 1735 г. Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы, с портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В.Я. Стоюнина, изд. П.А. Ефремов. СПб, 1867-1868, Т.2. С.97-99.

¹¹³ Майков Л.Н. Материалы для биографии Кантемира // Сборник отдела русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб: Типография Академии Наук, 1903, Vol.73, №1. С.39.

¹¹⁴ Locatelli Lanzi F. Die so genannte Moscovitische Briefe. Franckfurth und Leipzig, J.L. Montag, 1738.

¹¹⁵ В письме к М.А. Оболенскому от 10 ноября 1859 г. М.А. Корф, бывший директором Императорской Публичной библиотеки, сообщал: «На принадлежащем Публичной Библиотеке экземпляре немецкаго перевода этой книги мною, в прежнее время, отмечено, что и сам перевод и возражения принадлежат некоему Гроссу. Откуда я взял это сведение, теперь никак припомнить не могу; но Гроссов известно у нас два [Христиан-Фридрих и Генрих]. <...> Нет сомнения, что переводчика и критика «Lettres Moscovites» должно искать в последнем из этих двух лиц». Письмо опубликовано в: Оболенский М.А. Дополнительные разыскания о судьбе книги «Lettres Moscovites» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, опубликованный Н.Калачовым, СПб, 1862, Кн.3. С.67-79. Н.Д. Блудилина, придерживается мнения о том, что немецкий перевод принадлежит, напротив, Христиану-Фридриху Гроссу. См.: Блудилина Н.Д. Антиох Кантемир и «Московитские письма» // Тобольск и вся Сибирь, 2005, №4. С.123-131; Блудилина Н.Д. [А.Д. Кантемир, Х.Ф. Гросс] Так называемые «Московитские письма» // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726-1762). Выпуск 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. С.153-291.

Другой любопытный эпизод вмешательства Кантемира в литературную жизнь Европы связан с постановкой трагедии Пьера де Морана «Меньшиков» (1739). В 50-е годы прошлого столетия Федор Яковлевич Прийма писал о том, что трагедия была написана, поставлена на сцене одного из парижских театров и издана при непосредственном участии Антиоха Кантемира¹¹⁶. Из письма Пьера де Морана к Кантемиру, оригинал которого хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, можно заключить, что Кантемир, хоть и не участвовал в ее написании, действительно был знаком с текстом трагедии. Вместе с тем, письмо свидетельствует о недовольстве русского посла отдельными фрагментами трагедии, имевшими отношение к личности Петра и его подданным. По рекомендации Кантемира фрагменты были исправлены, но и этих мер оказалось недостаточно: пьеса была поставлена под другим названием, имена персонажей и место действия также были изменены. Между тем, Кантемир все же не считал возможным показать трагедию Анне Иоанновне. «Я с крайним недоумением узнал, – сетует Пьер де Моран в вышеупомянутом письме к Кантемиру, узнав, что Ваше превосходительство не вынесло решения об отправлении Ее Царскому Величеству ни трагедии, которую я считал честью ей посвятить, ни адресованного ей посвящения. <...> Ваше превосходительство должны помнить, что, выслушав пьесу с исходными именами и потребовав, чтобы они были изменены, вы изволили уверить меня в том, что это не скажется ни на посвящении, ни на проявленном мною почтении; и что при этом вы добавили, что не видите в пьесе ничего, что нельзя было бы сохранить, как только имена будут изменены»¹¹⁷. О том, что постановка пьесы под оригинальным названием была запрещена цензурой при вмешательстве русского посла, говорят и другие источники. В частности, Хельмут Грассхоф в своем исследовании,

¹¹⁶ Прийма Ф.Я. Антиох Дмитриевич Кантемир. Вступительная статья // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С.24.

¹¹⁷ Цит. по оригиналу: Pierre de Morand à Cantemir, le 15 janvier 1739. ОР РНБ, Собрание автографов П.П. Дубровского, авт. 139, №84, лл. 159-160. Письмо опубликовано в: Заборов П.Р. Россия во французской трагедии XVIII века // Восприятие русской культуры на Западе. Л.: Наука, 1975. С.51-55.

посвященном связям Кантемира с Западной Европой, указывает на статью «Музы» (по названию одноименного произведения Пьера де Морана) в «Словаре Парижских театров» братьев Парфе¹¹⁸. В этой статье приводится другое любопытное письмо Морана, в котором сообщается, между прочим, что представление трагедии «Меньшиков», назначенное на 10 декабря (1738 года), было отменено накануне вечером по приказу лейтенанта полиции. «Отмена, – говорится в письме, была вызвана вмешательством посланника царицы (князя Кантемира), которому могло показаться, что не подобает итальянцам играть трагедию, в которой на сцену выводится всем известный царь Петр Великий»¹¹⁹.

В контексте проблемы связей Антиоха Кантемира с литераторами Западной Европы исследователями закономерно был поставлен вопрос о возможном знакомстве Кантемира с Монтескье. Пожалуй, наиболее обстоятельным исследованием, посвященным этому вопросу, является вышедшая еще в 1955 году статья Михаила Павловича Алексеева «Монтескье и Кантемир». Впрочем, анализируя историю вопроса, сам автор воздерживается от однозначной оценки взаимоотношений двух писателей. Действительно, среди исследователей по сей день не существует единого мнения относительно личных и творческих связей русского сатирика с будущим автором трактата «О Духе законов». Некоторые из них – главным образом отечественные авторы, например, З.И. Гершкович, Ф.А. Коган-Бернштейн, Ф.Я. Прийма¹²⁰ – склонны оценивать их отношения как дружеские. Западные исследователи в целом более сдержанны. Так,

¹¹⁸ Parfaict F., Parfait C., Godin d'Abguerre Q. Dictionnaire des théâtres de Paris, contenant toutes les pièces qui ont été représentées jusqu'à présent sur les différents théâtres français et sur celui de l'Académie royale de musique. 7 Vol. Paris: Lambert, 1756.

¹¹⁹ Цит. по: Grasshoff H. A.D.Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst // Deutsche Akad. der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slavistik, Berlin, 1966, № 35. P.210. О Пьере де Моране и трагедии «Меньшиков» см. также: D'Estrée P. Un auteur incompris: Pierre de Morand, l'homme et l'œuvre (1701-1757) // Revue d'Histoire littéraire de la France, 1909, tome 16, №2. P.302-328.

¹²⁰ Гершкович З.И. Идеи связи русских и французских просветителей XVIII века (Кантемир и Монтескье) // Вестник истории мировой культуры, 1959, №4. С.120-129; Коган-Бернштейн Ф.А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы философии, 1955, №5. С.99-110; Прийма Ф.Я. Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Русская литература. Труды Отдела новой русской литературы ИРЛИ АН. Сер.1. Москва-Ленинград, 1957. С.7-45.

Григорий Лозинский, Дмитри Мореншильдт, Альбер Лортолари и, среди современных авторов, Стефан Лемни¹²¹ считают, что за отсутствием объективных указаний на существование тесных дружеских связей между Кантемиром и Монтескье о них можно утверждать лишь гипотетически. Первой и, пожалуй, единственной среди западных критиков, кто уверенно вводит Монтескье в круг избранных парижских друзей Кантемира, является Марсель Эрар¹²².

В свою очередь, изучив круг парижских знакомых Монтескье, мы обратили внимание на несколько любопытных фактов, подтверждающих вероятность личного знакомства писателя с посланником русского двора. Ценным источником информации о пребывании Антиоха Кантемира во французской столице послужили донесения парижской полиции, осуществлявшей надзор за иностранцами, в первую очередь министрами иностранных дворов. Интересующие нас документы входят в собрание архивов Бастилии и хранятся в настоящее время в библиотеке Арсенала в Париже¹²³. Они охватывают период с сентября 1741 по ноябрь 1742 года и содержат богатый материал как о дипломатической деятельности Кантемира, так и о его частной жизни.

В этот период, а точнее с конца 1740 года¹²⁴, русское посольство постоянно располагается в особняке графов Овернских¹²⁵ на улице Сен-Доминик, где, как отмечалось выше, располагался также постоянный адрес

¹²¹ Lozinskij G. Le prince Antioche Cantemir, poète français // *Revue des études slaves*, 1925, t.V. P.238-243; Mohrenschildt D.S. *Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France*. New York: Columbia University press, 1936; Lortholary A. *Le mirage russe en France au XVIIIe siècle*. Paris: Éditions Contemporaines, 1951.

¹²² Алексеев М.П. Монтескье и Кантемир // *Вестник ЛГУ*, 1955, №6. С.55-78. См.: Ehrhard M. *Le prince Cantemir à Paris (1738-1744): un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV*. Paris: Société d'édition les Belles Lettres, 1938.

¹²³ Часть документов, касающихся А.Д. Кантемира, была изучена профессором В.Н. Александренко по просьбе Л.Н. Майкова еще в конце XIX века. Майков предполагал использовать документы в своем будущем труде, посвященном посольству Кантемира в Париже, но замысел не был осуществлен из-за преждевременной кончины автора. Позднее документы были более детально исследованы и частично опубликованы Г.Л. Лозинским. См.: Lozinskij G. *Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741)* // *Le Monde slave*, 1925, t.II. P.223-247; Lozinskij G. *Trois épisodes de l'ambassade de Cantemir à Paris* // *Le Monde slave*, 1925, t.III. P.402-421.

¹²⁴ Информация, касающаяся условий аренды, содержится в двух донесениях, одно из которых не датировано, а второе датировано 1 октября 1740 года. *Bibliothèque de l'Arsenal, Archives de la Bastille, Surveillance des étrangers*, Ms 10288.

¹²⁵ Особняк расположен в доме №28 по улице Сен-Доминик. В настоящее время в особняке размещается международная ассоциация *Maison de la Chimie*.

Монтескье. Именно здесь Кантемир давал обеды парижским дамам, преследуя при этом единственную, по словам автора одного из донесений, цель выведать важные политические новости. В донесении от 8 сентября 1741 года агент Пуссо докладывал лейтенанту полиции: «Он сошелся с некоторыми дамами и дает для них обеды, и дело не в любезности и не в хорошем столе, который наводит на него невероятную скуку; но поскольку дамы, которых он принимает, в курсе всего, что говорится и что делается, и поскольку он не может говорить с ними о серьезных вещах во время обычных визитов, он собирает их вместе, а когда видит, что они расположены говорить, не жалеет никаких средств, чтобы их к этому подтолкнуть, человек, который сообщил мне об этом, уверил меня, что таким способом князь узнал больше, чем мог бы узнать, даже если бы нанял десяток шпионов»¹²⁶.

В 20-е годы прошлого века Григорий Леонидович Лозинский указывал на то, что, наиболее тесные отношения связывали Кантемира с Анной-Шарлоттой де Крюсоль Флоренсак, более известной как герцогиня д'Эгийон¹²⁷. Притом, что герцогиня действительно была хорошо осведомлена в делах двора, основным мотивом ее дружбы с Кантемиром была, в первую очередь, литература. Известно, например, что герцогиня вдохновила сатирика на написание мадригала на французском языке — редкий образец «легкой поэзии» в творчестве Кантемира. Кроме того, именно ей принадлежала идея французского издания «Сатир»¹²⁸. Книге, вышедшей уже после смерти писателя, предпослано посвящение герцогине д'Эгийон в знак ее тесной дружбы с посланником русского двора¹²⁹. Наконец, существует предположение о том, что ей же было посвящено и одно из самых поздних

¹²⁶ Bibliothèque de l'Arsenal, Archives de la Bastille, Surveillance des étrangers, Ms 10287.

¹²⁷ Lozinskij G. Le prince Antioche Cantemir, poète français // *Revue des études slaves*, 1925, t.V. P.238-243.

¹²⁸ Несколько предпринятых Кантемиром попыток опубликовать «Сатиры» на русском языке в типографии Академии Наук в Санкт-Петербурге, не увенчались успехом. По инициативе герцогини д'Эгийон было решено издать книгу во французском переводе.

¹²⁹ В примечании к письму Монтескье от 1 марта 1747 года, адресованному аббату Гуаско, издатель пишет: «C'est à elle [la duchesse d'Aiguillon] qu'il [abbé Guasco] avoit dédié la traduction des *Satires russes* du prince Cantimir, sous le nom de Mad. ... parce qu'elle étoit fort liée avec le prince Cantimir, et que c'est à sa réquisition que l'on avoit fait la traduction françoise de ses satires». *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie*. Avec des notes de l'éditeur. Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.

сочинений Кантемира, философский трактат «Письма о природе и человеке»¹³⁰. Герцогиня сама чрезвычайно интересовалась философией и пользовалась уважением самых видных мыслителей, и, прежде всего Монтескье, снискав себе тем самым славу «подруги философов»¹³¹. Тесной дружбе между герцогиней и будущим автором «Духа законов» не мешала даже судебная тяжба за пограничные земли между их владениями в Бордо. Несмотря на нелестные отзывы о герцогине, засвидетельствованные в сборнике «Мысли» Монтескье, очевидно, что она оставалась одной из самых преданных друзей писателя вплоть до его смерти. Свою последнюю редакцию «Персидских писем» Монтескье передал именно герцогине д'Эгийон, бывшей рядом с ним во все время его последней болезни. «Иезуиты ..., – писала герцогиня в письме Мопертюи, убеждали его отдать им поправки к «Персидским письмам»; он отдал рукопись мне и госпоже Дюпре, сказав при этом: *Посоветуйтесь с моими друзьями и решите, нужно ли это напечатать*»¹³².

Среди общих знакомых Монтескье и Кантемира отметим также фигуру госпожи Жоффрен, хозяйки известного салона на улице Сент-Оноре. Познакомившись с госпожой Жоффрен задолго до возникновения салона, в 1730-е годы, Монтескье впоследствии оказался в числе первых его посетителей. В течение около двадцати лет он поддерживал с хозяйкой салона самые тесные дружеские отношения, завершившиеся, тем не менее, болезненным разрывом, связанным с публикацией трактата «О духе законов». По словам маркиза де Сегюра, госпожа Жоффрен удостоилась чести одной из первых получить из рук автора экземпляр рукописи, однако даже не удосужилась его прочесть, чем чрезвычайно задела самолюбие Монтескье¹³³. Вместе с тем, салон на улице Сен-Оноре охотно посещали

¹³⁰ Таково мнение Хельмута Грассгофа. См.: Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin: Akademie-Verlag, 1966.

¹³¹ Parailous A. Montesquieu et la duchesse d'Aiguillon // Revue de l'Agenais, 2006, №2. P.129-142.

¹³² Lettre à Maupertius de février 1755. См.: Oeuvres complètes de Montesquieu, éd. André Masson. T.3. Paris: Nagel, 1955.

¹³³ Ségur P. de. Le royaume de la rue St-Honoré. Mme Geoffrin et sa fille. Paris: Calmann-Lévy, 1897. P.39.

иностранцы, пользовавшиеся, как известно, особым расположением его хозяйки. Двери ее салона были открыты для всех проживавших или бывших проездом в Париже иностранцев вне зависимости от их общественного положения, хотя главную заботу госпожи Жоффрен составляли министры иностранных дворов, представители знатных фамилий, а также и сами коронованные особы¹³⁴. В 1750-60-е годы круг иностранных знакомых госпожи Жоффрен расширяется за счет нескольких русских имен. Она ведет переписку с императрицей Екатериной II, ее салон посещают Иван Иванович Бецкой и князь Дмитрий Михайлович Голицын с супругой Екатериной Дмитриевной, урожденной Кантемир, сестрой Антиоха Кантемира.

Между тем, есть основания полагать, что именно Антиох Кантемир первым среди своих соотечественников переступил порог дома на улице Сент-Оноре, принадлежавшего богатому промышленнику Пьеру-Франсуа Жоффрену и его супруге, будущей хозяйке одного из самых посещаемых и влиятельных салонов Парижа. Согласно одному из донесений парижской полиции, о которых уже шла речь выше, эти события относятся к концу 1741 года, когда салон госпожи Жоффрен находился на самом начальном этапе формирования, а имя его хозяйки еще почти никому не было известно. Действительно, в донесении лейтенанту полиции от 4 декабря 1741 года сообщается: «По его [Кантемира] выходе зажгли два факела, и он направился на улицу Сент-Оноре, к господину Жоффрену, промышленнику со стекольного завода¹³⁵, и пробыл там около часа»¹³⁶. Намек на знакомство между Кантемиром и госпожой Жоффрен содержится также в опубликованной переписке Монтескье. В одном из «Писем господина Монтескье к друзьям из Италии»¹³⁷ упоминается известный скандальный

¹³⁴ Meyniel J. *Univers salonnier de Mme Geoffrin (1741-1777)*. Paris: Éditions émotion primitive, 2008. P.58.

¹³⁵ Пьер-Франсуа Жоффрен был одним из крупнейших акционеров стекольного завода Сен-Гобен и сколотил на этом огромное состояние. Салон госпожи Жоффрен был открыт и существовал исключительно за счет средств ее супруга.

¹³⁶ Bibliothèque de l'Arsenal, Archives de la Bastille, Surveillance des étrangers, Ms 10287. В текстах донесений зачастую встречается фонетическое написание имен собственных. Так, имя господина Жоффрена обозначено как Joffrain (вместо Geoffrin).

¹³⁷ *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie*. Avec des notes de l'éditeur. Londres: au dépens de l'éditeur, 1767.

эпизод в истории салона на улице Сент-Оноре, произошедший в 1754 году. Тогда, в результате конфликта, столкнувшего госпожу Жоффрен с одним из ее иностранных гостей, иностранцу было отказано в посещении салона. В комментариях к письму издатель приводит целый ряд причин, стоявших у истоков конфликта. По его словам, недовольство хозяйки салона было вызвано, в том числе, одним из литературных трудов иностранца, а именно биографией князя Антиоха Кантемира, где имя госпожи Жоффрен не упомянуто в числе его парижских знакомых¹³⁸. Отметим, что автор «Жития Антиоха Кантемира» является одновременно и издателем «Писем господина Монтескье к друзьям из Италии». Речь идет об аббате Гуаско, который не только был близко знаком с Кантемиром и с Монтескье, но, как нам представляется, сыграл немаловажную роль в их сближении¹³⁹.

Оттавиано ди Гуаско приезжает в Париж в том же 1738 году, когда Антиох Кантемир принимает на себя обязанности посла при дворе Людовика XV. По словам его биографа, вскоре по приезде во французскую столицу аббат Гуаско «завязывает отношения с некоторыми наиболее выдающимися литераторами, и ему даже удается внушить дружеские чувства самому славному Монтескье»¹⁴⁰. Среди исследователей бытует мнение, что тесная дружба с Монтескье была, возможно, единственным действительным достоинством аббата, слывшего авантюристом, интриганом и шпионом иностранных государств¹⁴¹. Вместе с тем аббат известен и как ученый-

¹³⁸ Существуют разные версии причин конфликта. Подробнее о них см.: Tourneux M. *Madame Geoffrin et les éditions expurgées des lettres de Montesquieu* // *Revue d'Histoire littéraire de France*, №1, 1894. P.52-64; Collé Ch. *Journal et mémoires sur les hommes de lettres, les ouvrages dramatiques et les évènements les plus mémorables du règne de Louis XV, 1748-1772*. 3 Vol. Paris: Firmin-Didot frères et fils et Cie, 1868.

¹³⁹ Существует точка зрения, согласно которой автором «Жития Антиоха Кантемира» был не аббат Гуаско, а секретарь русского посольства в Париже Генрих Гросс. Не отрицая близкой дружбы между Кантемиром и аббатом Гуаско, автор этой точки зрения полагает, что Гросс был намного лучше осведомлен о жизни и творчестве Кантемира. См.: Morda Evans R.J. *Antioch Kantemir and his first biographer and translator* // *Slavonic and East-European Review*, Vol.37, 1958, №88. P.184-195.

¹⁴⁰ Dacier A. *Eloge de M. l'abbé de Guasco* // *Histoire de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres*, t.45, *Éloges des Académiciens morts depuis l'année 1780 à 1784*. Paris: Imprimerie nationale exécutive du Louvre. P.188-189.

¹⁴¹ См., напр.: Shackleton R. *L'abbé de Guasco ami et traducteur de Montesquieu* // *Essays on Montesquieu and on the Enlightenment*. Oxford: the Voltaire Foundation, 1988. P.217-229; Shackleton R. *Montesquieu. A critical biography*. London: Oxford University Press, 1961; Griener P. *Ottaviano di Guasco, intermédiaire entre la philosophie française et les antiquités de Rome* // *Roma triumphans?: l'attualità dell'antico nella Francia del Settecento: atti del convegno internazionale di studi*, Roma, Centro di studi italo-francesi, 9-11 marzo 2006, a cura di Letizia Norci Cagiano. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. P.25-51. Эту точку зрения оспаривает Чезаре де Микелис, полагая, что существенных оснований для подобных заключений нет, и что истоки их

эрудит, автор нескольких научных трактатов и член Парижской Академии надписей и изящной словесности. Очевидно, что аббат привлекает Монтескье своей ученостью, неслучайно именно Гуаско отводится роль читателя, критика¹⁴² и даже переводчика «Духа законов» на итальянский язык¹⁴³.

Литературное сотрудничество также связывало Гуаско с Кантемиром. Между тем, поводом к сближению итальянского аббата и русского посла был личный интерес Гуаско, ходатайствовавшего о получении рекомендательных писем для своих братьев, Джована Франческо Антонио (1708-1763) и Пьера Алессандро (1714-1780), задумавших поступать на службу в русскую армию. В конце прошлого века итальянским исследователем Чезаре де Микелисом была обнаружена неизвестная рукопись аббата Гуаско, составленная им незадолго до смерти, в которой содержатся любопытные сведения об этом эпизоде. «Историческое похвальное слово Жану Франсуа Антуану, графу Гуаско», составленное, как и все прочие сочинения аббата, по-французски, сообщает, в частности, об обстоятельствах отъезда братьев в Россию: «Во всех газетах говорилось тогда о выгодных условиях, которые Россия предлагала иностранцам, желающим поступить на русскую службу. Граф Гуаско решил, что именно туда и нужно отправляться, только ни у него самого, ни у его друзей не было там никаких связей»¹⁴⁴. Эти события счастливым образом совпадают по времени с отъездом в Париж самого аббата Гуаско. Именно он и сыграет решающую роль в определении братьев на русскую службу, раздобыв для них рекомендательные письма русского посла. Очевидно, что к октябрю 1739 года братья Гуаско уже находились на

следует искать в слухах, которыми полнились парижские салоны. См.: De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV-V (1982-1983). P.91-114.

¹⁴² Маркиз де Сегюр, вслед за Шарлем Колле, полагает, что Монтескье также привлекал Гуаско к редактированию своих опытов и пользовался его помощью в исследовании иностранных законодательств. Ségur P. de. Le royaume de la rue St-Honoré. Mme Geoffrin et sa fille. Paris: Calmann-Lévy, 1897. P.473.

¹⁴³ Итальянский перевод «Духа законов», выполненный Гуаско, остался в рукописи.

¹⁴⁴ Фрагменты «Éloge historique de Jean François Antoine comte de Guasco» опубликованы в: De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV-V (1982-1983). P.91-114.

службе в России, как следует из сохранившегося благодарственного письма аббата Гуаско к Кантемиру, датированного 22 октября 1739 года¹⁴⁵.

Братья Гуаско были хорошо приняты при дворе Анны Иоанновны, чему во многом способствовали рекомендательные письма Кантемира. Между тем, на российской службе они пробыли не более трех лет. По словам автора «Похвального слова», опасность государственного переворота, или, если использовать выражение самого аббата Гуаско, революции, заставила их покинуть Россию уже в конце 1741 года¹⁴⁶. Незадолго до этих событий, в результате которых на российский престол взошел Елизавета Петровна, братья Гуаско прибыли в Париж, где им уже не грозила никакая опасность. По свидетельству аббата Гуаско, осторожность Джована и Пьера вызвала одобрение и самого Кантемира, которому как будто принадлежат такие слова: «Если это правда, то вы правильно поступили, что покинули страну, ибо даже самое невинное знание подобных тайн могло бы вас погубить»¹⁴⁷.

Несмотря на непродолжительность своего пребывания во французской столице, продлившегося не более двух месяцев, Джован, отличавшийся образованностью и проявлявший большой интерес к наукам и литературе, сполна использует это время для «знакомства с выдающимися людьми». «Однако, – пишет аббат Гуаско о своем брате, тем, с кем его связывали наиболее тесные отношения, был покойный господин Монтескье, самый близкий друг его брата; при содействии этого великого человека Джовану оказался открыт доступ в парижское общество, а, посещая салон известной госпожи де Тенсен, он вскоре познакомился и с другими самыми

¹⁴⁵ Письмо опубликовано в: Майков Л.Н. Материалы для биографии Кантемира // Сборник отдела русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб: Типография Академии Наук, 1903, т.73. С.138-142. Два другие письма, имеющие отношение к ходатайству аббата Гуаско, опубликованы в: Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin: Akademie-Verlag, 1966.

¹⁴⁶ В биографии князя Кантемира, автором которой также является аббат Гуаско, тоже содержится намек на эти события: «Тогда один иностранный офицер предвидел и предсказал революцию, которая и случилась». Vie d'Antiochus Cantemir // Cantemir A.D. Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français. Londres: chez Jean Nourse, 1749. P.86.

¹⁴⁷ De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV-V (1982-1983). P.114.

выдающимися учеными столицы литературного мира»¹⁴⁸. Факт их личного знакомства, взаимной симпатии и уважения подтверждается письмом Монтескье к Джовану ди Гуаско, написанным вскоре после отъезда графа из Парижа¹⁴⁹. Впрочем, о возможном существовании других писем нам неизвестно.

«Похвальное слово» содержит также любопытную информацию о литературных опытах Джована. По словам автора, перу итальянца принадлежат наброски сочинений о Российской Империи и об истории татар. Впрочем, ни одна из рукописей не была обнаружена в личных бумагах графа, перевезенных в Италию из Кёнигсберга, после его смерти в 1763 году¹⁵⁰. На сегодняшний день по-прежнему отсутствуют сведения о возможном местонахождении рукописей и их датировке. Неизвестно, таким образом, относится ли составление рукописей к русскому или, что более вероятно, к австрийскому периоду жизни их автора. Так или иначе, нельзя отрицать, что Джован ди Гуаско, бывший свидетелем сложных политических событий в России, последовавших за кончиной Анны Иоанновны, а именно вступления на престол императора-младенца Иоанна Антоновича и сопровождавшей его непродолжительное царствование борьбы за регентство, был весьма хорошо информирован о внутренней жизни этой страны. Его показания могли представлять известный интерес для будущего автора «Духа законов», особенно учитывая тот факт, что именно к концу 1741 года, к моменту знакомства писателя с итальянцем, относится первый и самый насыщенный этап работы Монтескье над трактатом. Поэтому, нам представляется, что, несмотря на отсутствие соответствующих указаний, исключать Гуаско из числа возможных информаторов Монтескье вряд ли возможно.

¹⁴⁸ De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-soziale, IV-V (1982-1983). P.113.

¹⁴⁹ Из текста письма следует, что оно является ответом на письмо Джована. Само письмо Джована в сборнике не фигурирует. См.: *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur.* Londres: au dépens de l'éditeur, 1767.

¹⁵⁰ De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-soziale, IV-V (1982-1983). P.105.

Отметим, что высказывания Джована о России были частично зафиксированы его братом в «Похвальном слове». По этим отрывкам можно судить о том, что представления Джована о России в целом соответствовали общепринятому образу этой страны, в котором соединяются глубокое презрение к русскому народу и преклонение перед гением Петра I. По словам автора, этот монарх сумел «в один миг обратить варварскую жестокость в просвещенность и по своей воле ввести на европейскую политическую сцену нацию, которая не существовала до него»¹⁵¹. Между тем, продолжает аббат Гуаско, именно неприятное общество, с которым офицеру приходилось проводить время, вкупе с суровым климатом были причиной разочарованию Джована¹⁵². Наиболее характерными качествами русского человека ему, как и многим авторам путешествий в Россию, представляются сильная привязанность к алкоголю, чрезвычайная лень и нечувствительность к физической боли. Любопытно, как эта мысль созвучна известным словам из «Духа законов» о том, что «чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу»¹⁵³.

Автор «Похвального слова» обращает особое внимание на дерзость подчиненных и удивительное чувство безнаказанности в русском человеке. Любопытно, что аббат Гуаско, бывший также автором примечаний к французскому изданию «Сатир» Антиоха Кантемира, возвращается к этому эпизоду в примечаниях ко второй сатире «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений»¹⁵⁴. Поясняя слово «раб», Гуаско говорит, между прочим: «Их держат также в качестве слуг, с которыми обычно обращаются весьма сурово, подвергая их ударам до крови по обнаженной спине. Правда и то, что словесные наказания не оказывают на рабов ни малейшего воздействия. Чаще всего от них возможно чего-нибудь добиться

¹⁵¹ De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV-V (1982-1983). P.105.

¹⁵² Ibid. P.104.

¹⁵³ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt, Vol.1. Paris: Flammarion, 1979. P.375.

¹⁵⁴ Во французском переводе заглавие сокращено: «Dialogue entre Philarète et Eugène». См.: Cantemir A.D. Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français. Londres: chez Jean Nourse, 1749.

лишь посредством наказания, о котором я упомянул. Один итальянский дворянин, служивший в России, рассказывал мне, что, не решаясь прибегнуть к подобному наказанию, он довольствовался тем, что ругал и пригрожал им, но безуспешно; и, услышав, что они говорят между собой, мол, ничего страшного, он только ругает, но не наказывает, он был вынужден время от времени поступать так же, как и другие хозяева, чтобы их приструнить»¹⁵⁵.

1.5. «Сатиры» Кантемира во Франции (1749)

С именем аббата Гуаско традиционно связывают и сам перевод «Сатир» на французский язык. На том, что «Сатиры» были переведены именно им, сначала на итальянский язык при участии автора, а затем на французский язык самостоятельно, настаивает сам Гуаско¹⁵⁶. Между тем, есть основания предполагать, что в переводе участвовали и другие лица. Так, Хельмут Грассхоф говорит о возможной причастности к переводу братьев Александра и Владимира Сергеевичей Долгоруких¹⁵⁷, детей Ирины Петровны Долгорукой, чье имя известно, в первую очередь, благодаря эпизоду, связанному с ее тайным переходом в католичество¹⁵⁸. В 1742 году Александр и Владимир Долгорукие действительно находятся в Париже. Молодые люди живут при русском посольстве на улице Сен-Доминик, под протекцией Кантемира, в чьи обязанности как посла входило, в том числе, наблюдение и оказание необходимого содействия всем подданным Российской империи, бывшим во французской столице¹⁵⁹. Более того, Григорий Леонидович Лозинский упоминает имена Долгоруких в числе

¹⁵⁵ Cantemir A.D. *Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français*. Londres: chez Jean Nourse, 1749. P.218-219.

¹⁵⁶ «... durant sa dernière maladie, nous les traduisîmes ensemble en Italien. Des Personnes, qui étoient liées avec le Prince Cantemir, m'ayant paru souhaiter de voir ces Satires en François, j'en ai hazardé moi-même la Traduction». Avertissement du traducteur // Cantemir A.D. *Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français*. Londres: chez Jean Nourse, 1749. P.8-9.

¹⁵⁷ Грассхоф Х. Первые переводы сатир А.Д.Кантемира // *Международные связи русской литературы*. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С.101-111.

¹⁵⁸ Княгиня Ирина Петровна Долгорукая, урожденная Голицына, жена русского посла в Голландии Сергея Петровича Долгорукого, приняла католичество во время пребывания за границей, в 1727 году.

¹⁵⁹ Ehrhard M. *Le prince Cantemir à Paris (1738-1744): un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV*. Paris: Société d'édition les Belles Lettres, 1938. P.174-175.

переводчиков и атташе, состоявших в 1740-е годы на службе в русском посольстве¹⁶⁰. Версия о причастности Александра и Владимира Долгоруких к переводу «Сатир» подтверждается сообщением в голландском издании «*Journal universel*» за май 1744 года. Так, через месяц после кончины князя Кантемира неизвестный автор¹⁶¹ статьи-некролога, говоря о намерении опубликовать сочинение Кантемира, упоминает «перевод итальянскими стихами, сделанный князьями Долгорукими»¹⁶².

Между тем, книга будет опубликована лишь пять лет спустя, в 1749 году. Некоторые сведения, связанные с публикацией «Сатир», содержатся в личной переписке Монтескье. Отметим, что хотя имя Кантемира упоминается в ней нечасто, для многих как отечественных, так и западных исследователей «Письма господина Монтескье к друзьям из Италии», опубликованные в 1767 году, являются единственным документальным подтверждением гипотезы о личном знакомстве двух писателей. В пользу этой гипотезы выступают, например, содержащиеся в одном из писем 1742 года слова Монтескье о его причастности к разрыву посла с некой особой, которая «портила ему репутацию»¹⁶³. На то, что речь идет именно о Кантемире, впервые указала Марсель Эрар в своем исследовании, посвященном пребыванию князя Кантемира в Париже¹⁶⁴. Имя особы, о которой говорит Монтескье, на сегодняшний день также установлено: факт связи Кантемира с мадемуазель Инглебер подтверждается многочисленными

¹⁶⁰ Lozinskij G. Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741) // *Le Monde slave*, 1925, t.II. P.223-247.

¹⁶¹ Борис Андреевич Успенский полагает, что статья была написана при участии аббата Жюбе. Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Треднаковский и янсенисты // *Символ*, Париж, 1990, вып.23. P.136-137. Аббат Жюбе был агентом Сорбонны, пропагандировавшим католичество в России. Он прибыл в Россию в конце 1728 года в качестве духовника княгини И.П. Долгорукой, но был вынужден покинуть страну уже в начале 1732 года. К периоду пребывания Жюбе в России относится его знакомство с Антионом Кантемиром. В своем сочинении «О религии, нравах и обычаях москвитов» (впервые опубликовано Мишелем Мерво в конце XX века) Жюбе говорит о Кантемире: «один из самых ученых вельмож в стране или, лучше сказать, единственный, кто достоин называться ученым». Jubé J. La religion, les mœurs et les usages des Moscovites, texte présenté et annoté par Michel Mervaud. Oxford: the Voltaire foundation, 1992. P.108.

¹⁶² *Histoire littéraire. Nouvelles et mémoires littéraires et académiques* // *Journal universel ou Mémoires pour servir à l'histoire civile, politique, ecclésiastique et littéraire du XVIIIe siècle*, mai 1744. P.164.

¹⁶³ «L'ambassadeur vous salue. Il commence à ouvrir les yeux sur son amie: j'y ai un peu contribué, et je m'en félicite, parce qu'elle lui faisoit faire mauvaise figure». *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur*. Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.

¹⁶⁴ См.: Ehrhard M. Le prince Cantemir à Paris (1738-1744): un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV. Paris: Société d'édition les Belles Lettres, 1938.

донесениями парижской полиции, приставленной следить за русским послом. В конце 1741 года имя мадемуазель Инглебер упоминается в них особенно часто. «Господин князь Кантемир одним из первых вышел из оперы, — сообщается в донесении от 24 ноября 1741 года, и направился к мадемуазель Инглебер, он отправил экипаж к своему особняку. В половине девятого из особняка, где живет князь, доставили еду к мадемуазель Инглебер, мы прождали до десяти часов, никто не выходил и не входил»¹⁶⁵. Между тем, в подтверждение слов Монтескье об их разрыве, уже к середине декабря 1741 года имя мадемуазель Инглебер окончательно исчезает из донесений.

На основании данных переписки Монтескье исследователями также были сделаны выводы о том, что именно его посредничество во многом сделало возможным публикацию «Сатир». Одно из писем Монтескье к аббату Гуаско свидетельствует о том, что при участии Пьера Николя Демоле¹⁶⁶, библиотекаря парижской семинарии Оратуар, издатель для французской рукописи «Сатир» был найден уже в 1746 году. Учитывая тот факт, что книга вышла в свет лишь три года спустя, можно предположить, что издание «Сатир» было сопряжено с многочисленными трудностями. И это несмотря на то, что в том же письме к Гуаско сам Монтескье утверждал, что «можно быть уверенным в сбыте того, что называется сатирами»¹⁶⁷.

Между тем, «Сатиры» Кантемира не вызывают существенного резонанса у французского читателя, которому не понятен ни их пафос, ни явленные в них человеческие типы и образы, о чем свидетельствует статья в известном журнале «*Mémoires de Trévoux*», появившаяся вскоре после выхода «Сатир». «Изображая нелепости, которые обычно сопровождают невежество, грубость, суеверие, изменчивость мыслей и манер, он хотел, — пишет неизвестный автор о Кантемире, внушить противоположные качества. Это придает его «Сатирам» звучание, соответственное нуждам России, но

¹⁶⁵ Bibliothèque de l'Arsenal, Archives de la Bastille, Surveillance des étrangers, Ms 10287.

¹⁶⁶ В 1743 году Пьер Николя Демоле опубликовал «Историю Оттоманской империи» Дмитрия Кантемира в переводе Жонкьера.

¹⁶⁷ Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur. Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767. P.57-58.

которое не вполне подходит для нас. Некоторые особенности, которые должны были растрогать и вызвать интерес в Москве или Петербурге, скорее всего не произведут того же воздействия в Париже; отдельные образы, с помощью которых изображены приемы, используемые каким-нибудь русским вельможей с целью преуспеть, вряд ли сопоставимы с интригами, на которые толкает тщеславие наших вельмож»¹⁶⁸. На примере «Сатир» Кантемира автор статьи делает любопытные выводы в духе климатической теории Монтескье о том, что человеческие пороки «принимают различные формы в разных нациях и климатах, а также в зависимости от характеров»¹⁶⁹. Также и характер самого Кантемира представлен с точки зрения теории климатов Монтескье. Так, по определению автора статьи, этот умелый дипломат, в котором здравый смысл преобладал над воображением, «унаследовал от северных наций некоторую холодность»¹⁷⁰. На основании видимого сходства теории климатов Монтескье с идеями, изложенными в статье, Николай Александрович Копанев делает вывод о том, что автором статьи о Кантемире, помещенной в «*Mémoires de Trévoux*», мог быть сам Монтескье¹⁷¹. Так или иначе, данная характеристика действительно созвучна высказываниям о Кантемире, принадлежащим автору «Духа законов» и содержащимся в его переписке. Его слова о том, что «России непросто будет найти другого посла, обладающего достоинствами князя Кантемира»¹⁷², явно свидетельствуют о том, что Монтескье высоко ценил дипломатические качества Кантемира¹⁷³. Что же касается Кантемира-писателя, то его, по выражению Монтескье, «находят очень холодным»¹⁷⁴.

¹⁶⁸ Article L. Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres // *Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts*, avril 1750. P.931.

¹⁶⁹ Ibid. P.932.

¹⁷⁰ Ibid. P.929.

¹⁷¹ Копанев Н.А. О первых изданиях сатир Кантемира // XVIII век. Сборник 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С.151.

¹⁷² *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur.* Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.

¹⁷³ По мнению Димитри Мореншильдта, Монтескье был невысокого мнения о сатирах Кантемира и оценивал его дипломатические качества выше писательских. См.: Mohrenschildt D.S. *Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France.* New York: Columbia University press, 1936.

¹⁷⁴ *Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur.* Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767. P.136.

Как следует из того же письма, написанного не ранее 1750 года, то есть уже после выхода «Сатир», аббат Гуаско, тем не менее, продолжает работать «ради своего Кантемира»¹⁷⁵. Очевидно, речь идет о работе над примечаниями ко второму изданию «Сатир». Сличив оба издания, мы пришли к выводу, что они в действительности не вполне тождественны друг другу. При том, что сам текст перевода остался неизменным, второе издание 1750 года преподносилось как «несравненно превосходящее предыдущее, как благодаря совершенно необходимым дополнениям, которые были в него внесены, так и благодаря тщательной аккуратности, с которой были исправлены все неточности, вкравшиеся в издание 1749 года»¹⁷⁶. Необходимые дополнения были внесены, в первую очередь, в примечания, которые действительно значительно шире и точнее в сравнении с примечаниями, сопровождавшими текст первого издания и бывшими, по всей видимости, недостаточными для европейского читателя. Любопытно, что в качестве справочного материала аббатом Гуаско были использованы рассказы путешественников, которые, как видим, и к середине XVIII века по-прежнему не утратили своей актуальности в глазах европейцев. Например, написанное еще в конце предыдущего столетия, «Новое любопытное описание Московии» Фуа де ла Невилля является одним из основных источников информации для автора примечаний. Так, в издании 1750 года комментарий к слову «раб», о котором уже шла речь выше, открывается словами, заимствованными у Фуа де ла Невилля и ранее уже использовавшимися автором «Персидских писем». «Все московиты рабы, – говорится в примечании, за исключением нескольких иностранных семей, таких как Юркаской, в прошлом владевших провинцией, носящей то же имя, Галишин, Артемонович¹⁷⁷, Кантемир и некоторых других в небольшом

¹⁷⁵ « Le pauvre homme promène son œil sur toutes les brochures, prodigue son mauvais estomac pour toutes les invitations de dîners d'ambassadeurs, et ruine sa poitrine au service de son Cantimir et de son Clément V... ». Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur. Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.

¹⁷⁶ Avertissement du libraire // Cantemir A.D. Satyres de M. le Prince Cantemir, tradutes du russe en français. Avec l'histoire de sa vie. Londres: chez Jean Nourse, 1750. S.p.

¹⁷⁷ См. пояснения на с.26 данной работы.

количестве, из недавно приобретенных земель»¹⁷⁸. В первую очередь, обратим внимание на сам факт повторяемости мотива о рабской натуре москвитов, который на протяжении всего XVIII столетия неизменно возвращается на страницы европейской литературы. Не исключено, что именно Фуа де ла Невилль сыграл не последнюю роль в распространении и утверждении этого мотива. Обратим также внимание на факт произвольного использования источника, весьма характерный для XVIII века. В связи с разговором о «Персидских письмах» нами уже отмечалось, что Монтескье был неточен, цитируя Фуа де ла Невилля. Тот же упрек закономерно адресовать и аббату Гуаско, который включает в один ряд с именами Черкасских, Голицыных и Матвеевых имя Кантемиров, не фигурирующее в «Новом любопытном описании Московии»¹⁷⁹. Очевидно, это объясняется личными мотивами аббата, бывшего в близких дружеских отношениях с русским князем.

Но если распространение в Европе одного из самых ранних образцов «новой» русской поэзии, каковыми являются «Сатиры» Кантемира, стало возможным благодаря содействию Гуаско и Монтескье, то Антиохом Кантемиром, со своей стороны, также была предпринята попытка познакомить русского читателя с одним из наиболее значительных произведений раннего французского Просвещения. Речь идет о переводе на русский язык романа Шарля-Луи Монтескье «Персидские письма», следы которого, впрочем, на сегодняшний день по-прежнему не обнаружены. Уже в биографии Кантемира, составленной Владимиром Яковлевичем Стоюниным в середине XIX века, сообщается: «По приезде в Париж Кантемир сошелся с несколькими учеными и до самой смерти был с ними в дружеских отношениях. В числе их был знаменитый Монтескье, «Персидския письма» котораго в то время читались всею образованной Европой. Кантемир позаботился перевести их на русский язык; но перевод до сих пор остался

¹⁷⁸ Cantemir A.D. *Satyres de M. le Prince Cantemir, tradutes du russe en français. Avec l'histoire de sa vie.* Londres: chez Jean Nourse, 1750.

¹⁷⁹ Кантемиры обосновались на территории России лишь в 1711 году, через тринадцать лет после выхода книги Фуа де ла Невилля.

неизданным; неизвестно даже, куда делась и самая рукопись»¹⁸⁰. Между тем, сведения о переводе содержатся и в других, более ранних, источниках. Упоминание о переводе «Персидских писем», предпринятое Антиохом Кантемиром, содержится уже в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Николая Новикова, вышедшем в 1772 году и являющем собой первую попытку систематизации биографических данных о российских писателях¹⁸¹. В свою очередь, в 1783 году Николя-Габриель Леклер в своей «Истории России», одном из самых известных в XVIII веке сочинений об истории этой страны, написанных иностранным автором, также упоминает о переводах Кантемира. По его свидетельству, Кантемир, оказавший наиболее значительное влияние на развитие русской литературы, «перевел на свой язык разговоры Фонтенеля о множестве миров, послания Горация, оды Анакреонта, Кевикову таблицу, Персидские письма, Эпиктетово нравоучение, разговоры Альгаротти...»¹⁸². В действительности, сведения о переводах Кантемира, сообщенные Новиковым и Леклером, а также и некоторыми другими авторами, в точности повторяют сведения, содержащиеся в первой биографии Кантемира, принадлежащей перу аббата Гуаско¹⁸³. Тому, что Николай Новиков, в самом деле, использовал данные биографии, составленной аббатом Гуаско, имеются и документальные подтверждения. Об этом сообщает, в частности, Петр Иванович Кеппен в

¹⁸⁰ Князь Антиох Кантемир // Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы, с портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В.Я. Стоюнина, изд. П.А. Ефремов. Т.1. СПб, 1867. С.ХCVII-XCVIII.

¹⁸¹ «Переводы его с иностранных языков следующие: Фонтенеллевы «Разговоры о множестве миров» с примечаниями, напечатанные в Санктпетербурге 1740 года; Юстинова история, Горациевы письма, Анакреонтовы оды, преложенные российскими стихами без рифм; Корнелий Непот, Кевитова таблица, Письма персидские, Епиктитово нравоучение и «Разговоры о свете» г. Алгаротти». Опыт исторического словаря о российских писателях // Н.И. Новиков. Избранные произведения, под ред. Г.П. Макогоненко, М., Л., 1951. С.309.

¹⁸² Цит. по: *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne*, par M. Le Clerc, écuyer, chevalier de l'ordre du roi, et membre de plusieurs académies // *Esprit des journaux*, septembre 1783, tome IX. P.33.

¹⁸³ «Ses autres Ouvrages sont les Traductions: 1. De la Pluralité des Mondes avec des Remarques, imprimées à St.Pétersbourg. 2. De l'Histoire de Justin. 3. Des Epitres d'Horace, traduites en vers non rimés. 4. Des Odes d'Anacréon, en vers non rimés. 5. De Cornelius Népos. 6. Du Tableau de Cebes. 7. Des Lettres Persanes. 8. De la Morale d'Epictète. 9. Des Dialogues Italiens de Mr. Algaroti sur la lumière». Cantemir A.D. *Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie*, traduites en français. Londres: chez Jean Nourse, 1749. P.140-141.

«Материалах для истории Просвещения в России»¹⁸⁴. Что касается Леклера, то сведения о переводах Кантемира могли быть взяты им либо напрямую из текста Гуаско, либо опосредованно, через «Опыт исторического словаря» Новикова. Так или иначе, все известные на сегодняшний день упоминания о переводе «Персидских писем» восходят к «Житию Антиоха Кантемира», составленному аббатом Гуаско. Не исключено, что помимо первого биографа Кантемира, никто не располагал сведениями о предпринятом им переводе романа Монтескье.

В связи с вопросом о переводе «Персидских писем», предпринятом Антиохом Кантемиром еще в 1730-40-е годы, т.е. за несколько десятилетий до выхода первого полного перевода романа, выполненного Федором Пospelовым¹⁸⁵, исследователями не раз ставился вопрос о влиянии Монтескье на Кантемира. В частности, Георгий Валентинович Плеханов одним из первых обратил внимание на то, что, всегда оставаясь сторонником самодержавной политики Петра I, Кантемир, тем не менее, оказывается равнодушным и к идеям французских просветителей, выступавших против абсолютизма и приветствовавших английскую модель правления¹⁸⁶. Таким образом, перевод антиабсолютистских «Персидских писем» как будто свидетельствует об эволюции политических представлений Кантемира, которой способствовало, в том числе, и знакомство с идеями Монтескье.

¹⁸⁴ См.: Материалы для истории Просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, членом разных ученых обществ, №1: Обзорение источников для составления истории российской словесности. СПб: в Медицинской типографии, 1819.

¹⁸⁵ Персидские письма из сочинений Г. Монтескию. Переведены с французского языка [Ф. Пospelовым]. СПб, 1789. До 1789 года в различных журналах печатались отрывки из романа, главным образом притча о троглодитах. См.: История народа, несчастного от содеянного преступления и счастливого по причине добродетели // Детское чтение или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. Переведены с французского языка Лейбгвардии Преображенского полку подпрапорщиком Капитоном Бачарниковым. Отрывки из сочинений Ф.М. Вольтера, Ш.Л. Монтескье, Э.К. Клейста, С. Геснера, Ж.Ф. Сен-Ламбера, П. Летуэрна. СПб: Типография Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, 1779; Персидские письма, отрывки // Утра, еженедельное издание, или Собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге российских книгах. СПб.: [П.А. Плавильщиков], май-июнь 1782; Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетелей сделать может народ счастливым, сочинение г. Монтескию, перевод И. Чашникова // Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей. СПб, 1786.

¹⁸⁶ Плеханов Г.В. А. Д. Кантемир // Сочинения, под. ред. Д. Рязанова. Т.21. М., Пг.: Гос. изд-во, 1925. С.97; Гершкович З.И. Идеи связи русских и французских просветителей XVIII века (Кантемир и Монтескье) // Вестник истории мировой культуры, 1959, №4. С.120-129.

В свою очередь, нами не исключается возможность причастности Кантемира к формированию образа России у автора «Духа законов». В 50-х годах прошлого века Альбер Лортолари упоминал Кантемира в числе возможных информаторов Монтескье¹⁸⁷. Однако исследователь склонен считать, что Монтескье были использованы далеко не все сведения, полученные им от его иностранных собеседников. В частности, Альбер Лортолари высказывает сомнение относительно того, что Монтескье мог воспользоваться сведениями, сообщенными Кантемиром. В отличие от свидетельств графа Таруки или адмирала Дейхмана, о которых шла речь выше, прямых следов рассказов Кантемира действительно не содержится ни в самом трактате «О духе законов», ни в рабочих тетрадях Монтескье. Между тем, Кантемир был очевидцем и даже участником некоторых важных событий, происходивших в России в 1720-е - начале 1730-х годов и представлявших известный интерес для Монтескье. К ним относятся, в том числе, события первых дней правления императрицы Анны Иоанновны, в результате которых, по выражению писателя, в стране «на несколько дней было установлено аристократическое правление»¹⁸⁸. На сегодняшний день известно, что осуществлению так называемого заговора верховников и воплощению в жизнь проекта установления ограниченной монархии в России помешало вмешательство группы дворян, подавших челобитную о восстановлении самодержавия. Известно также, что текст челобитной был составлен и прочитан перед императрицей Анной молодым князем Кантемиром. Принимая во внимание факт его деятельного участия в дворянской реакции против попытки верховников ограничить власть императрицы, исследовательница Исабель де Мадариага высказывает

¹⁸⁷ См.: Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Contemporaines, 1951. На это позднее указывал в своей статье «Монтескье и Кантемир» Михаил Павлович Алексеев. См.: Алексеев М.П. Монтескье и Кантемир // Вестник ЛГУ, 1955, №6. С.55-78.

¹⁸⁸ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.428.

предположение о том, что подробности этого любопытного эпизода могли быть сообщены Монтескье не кем иным, как Кантемиром¹⁸⁹.

1.6. Эволюция образа России от «Персидских писем» к «Духу законов»

Очевидно, что критическое отношение Монтескье к Петру наложило свой отпечаток на созданный им образ России в целом, хотя о собственно отождествлении России с личностью Петра речь не идет. Дело в том, что при относительном постоянстве отношения писателя к Петру и методам его преобразовательной деятельности, образ России у Монтескье, наоборот, не статичен. В этом сказываются как характер самих явлений, происходивших в стране после кончины первого императора, так и связанное с этими процессами переосмысление некоторых явлений русской действительности автором «Духа законов».

Несколько любопытных подтверждений такой эволюции в мысли Монтескье находим в его сборнике «Мысли». Именно сюда писатель поместил две стихотворные строки, посвященные, как ни странно, внуку Петра I, императору Петру II. Монтескье не дает никаких указаний ни на имя автора, ни на источник, оговорив лишь, что двустишие появилось в Москве по случаю преждевременной кончины молодого императора:

Clauditur in Jano sic vita junua Petro.

*Mors aperit limen, cuando paratur hymen*¹⁹⁰.

В отличие от своего деда, Петр II был, по всей видимости, для Монтескье фигурой незначительной и не заслуживающей особого интереса. Да и сами стихи обратили на себя внимание писателя отнюдь не своим содержанием, но самым фактом своего появления. «Видите, — комментирует Монтескье появление двустишия, что стихам всегда найдется место, стоит

¹⁸⁹ Madariaga Isabel de. Catherine II and Montesquieu between prince M.M. Shcherbatov and Denis Diderot // Politics and Culture in Eighteenth Century Russia: Collected Essays by Isabel de Madariaga. London, New York: Longman, 1998. P.242.

¹⁹⁰ «Для Петра жизнь, как дверь, закрылась. Смерть явилась на пороге, когда ожидалась свадьба». Pensée 599. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Spicilège, éd. Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991. P.323. Известно, что четырнадцатилетний Петр II скончался накануне собственной свадьбы с Екатериной Долгорукой, назначенной на 19 января 1730 года.

народу только ступить на путь освобождения от варварства»¹⁹¹. Это замечание явно свидетельствует о том, что Монтескье была близка идея о связи между цивилизованностью народа и его способностью к поэтическому творчеству. Любопытно, однако, что эта проблема ставится им именно на примере России.

Закономерно возникает вопрос о том, к какому же именно периоду Монтескье относит начало «освобождения от варварства» в России. Согласно наиболее популярной точке зрения, роль цивилизатора России сыграл не кто иной, как Петр I¹⁹². Монтескье же, как отмечалось ранее, напротив, отказывал Петру в способности изменить дикие нравы своих подданных, поскольку нуждался в этом больше их самих. Поэтому есть все основания предполагать, что, по мнению автора «Духа законов», переход от варварства к цивилизации в России происходит лишь в послепетровскую эпоху. Нам представляется, что цитирование двустихия на смерть Петра II (18 января 1730 года) в этом смысле неслучайно. По мысли Монтескье, условная временная граница между варварской Московией и цивилизованной Россией пролегает, видимо, именно на рубеже 30-х годов XVIII столетия.

В связи с вопросом об эволюции представлений Монтескье о России мы бы хотели отметить еще один любопытный фрагмент из сборника «Мысли». Речь идет о записи под номером 1656, в которой приводится перечень характеристик, данных Монтескье разным странам, народам и их обычаям, а также ряд портретных зарисовок, как отдельных категорий людей, так и конкретных исторических личностей. Впрочем, определения не принадлежат самому Монтескье, но взяты им из античных авторов: Горация, Вергилия, Тацита, Овидия и других¹⁹³. Так, две стихотворные строчки из «Метаморфоз» Овидия метко и выразительно отображают самую сущность испанского государства:

¹⁹¹ « Vous voyez que les vers rimés se trouvent toujours lorsque l'on commence à sortir de la première barbarie ». Pensée 599. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Spicilège, éd. Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991. P.323.

¹⁹² Мезин С.А. Петр I как цивилизатор России: два взгляда // Европейское Просвещение и цивилизация России, отв. ред. С.Я. Карп и С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С.5-15.

¹⁹³ См. примечания к Pensée 1656. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Spicilège, éd. Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991. P.524-525.

Effice quidquid

Corpore contigero fulvum vertatur in aurum¹⁹⁴.

Четко определить свою позицию по отношению к Китаю и китайцам писателю помогла формулировка, заимствованная у Публия Корнелия Тацита:

Major et longinquo reverentia¹⁹⁵.

В свою очередь, несколько строк, взятых из Горациевых «Од», послужили для характеристики шведского короля Карла XII:

Illi robur et aes triplex

Circa pectus erat...¹⁹⁶

В этой небольшой портретной галерее нашлось место и москвитам, о которых Монтескье скажет словами Овидия:

Saxa – quis hoc credat ? –

Ponere duritiem coepere...¹⁹⁷

Эти стихи уже встречались нам в связи с разговором о каталоге библиотеки Монтескье. Действительно, мы упомянули о том, что писатель использовал цитату из «Метаморфоз» в разделе каталога, посвященном литературе о России. Впрочем, практически все приведенные в Мысли 1656 цитаты можно обнаружить также и в каталоге, в роли эпиграфов к соответствующим разделам. На наш взгляд, эти характеристики по сути можно рассматривать как своего рода квинтэссенцию представлений автора «Духа законов» о том или ином народе. Московиты не случайно сравниваются с камнями. Согласно одному из тезисов теории климатов, подробно изложенных во второй главе книги XIV «Духа законов», характер нации определяется, в первую очередь, климатом, в котором нация живет¹⁹⁸. Так, южные народы отличаются от северных живостью характера, леность, чрезвычайная

¹⁹⁴ Публий Овидий Назон «Метаморфозы» (XI, 103-104): «Так сделай, чтоб каждый тронутый мною предмет становился золотом чистым!».

¹⁹⁵ Публий Корнелий Тацит «Анналы» (I, 44): «Величайшее почтение и издали».

¹⁹⁶ Квинт Гораций Флакк «Оды» (I, 3, 9-10): «Из дуба иль меди имел он грудь».

¹⁹⁷ Публий Овидий Назон «Метаморфозы» (I, 400-401): «Камни, — поверил бы кто, не будь свидетелем древность? — Вдруг они стали терять постепенно и твердость и жесткость».

¹⁹⁸ О теории климатов до Монтескье см.: Mercier R. La théorie des climats des «Réflexions critiques» à «L'Esprit des Lois» // Revue de l'histoire littéraire de France, Vol.58, janv.-mars 1953. P.17-37.

чувствительность к удовольствиям. Московиты, как и все прочие обитатели холодных стран, напротив, обладают силой, выносливостью и вместе с тем совершенно нечувствительны к физической и, как следствие, к моральной боли. «Очевидно, – подводит итог Монтескье, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в московите чувствительность, надо с него содрать кожу»¹⁹⁹.

Между тем, было бы ошибочно говорить об окончательности этого суждения. Цитата из Овидия явно свидетельствует о том, что, по мнению Монтескье, современные московиты не обладают более теми жесткостью и твердостью, какие были свойственны их предкам. Со временем даже москвит способен сделаться более чувствительным. Писатель, как мы уже могли убедиться, не связывал надежд на улучшение нравов в России с фигурой Петра I, однако саму вероятность изменений не отрицал. Эта на первый взгляд парадоксальная идея непостоянства национального характера в действительности не противоречит ни положениям теории климатов, ни собственно представлениям Монтескье о москвитях.

В 20-е годы прошлого века на проблему исторической изменчивости характера народа в творчестве Монтескье обратил внимание Федор Васильевич Тарановский²⁰⁰. Исследователь обращается к примеру Римской империи и, в частности, к малоизученному тексту Монтескье «Размышления о жителях Рима»²⁰¹. Основанием к размышлению послужила идея о непохожести современных жителей Рима на своих предков. В сравнении с древними римлянами, бывшими до крайности невоздержанными в еде, современники писателя отличаются, по его собственному выражению,

¹⁹⁹ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.375.

²⁰⁰ Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922. С.172-173.

²⁰¹ «Réflexions sur les habitants de Rome» (или «Réflexions sur la sobriété des habitants de Rome»), 1732. Впервые опубликовано в: Montesquieu Ch.-L. Voyages de Montesquieu, publié par le baron Albert de Montesquieu, préf. par M. Henri Barckhausen. 2 Vol. Bordeaux: G. Gounouilhou, 1894-1896.

«удивительной умеренностью». В сегодняшних жителях Рима с их размеренным укладом с трудом можно узнать людей, населявших некогда ту же самую территорию: древние римляне, по словам Монтескье, напротив, вели подвижную жизнь, не отказывая себе в удовольствиях. Писатель находит несколько объяснений произошедшим изменениям: «одни физические, другие моральные»²⁰². К первым он относит изменение качества воздуха, ко вторым – изменения в образе жизни, связанные, главным образом, с государственными преобразованиями. Таким образом, известная формула «власть климата сильнее всех иных властей» вовсе не исключает возможность эволюции национального характера. Даже при относительном постоянстве климата Московии существуют причины иного порядка, которые в длительной исторической перспективе могут оказать влияние на характер и нравы людей ее населяющих.

Отметим, что этот вопрос у Монтескье тесно связан с вопросом о положении женщины. Полемика вокруг этого вопроса действительно увлекала многих писателей эпохи Просвещения²⁰³. Строилась она на противостоянии двух основных традиций. Одна линия, идущая еще от Монтеня и нашедшая наиболее смелое выражение в творчестве Дидро, была, таким образом, представлена либеральными мыслителями. Право женщины на свободу они отстаивали, основываясь на представлениях о равенстве женщины и мужчины перед природой. Представители другой, консервативной, линии, среди которых наиболее последовательным был Ж.-Ж. Руссо, продолжая христианскую традицию, напротив, настаивали на невозможности равенства между мужчиной и женщиной, непременным качеством которой должна быть добродетель, а непосредственной ролью – продолжение рода.

Автор трактата «О духе законов» занимает в вопросе о положении женщины промежуточную позицию. Будучи представителем

²⁰² Montesquieu Ch.-L. *Voyages*. Paris: Arléa, 2003. P.447.

²⁰³ Подробнее о восприятии женщины философами XVIII столетия см.: Hoffmann P. *La femme dans la pensée des Lumières*. Paris: Orphys, 1977.

консервативного дворянства, писатель очень традиционен в восприятии семьи. В своем исследовании, посвященном женщине в жизни и творчестве Монтескье, Жанет Жеффрио-Россо утверждает, что, по мысли писателя, ведущая роль в семье, в том числе и в вопросе о воспитании детей, может и должна принадлежать исключительно мужчине²⁰⁴. Подчинение женщины воле мужа и отца делает, таким образом, возможным само существование семьи. Более того, в отношении некоторых стран Монтескье даже допускает закономерность понятия естественного неравенства между женщиной и мужчиной. Речь идет, конечно, о странах с жарким климатом, в которых установлен деспотический тип правления. В этих странах женщины очень рано достигают зрелости и так же рано стареют, отчего, по словам писателя, не могут быть разумны и красивы одновременно. «Когда они могли бы властвовать благодаря своей красоте, – рассуждает Монтескье в одной из глав книги XVI «Духа законов», это оказывается невозможным из-за отсутствия разума; когда же они могли бы властвовать благодаря разуму – красоты уже нет. И так как разум не может им доставить под старость ту власть, которой даже красота не смогла дать им в юности, то женщины неизбежно должны находиться в зависимом положении (курсив мой)»²⁰⁵. Чтобы удержать женщину в этом зависимом положении, необходимо ограничить ее физическую свободу, изолировать от общественной жизни. Такова, например, функция восточного сераля, своего рода микромодели деспотического государства. Не случайно положение женщины в деспотических странах Монтескье называет домашним рабством. В республиках, напротив, женщина свободна по закону. Вместе с тем, даже в условиях физической свободы женщины в этих странах «порабощены правилами нравственности»²⁰⁶. Парадоксальным образом применение понятия рабства оказывается возможным и по отношению к западной цивилизации.

²⁰⁴ См.: Geffriaud-Rosso J. Montesquieu et la féminité. Pisa: Editrice Libreria Goliardica, 1977.

²⁰⁵ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.409.

²⁰⁶ « Dans les républiques, les femmes sont libres par les lois, et captivées par les mœurs ». Ibid. P.234.

По-настоящему свободна женщина лишь в монархии. По мысли Монтескье, положение женщины действительно теснейшим образом связано с типом правления. Так, свобода женщин соответствует самому «духу монархии», точно так же как «деспотизм государя естественно соединяется с рабством женщин»²⁰⁷. Особенность положения женщины в монархических странах в том, что женщина там призвана ко двору, где поощряется вольное обращение между представителями обоих полов. И хотя внутри семьи роль главы по-прежнему отводится мужчине, ведущую роль в обществе, в частности во французском обществе XVIII века, играет женщина. Именно она оказывает беспримерное влияние на вкусы и нравы общества и именно с ней Монтескье связывает свои надежды на смягчение суровых нравов в деспотических странах.

К деспотическим странам Монтескье относит и Московию, где женщины долгое время были «затворницами и в известном смысле рабынями»²⁰⁸. Именно такими писатель видел их во времена «Персидских писем». Достаточно еще раз вспомнить письмо LI и карикатурный портрет москвитянки, чье подчинение мужчине распространяется настолько, что свое счастье как женщины, т.е. замужество, она не мыслит без использования мужчиной своего физического превосходства. Применение физической силы по отношению к женщине, таким образом, не воспринимается самой женщиной как унижение. Отметим, что эта идея в целом соответствовала представлениям европейцев о русском варварстве. Согласно этим представлениям, физическое наказание, широко применяемое в Московском государстве, не расценивается москвитями как бесчестье²⁰⁹.

Невзирая на в целом негативную оценку личности и деятельности Петра I, Монтескье, тем не менее, одобряет политику русского царя в

²⁰⁷ « Tout est extrêmement lié: le despotisme du prince s'unit naturellement avec la servitude des femmes ; la liberté des femmes avec l'esprit de la monarchie ». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.468.

²⁰⁸ « Les femmes étaient renfermées, et en quelque façon esclaves ». Ibid. P.467.

²⁰⁹ Проблема физического наказания и понятия чести в России XVIII века и ее восприятие европейцами были исследованы Мишелем Мерво в статье: Mervaud M. Le knout et l'honneur des Russes (à propos de deux articles de l'Encyclopédie) // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie, 1993, XIV. P.111-124.

отношении женщины. Именно ему, варвару и тирану, московские женщины обязаны своим освобождением от домашнего рабства. «Он призвал их ко двору, – поясняет Монтескье в главе «О естественных средствах изменения нравов и обычаев народа», велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им материн на платье. И женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин»²¹⁰.

Очевидно, что новое восприятие женщины в послепетровской России полностью перечеркивало образ обреченной на затворничество, покорной москвитянки, созданный автором «Персидских писем». Это понимал и сам писатель, и потому не оставил без внимания возникшее противоречие. Известно, что после выхода романа, в 1721 году, Монтескье не раз возвращался к своему тексту для редактирования. Так, например, издание 1754 года, последнее из прижизненных изданий, было дополнено одиннадцатью письмами и «Несколькими замечаниями о “Персидских письмах”», своего рода авторским суждением о романе. Именно это издание легло в основу всех последующих изданий, в том числе и в основу русских переводов романа²¹¹. Что касается интересующего нас письма LI, то в результате правок текст самого письма не изменился. Вместе с тем, в новой редакции появилась одна небольшая, но существенная ремарка. Отрывок, в котором говорится о том, что москвитянки любят, чтобы их били, отныне сопровождается примечанием автора: «Эти нравы теперь переменились»²¹².

По масштабу перемен Россия являла собой, в глазах философов Просвещения, в некотором роде уникальный пример. После многовекового

²¹⁰ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.467.

²¹¹ В первую очередь, речь идет о переводах XVIII века: Монтескье Ш.-Л. Персидские письма из сочинений Г. Монтескью. Переведены с французского языка Ф. Поспеловым. СПб, 1789; Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г.Монтескье. С французского языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: изданием И.К. Шнора, 1792.

²¹² Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.81. В переводах XVIII века, выполненных Поспеловым и Рознотовским, сноска сохранена, но у Поспелова отсутствует указание на то, что сноска является авторской. Об особенностях русских переводов романа см. далее в главе «О русских переводах Монтескье в XVIII веке».

домашнего рабства женщина не только оказывается вовлеченной в придворную жизнь, она сама становится полноправной хозяйкой миллионов рабов, своих подданных. На многие десятилетия подряд высшая государственная власть в России действительно оказывается в руках женщины. Феномен русской «гинекократии», вызвавший немало толков в Европе, был описан, в частности, в «Секретных воспоминаниях о России». Автор «Воспоминаний», Шарль Франсуа Филибер Массон, прожил в России без малого десять лет, с 1786 по 1796 годы²¹³. Литератор и бывший военный, Массон следующим образом описывал «власть женщин» в стране, где еще вчера они были рабынями: «Россия являет собой единственный в своем роде пример в истории. В течение одного столетия здесь можно было наблюдать деспотическое правление пяти или шести женщин²¹⁴, и это в стране, где прежде женщины были рабынями; где Петр I был вынужден применить насилие²¹⁵, чтобы выволить их из этого дикого унижения и дать им место в обществе; где даже сегодня законы рабства отрицают у нее наличие души²¹⁶, ее даже не причисляют к человеческим существам»²¹⁷.

Монтескье, не знавший еще термина «гинекократия», использует более нейтральное «управление» («administration») или «правление» («gouvernement») женщин, которому посвящена одноименная глава «Духа закона». По мысли писателя, природная слабость женщины является

²¹³ Шарль Франсуа Филибер Массон (1761-1807) приезжает в Россию в 1786 году вслед за братом Конрадом, высшим офицером русской армии. Военная карьера самого Массона складывается очень удачно, но вскоре по приезде в Петербург он обращает на себя внимание приближенных императрицы своим литературным талантом. Его назначают наставником сыновей графа Салтыкова, затем - секретарем Александра, будущего императора Александра II. В ноябре 1796 года, с воцарением Павла I, Массон вынужден покинуть Россию. Массон известен, прежде всего, как автор «Новой Астреи» (1802) и «Секретных воспоминаний о России» (1800-1802).

²¹⁴ Автор приводит их имена: царица Софья, Екатерина I, Анна Иоанновна, регентша Анна Леопольдовна, Елизавета и Екатерина II.

²¹⁵ В примечании автор в духе Монтескье говорит о том, что до Петра женщины не появлялись ни в обществе, ни при дворе, им даже не позволялось находиться за одним столом с мужьями. Своим указом Петр велел мужьям вывести жен в свет, их общество небезосновательно представлялось Петру средством, способным цивилизовать нацию.

²¹⁶ В примечании автор поясняет, что в русском языке слово «душа» используется для обозначения крепостных крестьян, при этом оно обозначает только крестьян мужского пола, в то время как женщины в расчет не берутся.

²¹⁷ Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul Ier, formant un tableau des mœurs de St-Petersbourg à la fin du XVIIIe siècle. 3 Vol. Paris: C. Pougens, 1800-1802.

основной причиной, по которой она не может и не должна играть ведущую роль в семье. Вместе с тем, то же качество, которым в рамках семьи объясняется вынужденное подчинение женщины мужчине, напротив, положительным образом влияет на ее управленческие способности в масштабах целого государства. По словам Монтескье, «эта самая слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные качества»²¹⁸. Автор приводит в качестве примеров успешного женского правления Индию и африканские государства. «Прибавив к этому примеры Московского государства и Англии, – продолжает Монтескье, мы увидим, что женщины с одинаковым успехом управляют в государствах умеренного образа правления и в деспотических государствах»²¹⁹.

Говоря о Московском государстве, Монтескье, который не застал правления Екатерины II, самого важного в истории страны женского правления, очевидно, ссылаясь на опыт ее предшественниц, главным образом, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Интерес к этим персонажам, в особенности, к фигуре Анны Иоанновны, некоторым образом засвидетельствован в «Сборнике» Монтескье²²⁰. В нем содержится около десятка газетных вырезок, относящихся к периоду правления императрицы. В большинстве случаев их происхождение указано, идентифицировать происхождение всех прочих вырезок удалось без труда. Так, основным источником информации о России 1730-40-х годов для Монтескье послужили английская «The Whitehall Evening Post» и голландская «Gazette d'Amsterdam», также известная под названием «Gazette de Hollande» и бывшая ведущим политическим изданием в Европе на протяжении всего XVIII века²²¹. Используемые Монтескье материалы охватывали самые разные стороны русской действительности. В частности, «The Whitehall

²¹⁸ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.241.

²¹⁹ Ibidem.

²²⁰ Minuti R. L'image de la Russie dans l'œuvre de Montesquieu // Cromohs, №10, 2005. P.1-6.

²²¹ Подробнее об этом см.: Feyel G. L'annonce et la nouvelle: la presse d'information en France sous l'Ancien Régime (1630-1788). Oxford: Voltaire Foundation, 2000.

Evening Post» от 26-28 марта 1739 года²²² подробно писал об интригах, сопровождавших восшествие Анны Иоанновны на престол: о так называемом заговоре верховников и попытке ограничения самодержавной власти будущей императрицы. В свою очередь, «Gazette d'Amsterdam» сообщала о внешней политике России при Анне Иоанновне, в том числе, о ее действиях в ходе войны за польское наследство 1733-1735 годов. Внимание писателя привлекли также сообщения о состоянии войск ее императорского величества и осуществляемой ею политики в области торговли²²³.

Особого внимания заслуживает эпизод, посвященный делу князей Долгоруких. Надо отметить, что «The Whitehall Evening Post» в течение нескольких месяцев с момента воцарения Анны Иоанновны очень пристально следил за судьбой опальных придворных²²⁴. В свою очередь, подробности дела, сообщенные лондонской газетой, должны были быть известны Монтескье, находившемуся в этот период в английской столице. Во всяком случае, в «Сборнике» содержится статья из неназванного англоязычного издания, в которой воспроизводится текст указа от 9 (20) апреля 1730 года об изгнании князей Долгоруких²²⁵. Очевидно, что и о последовавшей за этим трагической судьбе некоторых членов княжеской фамилии²²⁶ Монтескье также было известно, несмотря на отсутствие

²²² В «Сборнике» фигурирует именно эта дата. Между тем, описываемые события относятся к январю-февралю (по новому стилю) 1730 года.

²²³ Выдержки/вырезки из газет, содержащие сообщения о внутренней и внешней политике при Анне Иоанновне см. в Spicilège 549, 550, 612, 619, 620, 648, 652. К этому периоду также иногда относят Spicilège 545 (см., напр: Minuti R. L'image de la Russie dans l'oeuvre de Montesquieu // Cromohs, №10, 2005. P.1-6). В этом отрывке приведена речь фельдмаршала Долгорукого: «Вчера ты была моей племянницей, нынче ты моя государыня: ты видишь, как за одну ночь может измениться человеческое состояние. Не позволю новому высокому званию, которое на тебя будет возложено, ослепить тебя и погубить ту благородную скромность, которая до сего дня возвеличивала тебя. Наш род щедро одарен благосклонностью фортуны и не терпит недостатка ни в чем; посему забудь, что ты из них и постарайся использовать дарованную тебе власть для того только, чтобы делать добро тем, кто этого наиболее заслуживает, невзирая на имя, которое они носят». В комментариях к изданию 1991 года Луи Деграв отмечает, что речь Василия Владимировича Долгорукого адресована будущей императрице Анне Иоанновне. Между тем, это утверждение ошибочно, т.к. в действительности речь Долгорукого обращена к его племяннице Екатерине Алексеевне Долгорукой по случаю ее венчания с императором Петром II, состоявшегося 30 ноября 1729 года.

²²⁴ The Whitehall Evening Post. 1729-1736. 1 Vol. London, 1729-1736.

²²⁵ Статья подобного содержания действительно имеется в «The Whitehall Evening Post» от 16-19 мая 1730 года. Между тем, тексты статьи в газете и в «Сборнике» не совпадают полностью.

²²⁶ Бывший фаворит Петра II, Иван Алексеевич Долгорукий, а также его родные дяди, князья Сергей и Иван Григорьевичи, и двоюродный дядя Василий Лукич были казнены 8 (19) ноября 1739 года. Князь Иван подвергся наиболее страшной казни — колесованию.

документальных тому подтверждений. Писатель вспомнит об участии Долгоруких во время работы над двенадцатой главой книги XII «Духа законов», в связи с вопросом о преступлении оскорбления величества. «По манифесту покойной царицы, изданному против семьи Долгоруких, – пишет Монтескье, один из этих князей был приговорен к смерти за произнесение неприличных слов против ее особы, а другой – за злонамеренное истолкование ее мудрых государственных мер и оскорбление ее священной особы непочтительными отзывами»²²⁷. Монтескье поднимет вопрос о несправедливости понесенного князьями Долгорукими наказания, ибо, по мысли писателя, слова могут расцениваться как преступление лишь в том случае, если они сопряжены с преступным деянием. Сами по себе неосторожные слова, произнесенные в адрес коронованной особы, не представляют собой преступления и тем более не должны повлечь за собой смертной казни. На примере семьи Долгоруких Монтескье хочет показать, что в России действует иной закон, а «везде, где установлен такой закон, нет не только свободы, но даже и тени ее»²²⁸.

I.7. Монтескье о деспотизме в России

В целом, эта идея соответствует представлениям Монтескье о России как о деспотическом государстве, несмотря на то, что процесс раскрепощения женщины, начатый Петром I, должен был бы положительным образом повлиять на характер власти в стране. Впрочем, Монтескье и не исключает вероятности подобной эволюции: «Это изменение нравов женщин, – говорит Монтескье в главе «О влиянии домашнего управления на политическое», окажет, без сомнения, сильное влияние на правление

²²⁷ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.339. Монтескье связывает казнь Долгоруких с совершенным ими преступлением оскорбления величества. Официальным основанием для вынесения смертного приговора послужило обвинение в составлении подложного завешания Петра II о назначении преемницей престола Екатерины Алексеевны Долгорукой, невесты императора.

²²⁸ Ibidem.

Московского государства»²²⁹. Очевидно, что основанием к такому утверждению послужили какие-то конкретные явления, имевшие место в России и свидетельствующие, по мысли писателя, об определенных сдвигах в ее политической жизни. В своей работе «Монтескье о России» Федор Васильевич Тарановский, о котором мы упоминали в связи с теорией исторической изменчивости национального характера, обратил внимание на то, что указания на подобные явления, дающие определенную надежду на освобождение России от деспотизма, содержатся в самом тексте «Духа законов».

В третьей главе книги XII «Духа законов», носящей название «О климате Азии», Монтескье пишет: «Хотя знать Московского государства была обращена в рабство одним из своих государей, в ней все-таки постоянно замечаются признаки неудовольствия, которое не встречается в климатах юга. Мы видели, что там на несколько дней было установлено аристократическое правление»²³⁰. Как уже отмечалось, эти события относятся к первым дням правления Анны Иоанновны и известны как неудавшаяся попытка членов Верховного тайного совета, состоявшего преимущественно из представителей княжеских фамилий Долгоруких и Голицыных, ограничить самодержавную власть в свою пользу. Известно, что, потребовав от Анны подписания так называемых «Кондиций», верховники преследовали цель овладеть реальной властью в России, оставив за императрицей лишь представительские функции. С подписанием «Кондиций», бывших фактически первой несостоявшейся русской конституцией, перед Россией открывалась перспектива превращения в конституционно-аристократическую монархию. Между тем, широкие круги дворянства, выступавшие сторонниками самодержавия, не позволили верховникам надолго удержать власть в своих руках: Анна надорвала «Кондиции» вскоре после их подписания, тем самым вновь утвердив

²²⁹ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.468.

²³⁰ Ibid. P.428.

самодержавную традицию. И хотя этот эпизод не повлек за собой каких-либо реальных изменений в политической жизни России XVIII века, сама по себе попытка ограничения абсолютизма в стране, где власть монарха традиционно являлась неограниченной и неприкосновенной, представляется Монтескье весьма показательной. Такое поведение русской знати свидетельствует об обнаруживающейся в России нетерпимости к деспотической власти государя.

Кроме того, Федор Васильевич Тарановский обращает внимание на краткое, но немаловажное замечание Монтескье по поводу некого закона, установленного в России в период следующего женского правления. По словам писателя, «русский закон, изданный в начале царствования императрицы Елизаветы, очень благоразумно лишал права занимать престол всякого наследника, являющегося государем другой монархии»²³¹. Новое постановление не упраздняло прежнего, принятого еще Петром I указа о престолонаследии, дающего монарху право назначать преемника по собственной воле, но вносило в него определенные ограничения. По мнению исследователя, это был шаг к созданию закона о престолонаследии, строго определяющего порядок наследования престола, что, в свою очередь, является характерной чертой монархического государства и не свойственно деспотии²³². Таким образом, издание подобного закона в России давало еще одну слабую надежду на ослабление деспотизма.

Пожалуй, наиболее показательным признаком смягчения деспотизма вообще и в России в частности является увеличение налогов. Дело в том, что, в концепции Монтескье, размер налога прямо пропорционален степени свободы человека. «Чем больше свобода подданных, — говорится в двенадцатой главе книги XIII «О духе законов», тем большие можно взимать с них налоги; и чем больше рабство, тем более приходится снижать их платежи. Так оно всегда было, и так всегда будет. Это правило самой

²³¹ Montesquieu Ch.-L. De L'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.2. P.200.

²³² Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922. С.182.

природы, всегда и везде неизменное...»²³³. Такое соотношение размера налога и степени свободы позволяет в известном смысле сохранить справедливое равновесие, как в умеренных странах, так и в деспотических: «В умеренных государствах есть вознаграждение за тяжесть налогов: оно заключается в свободе. В деспотических государствах есть вознаграждение за лишение свободы: оно заключается в умеренности налогов»²³⁴. Наиболее интересно для нас примечание Монтескье, касающееся размера налогов в России. Это государство хоть и является деспотическим, между тем, по словам Монтескье, налоги в России средней величины: они якобы увеличились с тех пор, как «деспотизм стал там более умеренным»²³⁵.

Утверждение, будто с некоторых пор деспотизм в России стал умеренней, как нельзя лучше подтверждают важную идею писателя о непостоянстве форм правления. Еще со времен «Персидских писем» известно о предостережениях Монтескье о грозящей монархии опасности перерождения в деспотию²³⁶. Такой угрозе подвержено не одно европейское государство, в том числе и Франция. Вместе с тем, писатель, очевидно, допускал возможность улучшения, хотя бы кратковременного, в деспотическом государстве.

Ответ на вопрос о том, почему подобные улучшения возможны в России, также можно обнаружить в самом тексте «Духа законов». Этот вопрос напрямую связан с теорией климатов Монтескье и тем особенным положением, которое занимала в ней Россия. Известно, что, в соответствии с этой теорией, страны классифицировались по типу правления на основании нескольких критериев, главным образом, протяженности территории страны и природы ее климата. Так, страны, занимающие большую территорию и расположенные в жарком климате, как, например, Персия или Турция, обыкновенно бывают деспотиями. В свою очередь, естественным следствием

²³³ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.363.

²³⁴ Ibidem.

²³⁵ Ibidem.

²³⁶ Эта тема продолжена и развита в «Духе законов». См. Кн.VIII (гл. VI, VII, VIII).

деспотического образа правления Монтескье называет рабство, в частности рабство женщин, а наиболее соответствующей его природе религией – ислам. Если пытаться объяснить деспотизм в России теорией климатов, возникают очевидные противоречия. При бесспорно огромной протяженности, Россия, тем не менее, самым Монтескье относится к северным странам с холодным климатом. Между тем, северным народам свойственно свободолюбие, потому наиболее умеренное правление можно наблюдать именно в странах севера, за исключением России. В России же, как уже отмечалось ранее, «нет не только свободы, но даже и тени ее». Рабство, как обязательная составляющая образа деспотического государства, в самом деле, неотрывно связано с представлениями писателя об этой стране. Иначе решается вопрос религии: вопреки установленной Монтескье зависимости между типом правления и формой религии, Россия отдает предпочтение православию²³⁷.

Учитывая такие явные несоответствия с положениями теории климатов, необходимо признать, что деспотизм в России невозможно вывести из природы ее климата²³⁸. Азиатские страны, каковыми являются, например, упомянутые Персия или Турция, являются деспотическими государствами по природе. Россия, по утверждению Монтескье, является европейской страной, поэтому и природа деспотизма в этой стране иная. Не случайно, говоря об осуществленных Петром I социальных преобразованиях, Монтескье обращает внимание на один любопытный факт. Московиты, которые, как говорилось в «Персидских письмах», «сохранили древние обычаи и привержены к ним тем сильнее, что и не предполагают, что могут быть другие»²³⁹, с неожиданной для самого реформатора легкостью и

²³⁷ Освобождение православных христиан, борьба против «неверных» были одним из приоритетных направлений внешней политики России в течение всего XVIII века. Наиболее примечателен в этом отношении так называемый «Греческий проект» Екатерины II, предполагавший освобождение всех христианских народов от турецкого ига и восстановление Греческой державы. См., напр.: Коршунова Н. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. №1. С.62-68.

²³⁸ Такого мнения придерживается Федор Васильевич Тарановский. См.: Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922.

²³⁹ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фивольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.81.

быстротой приняли его нововведения. В том, что москвиты с готовностью отказались от традиций и ценностей прошлого, Монтескье не усматривает ничего неожиданного. Напротив, легкость и быстрота, с которыми москвиты приобщились к европейской цивилизации, объясняются тем, что, по мнению автора «Духа законов», этот народ принадлежит к ней исторически. «Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями. Петр I сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал»²⁴⁰.

Очевидно, что тема деспотизма, бывшая одной из ведущих тем литературы о России в XVIII веке, решается автором «Духа законов» нетрадиционно. Пожалуй, до Монтескье среди европейских писателей и мыслителей никто не оправдывал варварство москвитов влиянием внешних факторов. Речь идет, в первую очередь, о последствиях татаро-монгольского нашествия, но также о завоевании Сибири и последовавшем смешении москвитов-европейцев с дикими сибирскими народами. Эти народы принесли с собой в Московию не только нравы и обычаи, но и образ правления. Деспотизм, противоречащий природе климата Московии, не мог самостоятельно зародиться на этой территории. Впрочем, искусственно привнесенный характер этого явления, видимо, следует считать основной причиной отчуждения и стремления освободиться от него, наблюдаемые среди москвитов: «Посмотрите, – говорит Монтескье, с каким усердием старается московское правительство освободиться от деспотизма, который тяготит его даже более чем его народы»²⁴¹.

Впрочем, ни факт исторической принадлежности России к европейской цивилизации, пришедший в столкновение с фактором внешних влияний, ни свойственное как народу, так и самим правителям неприятие

²⁴⁰ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Loix. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.467-468.

²⁴¹ Ibid. P.187.

сформировавшейся в результате этих влияний действительности, не являются гарантией возвращения страны к ее исконной первооснове. Допускаемая Монтескье возможность изменений в России релятивизируется существованием неких «особых причин», которые могут воспрепятствовать процессу эволюции. Автор не называет этих причин, но, очевидно, связывает их не столько с характером самого народа, сколько с географическими особенностями страны. Московия занимает настолько обширную территорию, что, в соответствии с теорией климатов, деспотизм представляется в отношении этой страны наиболее естественной и, более того, единственно возможной формой правления. Такой точки зрения придерживается, в том числе, Федор Васильевич Тарановский, который считает, что именно величина территории является той «особой причиной», которая, несмотря на усилия московских правителей, не позволит Московии освободиться от деспотизма²⁴². Немного забегаая вперед, заметим, что эта идея Монтескье о непосредственной связи между размерами государства и установленной в нем формой правления окажется близкой будущей императрице Екатерине II. Ее ответ одному из первых русских критиков автора «Духа законов», Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону, о котором подробнее пойдет речь в следующей главе, обнаруживает очевидное влияние Монтескье: «Столь обширная империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней была установлена какая-нибудь иная форма правления, помимо деспотизма»²⁴³.

²⁴² Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922.

²⁴³ Речь идет о книге «Российские письма» Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1756 г. При чтении книги будущая императрица Екатерина II оставила множество помет на полях и на переднем и заднем форзацах. В настоящее время экземпляр книги с собственноручными пометами Екатерины, сделанными карандашом по-французски, хранится в Российской национальной библиотеке. «Un empire aussi vaste que la Russie aurait péri s'il y était établie une forme du gouvernement autre que despotique». Цит. по оригиналу: Strube de Piermont F. H. Lettres russiennes. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences], 1760.

Глава II: Рецепция творчества Монтескье в России в XVIII веке

В связи с вопросом о деспотизме в России, рассматривавшемся в предыдущей главе, мы упомянули о русских критиках Монтескье. Действительно, восприятие творчества писателя в России было крайне неоднозначным на протяжении второй половины XVIII столетия. Именно к этому периоду следует отнести знакомство русского читателя с сочинениями Монтескье. Попытка проанализировать различные пути рецепции творчества Монтескье в России во второй половине XVIII века и составляет предмет данной главы. В первую очередь, мы обратимся к русским переводам Монтескье как к одному из наиболее наглядных свидетельств противоречивой рецепции писателя. Действительно, не все сочинения Монтескье получили одинаково беспрепятственное распространение в России. Заметим, что некоторые русские переводы Монтескье ранее уже становились объектом специальных исследований. В первую очередь, имеются в виду работы Надежды Юрьевны Плавинской, уделившей особое внимание переводам трактата «О духе законов»²⁴⁴. На основании уже имеющихся данных, дополненных собственными наблюдениями, мы остановимся более подробно на анализе малоизученных или вовсе неизученных переводов Монтескье. Таким образом, мы попытаемся проследить судьбу отдельных произведений писателя в русском историко-литературном контексте изучаемой эпохи.

Более детальному изучению будут подвергнуты оригинальные сочинения второй половины XVIII века, которые мы условно обозначим общим термином «литература о России». Эти сочинения интересуют нас, прежде всего, потому, что в них обнаруживается очевидное присутствие Монтескье. Заметим, что под термином «литература о России» мы

²⁴⁴ Плавинская Н.Ю. Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. Москва, 1993. С.150-163; Plavinskaia N.Y. Les traductions russes de Montesquieu au XVIIIe siècle // L'Europe de Montesquieu: actes du Colloque de Gênes (26-29 mai 1993). Napoli: Liguori Editore, Paris: Universitas, Oxford: Voltaire Foundation, 1995. P.431-440; Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquiuma 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.185-189. См. также: Примаковский А.П. О русских переводах произведений Монтескье // Вопросы философии, 1955, №3. С.138-139.

объединяем произведения как русских авторов, таких как, например, князь Михаил Михайлович Щербатов, так и иностранных авторов, хорошо знакомых с Россией и много писавших о ней. К этой категории относятся совершенно разные авторы, как непосредственно по своему общественному положению, так и – в более широком смысле – по тому месту, которое они занимают в истории литературы. Так, например, мы обратимся одновременно к творчеству императрицы Екатерины II и сочинениям немецкого профессора Петербургской Академии наук, Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона, а также к сочинениям совсем неизвестного широкому читателю автора, французского гувернера шевалье Дезессара. Кроме того, использование столь расплывчатого термина обусловлено жанровым разнообразием интересующих нас сочинений. Среди них имеются и эпистолярный роман («Московский путешественник» Дезессара), и политический памфлет («О повреждении нравов в России» князя Щербатова), а также некоторые образцы сочинений, имеющих иную, более сложную, синтетическую природу («Русские письма» Штрубе де Пирмона).

В данной главе мы остановимся, в том числе, на проблеме художественного влияния Монтескье. Речь, прежде всего, идет о русских «подражаниях» «Персидским письмам» и о месте этих сочинений в истории эпистолярного романа вообще и в России в частности. Однако наибольший интерес для нас представляет восприятие младшими современниками Монтескье его высказываний о России. В предыдущей главе мы подробно рассмотрели отдельные этапы формирования и эволюции различных представлений писателя о стране. Мы могли убедиться, что автор «Духа законов» не преследовал сознательной цели создания негативного образа России. По мысли Монтескье, Россия являет собой свидетельство неминуемости упадка, сопровождающего всякое деспотическое правление. Прибегая к многочисленным примерам из истории страны, Монтескье, прежде всего, намерен использовать их в качестве аргументов против деспотизма и рабства.

Как же сложилась судьба представлений Монтескье о России во второй половине XVIII века? Вопреки кажущейся незначительности русской темы в творчестве писателя, его роль в формировании «литературы о России» весьма существенна. В то время как отдельные идеи автора «Духа законов» были подхвачены в России с большим энтузиазмом, другие, напротив, были встречены неодобрительно. Заметим, что именно высказывания писателя о деспотизме и рабстве как характерных чертах русской действительности больше других обращают на себя внимание авторов. Некоторые из них, в частности Штрубе де Пирмон, усматривают в критических отзывах Монтескье о России свидетельство недоброжелательного его к ней отношения, что, в свою очередь, служит поводом к появлению ряда резких откликов.

Сопоставительное изучение текстов Екатерины II, Штрубе де Пирмона и князя Щербатова позволяет обнаружить в них многочисленные переклички, взаимные отсылки, даже элементы полемики. В этом отношении можно говорить о целой системе резонирующих, взаимозависимых текстов. Анализ содержащихся в них откликов, зачастую противоречивых, на высказывания Монтескье о России позволяет проследить, как в самой России второй половины XVIII века воспринималась просветительская критика российских порядков.

II.1. О русских переводах Монтескье в XVIII веке

Знакомство русского читателя с творчеством писателя происходит довольно поздно. Издание первых переводов Монтескье на русский язык осуществляется благодаря возникновению в 1768 году Собрания, старающегося о переводе иностранных книг. Так, в 1769 году из печати выходят «Лисимах», «Разговор Силлы с Евкратом» и «Опыт о вкусе» в переводе академического переводчика Семена Сергеевича Башилова, а также «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка», переведенные другим переводчиком Академии наук, правоведом Алексеем

Яковлевичем Поленовым (1738-1816). Впрочем, как отмечает Надежда Юрьевна Плавинская²⁴⁵, замысел перевода «Размышлений», предпринятого переводчиком по собственной инициативе, видимо, следует относить еще к 1767 году, когда, после почти пятилетнего отсутствия, Поленов возвращается из-за границы в Петербург²⁴⁶. Исследовательница отмечает, что в рукописи перевода были обнаружены фрагменты, компрометирующие православную церковь и потребовавшие вмешательства Поленова в авторский текст. В частности, в перевод были включены несколько замечаний переводчика и предисловие, призванное предупредить читателя о засвидетельствованных в тексте ложных понятиях автора о Греко-Российской вере²⁴⁷. В целом, помимо упомянутых замечаний и предисловия, инициатива которого, впрочем, не принадлежала самому переводчику, цензорская правка не коснулась русского текста «Размышлений».

Судьба двух основных сочинений Монтескье, романа «Персидские письма» и трактата «О духе законов», сложилась иначе. Трактат «О духе законов» за весь XVIII век издавался в русском переводе единожды. Впрочем, и это единственное издание, вышедшее из печати в 1775 году, включает лишь двенадцать из тридцати одной книги трактата. Таким образом, многие важные высказывания Монтескье о России в перевод 1775 года, выполненный Василием Ивановичем Крамаренковым (1732 - после 1799), не вошли. Однако и в имеющихся двенадцати книгах те элементы, из которых складывался собственно образ России, также не сохранились. Отдельные, наиболее критические высказывания были полностью изъяты переводчиком, другие – существенно искажены. Так, в русской версии трактата отсутствует упоминание о некоем народе, который «долгое время

²⁴⁵ Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.185-189.

²⁴⁶ В сентябре 1762 году Поленов был отправлен Академией наук в Страсбургский университет. За границей, где он пробыл до июня 1767 года, Поленов занимался преимущественно историей и юридическими науками, чем, вероятно, и вызван интерес к сочинению Монтескье.

²⁴⁷ Подробнее об этом см.: Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.185-189.

принимал свободу за обычай носить длинную бороду»²⁴⁸ и под которым Монтескье имел в виду московитов, о чем во французском оригинале свидетельствовала соответствующая сноска, также опущенная в переводе. Кроме того, переводчик счел неприемлемым язвительное высказывание о жестокости петровских законов, заимствованное Монтескье из книги Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе»: «Царь Петр I ... издал новый указ, по которому подавать ему жалобы разрешается лишь после того, как уже будут поданы две жалобы его чиновникам. Тогда в случае отказа в правосудии можно подать ему третью; но тот, чья жалоба окажется несправедливой, подвергается смертной казни. С тех пор никто не подавал царю жалоб»²⁴⁹. Поскольку одно это высказывание составляет все содержание главы «О том, что монарх должен быть доступным», главу пришлось выпустить полностью.

Надежда Юрьевна Плавинская²⁵⁰ указывает также на некоторые существенные корректировки, внесенные переводчиком в те фрагменты, которые были сохранены, несмотря на содержащиеся в них критические замечания в адрес России. Они коснулись, в частности, того фрагмента, где Монтескье высказывал предположение о существовании «особых причин», которые, несмотря на положительную роль всех осуществленных российским правительством преобразований, могут ввергнуть его в то «бедствие, которого оно старалось избежать». Крамаренков подменяет фундаментальную, как мы могли убедиться, идею Монтескье о влиянии размеров страны на характер власти простым предостережением: «Но

²⁴⁸ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.291-292.

²⁴⁹ Ibid. P.351. Cf.: « Depuis que j'ai quitté ce Pais-là, on a publié un Edit, par lequel il est ordonné que quelques griefs qu'on ait, personne ne presumera d'aller directement au Czar, ni de lui donner Requête, mais qu'on aura à s'adresser d'abord par une requête au Boyar, ou Officier de la Precause, ou Cour, à qui la connoissance de tels griefs appartient: que toute personne aura la liberté de donner deux Requêtes l'une après l'autre, et que si elle ne reçoit point de satisfaction, elle pourra, si elle le juge à propos, presenter alors une Requête au Czar même; mais avec cette menace, qu'après l'examen du Czar, celui des deux qui se trouvera avoir tort, soit le Boyar, soit l'exposant, sera puni à mort. Cet Edit a jetté une si grande terreur dans les esprits, que depuis qu'il a été publié, je n'ai point ouï dire que personne, quelque injustice qu'on lui ait faite, ait osé s'adresser au Czar ». Perry J. État présent de la Grande Russie. Paris: J. Boudot, 1717. P.173.

²⁵⁰ Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.185-189.

беречься ему должно, чтобы опять не подвергнуться в то несчастье, которого оно избегает»²⁵¹. Кроме того, незаметная подмена была произведена переводчиком во фрагменте, касающемся введенного Петром в 1722 году указа о престолонаследии. Напомним, что по этому указу монарх получал право произвольно выбирать себе наследника, что, по мысли Монтескье, неизбежно должно вызывать многочисленные смуты («mille révolutions»). Слово «смуты» из русского перевода исчезло, на его месте оказалось менее обязывающее «перемены», которому, как верно отметила исследовательница, во французском языке более соответствует слово «changements».

Однако наиболее любопытный пример вмешательства переводчика в авторский текст представляют собой два фрагмента, призванных служить иллюстрацией к размышлениям Монтескье о жесткости и несправедливости установленных в некоторых странах, в том числе в России, законов, предписывающих слишком суровое, зачастую несоразмерное проступку наказание. Речь идет, в первую очередь, об отрывке из главы с характерным названием «О точном соответствии между наказанием и преступлением»: «В Московском государстве, где воров и убийц наказывают одинаково, грабеж всегда сопровождается убийством. Мертвые, говорят там, ничего не расскажут»²⁵². Текст как будто сохранен в русском переводе, однако переводчик предпочел скрыть указание на Россию: «Где равная казнь грабителям и смертоубийцам положена, там ежедневно производятся смертоубийства; мертвые, говорят в таких землях, ни о чем не доносят»²⁵³.

Второй фрагмент повествует о жестоком наказании, понесенном князьями Долгорукими по обвинению в оскорблении величества²⁵⁴. В статье

²⁵¹ Монтескье Ш.-Л. О разуме законов сочинение господина Монтескюя. Переведено с французского Василием Крамаренковым. Т.1. СПб: при Императорской Академии Наук, 1775. С.122.

²⁵² Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.219.

²⁵³ Монтескье Ш.-Л. О разуме законов сочинение господина Монтескюя. Переведено с французского Василием Крамаренковым. Т.1. СПб: при Императорской Академии Наук, 1775. С.188.

²⁵⁴ «По манифесту покойной царицы, изданному против семьи Долгоруких, один из этих князей был приговорен к смерти за произнесение неприличных слов против ее особы, а другой - за злонамеренное истолкование ее мудрых государственных мер и оскорбление ее священной особы непочтительными отзывами». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.339.

Надежды Юрьевны Плавинской говорится о том, что в русском переводе трактата соответствующий абзац был полностью изъят. В действительности, судьба этого отрывка аналогична судьбе предыдущего. Смысл высказывания в целом был сохранен, но переводчик сознательно лишил его конкретной географической привязанности, исключив имена собственные из русского текста. Таким образом, критическое замечание Монтескье обретало максимально отвлеченный характер: «В иных государствах приговаривают к смерти за то, что произносят неприличные слова касающиеся до особы Государей, так же и за то, что злословят благоразумныя установления, и оскорбляют освященную особу непочтительными словами»²⁵⁵.

Последующие переводы трактата «О духе законов», в первую очередь перевод Дмитрия Ивановича Языкова (1773-1845)²⁵⁶, также изобилуют купюрами. На этом фоне заметно выделяется незаконченный перевод Александра Павлова, квартирмейстера Измайловского полка, к сожалению, оставшийся неизданным²⁵⁷. Перевод Павлова отличается точностью и полнотой. Впрочем, на сегодняшний день известно о существовании лишь первого тома, в который входят первые одиннадцать книг трактата. Содержащиеся в них критические замечания о России сохранены и, в сущности, представляют собой дословный перевод слов Монтескье. Так, Павлов не пытается смягчить опасения автора о возможном провале реформаторской деятельности российского правительства: «Приметьте, прошу вас, сколь благоразумно правление Московское старается как бы свободиться деспотической власти, которая для него тягостнее нежели для самого народа. <...> Но есть такие особливые причины, которые может быть

²⁵⁵ Монтескье Ш.-Л. О разуме законов сочинение господина Монтескюя. Переведено с французского Василием Крамаренковым. Т.1. СПб: при Императорской Академии Наук, 1775. С.396.

²⁵⁶ Монтескье Ш.-Л. О существе законов, творение г. Монтескье. Перевел с Французского Дмитрий Языков, Член С.Петербургских обществ: Филантропического и любителей наук, Словесности и Художеств. Ч.1-4. М.: В. Сопиков, 1809-1814. Об этом издании см.: Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.185-189.

²⁵⁷ О прямом разуме законов, пер. Александра Павлова, лейб-гвардии Измайловского полка квартирмейстера (sic). Т.1. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, №42.

доведут его до того нещастия котораго стараются убежать»²⁵⁸. Высказывание о несоразмерности преступления и наказания также не подверглось никакой корректировке: «В Москве, где наказание воров и смертоубийц суть одинакия, всегда умерщвляют. Мертвые говорят они, ничево не скажут»²⁵⁹.

Русские переводы «Персидских писем» не становились предметом специальных исследований. Между тем, они существенно дополняют наши представления об особенностях восприятия творчества Монтескье в России во второй половине XVIII века. Необходимо отметить, что роман становился объектом внимания русских переводчиков чаще, чем трактат «О духе законов». Впрочем, впервые полный перевод романа появился в России лишь в 1789 году, почти через семьдесят лет после выхода его на родине²⁶⁰. Впрочем, в годы, предшествовавшие появлению первой полной русской версии романа, «Персидские письма» печатались фрагментами в различных небольших изданиях. На сегодняшний день известно, по меньшей мере, три петербургских издания²⁶¹, в которых в период с 1779 по 1789 годы печатались отрывки из «Персидских писем». Любопытно, что во всех трех случаях речь идет об одном и том же отрывке, а именно о знаменитой притче о троглодитах (письма XI-XIV). История троглодитов, повествующая об идеальном государственном устройстве, основанном на добродетели, вписывается в контекст проблемы о различных принципах правления, нашедшей наиболее полное выражение в трактате «О духе законов». Напомним, что Монтескье соотносит добродетель с республиканским типом

²⁵⁸ О прямом разуме законов, пер. Александра Павлова, лейб-гвардии Измайловского полка квартирмейстера (sic). Т.1. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, №42. Л.59.

²⁵⁹ Там же. Л.92.

²⁶⁰ Обзор переводов «Персидских писем» дан в: Дмитриев В. Г. «Персидские письма» в России // По стране литературы. М.: Московский рабочий, 1987.

²⁶¹ Повесть о народе несчастном от злодеяния и счастливом от добродетели // Детское чтение или Отборныя небольшия повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. Переведены с французскаго языка Лейбгвардии Преображенскаго полку подпрапорщиком Капитоном Бачарниковым. СПб: Типография Артиллерийскаго и инженерного кадетскаго корпуса, 1779. С.46-57; Перевод из творений господина Монтескю Персиянских писем // Утра, еженедельное издание, или Собрание разнаго рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге российских книгах. СПб.: [П.А. Плавильщиков], 1782, май, листы II-III. С.13-19; Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетелей соделать может народ счастливим // Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей. СПб, 1786. С.88-114.

правления, тогда как принципами монархического и деспотического типов правления являются соответственно честь и страх. Однако в интересующих нас переводах политический смысл истории утрачен, история троглодитов преподносится как нравоучительный рассказ, призывающий чтить добродетель. В этом отношении неслучайно обращение к детской аудитории, о чем свидетельствует само название сборника, в котором размещен самый ранний из известных нам переводов. «Повесть о народе несчастном от злодеяния и счастливом от добродетели» в переводе Капитона Бачарникова, подпрапорщика лейб-гвардии Преображенского полка, была опубликована в 1779 году в сборнике под названием «Детское чтение или Отборныя небольшія повести, удобныя увеселить детей и наставить их любить добродетель». Адресуя свой перевод маленькому читателю, переводчик сознательно отступился от сложной эпистолярной формы, объединив содержание нескольких писем в одну «повесть». Интерес к нравоучительной истории троглодитов проявил также и известный актер и писатель Петр Алексеевич Плавильщиков (1760-1812), издававший журнал «Утра, еженедельное издание, или Собрание разнаго рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге российских книгах». Впрочем, издание, просуществовавшее лишь с мая по сентябрь 1782 года, насчитывает всего несколько выпусков. В майском выпуске журнала Плавильщиков поместил «Перевод из творений господина Монтескю Персиянских писем», представляющий собой перевод лишь одного из четырех писем о троглодитах, что существенно обедняло содержание истории. Наиболее полным и точным является перевод Ивана Чашникова «Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетелей соделать может народ счастливым», помещенный в изданный им самим в 1786 году сборник «Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей». Впрочем, из слов самого автора следует, что

перевод был выполнен им в целях упражнения в «свободные от должности» часы²⁶².

Наконец, в 1789 году впервые выходит полный перевод романа, выполненный воспитанником Московского университета Федором Тимофеевичем Поспеловым (1759 - после 1824)²⁶³. Нужно отметить, что в целом перевод отличается соответствием французскому оригиналу. Тем не менее, переводчик все же счел уместным подкорректировать некоторые, показавшиеся ему наиболее оскорбительными для россиян, а также и для самих российских правителей высказывания. Неудивительно, таким образом, что из рассматривавшегося нами ранее письма LI, содержащего описание Московии и москвитов, была выпущена часть фразы, заимствованной Монтескье у Фуа де ла Невилля и гласившей о том, что за исключением четырех иностранных семей все подданные царя являются рабами. Впрочем, оценка методов, использовавшихся Петром I для преобразования страны, также показалась переводчику слишком суровой. Монтескье писал о Петре: «Беспокойный и стремительный, этот монарх разъезжает по своим обширным владениям, всюду оставляя следы своей природной суровости»²⁶⁴. Поспелов же сформулировал свою фразу так, что критика жестокости Петра обратилась в похвалу его преобразовательной политике. Так, в переводе Поленова Петр I «объезжает обширные свои владения, оставляя повсюду признаки безпримерных попечений о переобразовании народа своего»²⁶⁵.

Иное решение для этого фрагмента нашел Ефим Васильевич Рознотовский (1737-1792), автор второго полного перевода «Персидских писем». Его версия романа вышла тремя годами позже, в 1792 году,

²⁶² «Служа под покровительством, Вашего Превосходительства, свободныя от должности моей часы употребил я на сей мой маловажный труд, и за долг счел посвятить оный имяни вашему ведая довольно оказываемое вами ободрение к упражняющимся в учености». Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетелей соделать может народ счастливым // Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей. СПб, 1786. С.88-114.

²⁶³ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма из сочинений Г. Монтескиио. Переведены с французского языка [Ф.Поспеловым]. СПб, 1789.

²⁶⁴ Œuvres complètes de Montesquieu, t. I : Lettres persanes, éd. dirigée par Jean Ehrard et Catherine Volpilhac-Augier. Oxford: Voltaire Fondation, 2004. P.268.

²⁶⁵ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма из сочинений Г. Монтескиио. Переведены с французского языка [Ф.Поспеловым]. СПб, 1789. С.146.

усилиями известного издателя Иоганна Карла Шнора. «Беспокойный и стремительный» Петр превратился у Рознотовского в «неусыпно пекущегося и всегда труждающегося», а «природная суровость» царя оказалась не чем иным, как «знаками свойственного ему правосудия»²⁶⁶. В целом же текст письма LI пострадал незначительно. Помимо корректировок, коснувшихся фигуры Петра I, вмешательство переводчика обнаруживается все в том же фрагменте о рабах. В переводе Рознотовского упоминание о рабах осталось, но исчезло замечание о четырех иностранных семьях.

Однако наибольший интерес в издании 1792 года представляют сноски, и именно на них мы хотели бы остановиться подробнее. Дело в том, что, в отличие от предыдущего издания 1789 года, перевод Рознотовского обильно снабжен примечаниями, сопровождающимися ссылками на справочные материалы, как русские, так и французские. Так, при работе над примечаниями были использованы Словарь Академии Российской²⁶⁷, Церковный словарь²⁶⁸, а также «Риторика» Ломоносова²⁶⁹. Среди французских изданий наиболее часто упоминаются словарь Ришле²⁷⁰ и знаменитая «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера. Сам факт привлечения такого разнообразного материала уже достаточно свидетельствуют об учености автора примечаний, которые носят не только культурологический, но и сугубо лингвистический характер, служа для разъяснения иностранных слов, в том числе специальных терминов из разных областей знания,

²⁶⁶ Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г. Монтескье. С французскаго языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: иждивением И.К. Шнора, 1792.

²⁶⁷ Словарь Академии Российской. СПб: при Имп. Акад. Наук, 1789-1794. Словарь выходил частями: первая часть (от А до Г) вышла в 1789г., вторая (от Г до З) – в 1790г., третья (от З до М) – в 1792г., четвертая (от М до Р) – в 1793г., пятая (от Р до Т) и шестая (от Т до конца) части вышли в 1794г.

²⁶⁸ Вероятно, имеется в виду труд Петра Алексеевича Алексеева: Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах, сочиненный Московскаго Архангельскаго собора протоиереем, и Московской духовной консистории членом Петром Алексеевым, разсматриванный Вольным Российским собранием при Императорском Московском университете, и изданный по одобрению Святейшаго правительствующаго синода Конторы. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1773].

²⁶⁹ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию: книга первая, в которой содержится риторика показующая общия правила обоего красноречия, то есть оратории и поезии, сочиненная в пользу любящих словесныя науки трудами Михайла Ломоносова Императорской Академии наук и Историческаго собрания члена, химии профессора. СПб: при Имп. Акад. Наук, 1748.

²⁷⁰ Richelet P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise. Genève: J.-H. Widerhold, 1680.

которым не нашлось подходящего эквивалента в русском языке. Так, например, слово «парадокс» сопровождается следующим комментарием: «Парадокс есть слово греческое, и означает: мнение противное общему мнению, часто однакож содержащее в себе истину. Ришелет и Энциклопедия»²⁷¹. Необходимость в подобного рода пояснениях лишний раз свидетельствует о том, что к концу XVIII века в русском языке терминологический аппарат еще не сложился, и проблема языкового несоответствия не утратила своей актуальности²⁷².

Автором примечаний мог быть сам переводчик. Между тем, некоторыми исследователями высказывается небезосновательное предположение, согласно которому автором примечаний к русскому переводу «Персидских писем» издания 1792 года является не кто иной, как Федор Васильевич Каржавин (1745-1812)²⁷³. В пользу его авторства выступают некоторые факты творческой биографии писателя. Известно, что Каржавин продолжительное время жил в Париже и уже в годы учебы проявлял исключительный интерес к идеям французских просветителей. Светлана Романовна Долгова уделяет особое внимание окружению писателя, имевшего тесные дружеские и творческие связи, в частности, с Николаем Ивановичем Новиковым, братьями Ефимом и Андреем Васильевичами Рознотовскими, а также и с Иоганном Карлом Шнором, ставшим основным издателем Каржавина после ареста Новикова в 1792 году²⁷⁴. Вместе с тем, Каржавин, бывший не только писателем, но и профессиональным переводчиком и преподавателем, является автором ряда лингвистических

²⁷¹ См.: Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г. Монтескье. С французскаго языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: изданием И. К. Шнора, 1792.

²⁷² Заметную роль в процессе формирования научной терминологии исследователи отводят А. Д. Кантемиру. Как и у комментатора «Персидских писем», многочисленные лингвистические наблюдения Кантемира содержатся в примечаниях к переводам. О роли примечаний Кантемира см., напр.: Курилов А.С. Теоретико-литературные примечания А. Д. Кантемира // Литературоведение в России XVIII века. М.: Наука, 1981. С.87-109.

²⁷³ Этого мнения придерживаются сразу несколько исследователей творчества Каржавина. См.: Светлов Л.Б. Русские переводы произведений французских просветителей // Французский ежегодник. 1962. Статьи и материалы по истории Франции. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С.421-441; Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л.: Наука, 1984; Рабинович В.И. Вслед Радищеву....: Ф.В. Каржавин и его окружение. М.: Мысль, 1986.

²⁷⁴ Подробнее об этом см.: Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л.: Наука, 1984.

работ, в том числе пособий по изучению французского языка в России. Работая над их созданием, автор, по его собственному признанию, опирается на данные различных толковых и языковых словарей, в том числе и упоминавшегося выше французского словаря Пьера Ришле²⁷⁵. Отсутствие же иностранных словарей в России представлялось Каржавину существенным пробелом в деле просвещения: «Очень нужно, чтобы все французские книги для употребления школьного в России, а особливо (диксионеры) словари, напечатаны были»²⁷⁶.

Наибольший интерес для нас представляют примечания к письму LI «Персидских писем». Их ценность состоит, в частности, в том, что они содержат существенные дополнения к сообщенным Монтескье сведениям о Московии. Многие из них, как отчетливо дает понять автор примечаний, заметно устарели. Так, например, комментатор объясняет, что слово «раб», использованное Монтескье в отношении подданных царя, давно изъято из употребления: «Всему уже свету известно, что самая сии нарицание *раб*, и речение *бью-челом*, кои употреблялись из-стари, по высочайшему соизволению Екатерины II, возведшия Россиян на верх славы, отменены. Зри словарь Акад. Росс. и самые именные Ея Величества указы Февраля 11 и 15 1786 года»²⁷⁷.

Любопытно, что нелестный портрет московских женщин, которые «любят, чтобы их били», был полностью сохранен при переводе и не сопровождался никаким дополнительным комментарием, помимо ремарки самого Монтескье. Напомним, что ремарка была добавлена к изданию 1754 года и гласила, что «эти нравы теперь переменились». В дальнейшем эти слова Монтескье будут в известном смысле использованы против него самого. Комментатор воспользуется ими как основным аргументом против несостоятельности некоторых критических суждений писателя о России и

²⁷⁵ См. предисловие к: Каржавин Ф.В. Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских: *Le guide français*, par Theodore Karjavine. Во граде Св. Петра: печ. у И.К. Шнора, 1794.

²⁷⁶ Цит. по: Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л.: Наука, 1984. С.94.

²⁷⁷ Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г. Монтескье. С французскаго языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: иждивением И.К. Шнора, 1792. С.158.

россиянах. Так, в примечании к высказыванию о невежестве московского духовенства комментатор необоснованно напоминает: «Выше сам автор сказал уже весьма справедливо, что обычаи сии переменились; так что в нынешнем блаженном россиян состоянии, все оное до сего сказанное не иначе, всемерно, всякому просвещенному и благонравному человеку показалось бы как басненным токмо сплетением, иль паче недостойною лжею»²⁷⁸. Комментатор вновь возвращается к этой формулировке в примечании к фрагменту о покорении Московии татарами, содержащемуся в письме LXXXI. Он не отрицает факта покорения, о котором он говорит словами Державина из недавно опубликованного им стихотворения, но настаивает на том, что обстоятельства с тех пор кардинальным образом изменились. «Прилично кажется, – говорится в примечании, повторить здесь истинну сию, что обстоятельства переменилися. Была, подлинно, *страшная та година, как три целые века держал Росса сон... как чуть зрелся блеск его короны*. (Лирич. песнь Россу Г. Державина)²⁷⁹. Но в последствии гордые оные победители, Татары, усмирены. В каковом же, наконец, бытии поставлены они днесь победоносною десницею Екатерины II целому уже свету сие известно»²⁸⁰.

Как мы могли убедиться, правке подвергались в основном эпизоды, способные набросить тень на Россию как государство, идущее по пути Просвещения. Нейтрализуя, таким образом, наиболее спорные фрагменты исходного текста, переводчик в известном смысле подчинялся требованиям эпохи. Точно так же, но исходя не из цензурных, а из эстетических соображений, в XVII столетии переводчики прибегали к стратегии адаптации исходного текста, получившей название «прекрасной неверной» («*belle infidèle*»). В соответствии с этой стратегией из текста изымались стилистически невыдержанные фрагменты, низкие выражения и

²⁷⁸ Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г. Монтескье. С французскаго языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: иждивением И.К. Шнора, 1792. С.161.

²⁷⁹ «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила» Гавриила Романовича Державина вышла отдельным изданием в 1791 году в Москве, в университетской типографии.

²⁸⁰ Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г. Монтескье. С французскаго языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: иждивением И.К. Шнора, 1792. С.264-265.

оскорбительные для читателя места. Тем самым переводчик усовершенствовал текст первоисточника, приспособлявая его к вкусам читающей публики. В своей статье, посвященной этой своеобразной стратегии «переложения» текста, характерной для XVII века, Андрей Васильевич Голубков обращает внимание на то, что следы этой традиции можно обнаружить и в XVIII веке и, в том числе, у Монтескье²⁸¹. Выдавая себя за переводчика «Персидских писем», Монтескье писал в предисловии к роману: «... все мои старания были направлены на то, чтобы приспособить это произведение к нашим нравам. <...> Если бы большинство тех, кто опубликовал собрания своих писем, поступило так же, то люди эти увидели бы, что от их произведения не осталось ничего»²⁸².

Завершая разговор о русских переводах Монтескье, мы хотели бы еще раз обратить внимание на длительный и противоречивый процесс проникновения сочинений Монтескье на русскую почву. Выше мы уже говорили о существующих в литературе указаниях на якобы утраченный перевод «Персидских писем», выполненный Антиохом Кантемиром. Точно также на сегодняшний день не обнаружено следов перевода Алексея Мятлева, во второй половине XVIII века работавшего над переложением трактата «О духе законов» на русский язык. Единственное упоминание о нем находим в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Николая Новикова. В статье о Мятлеве Новиков пишет, в частности, о том, что его перевод весьма удался, что «делает честь его имени»²⁸³. Более удачно сложилась судьба упоминавшегося выше перевода Александра Павлова, а также переводов Михаила Михайловича Щербатова. Русская версия «Рассуждений о причинах величества римлян и падения их», выполненная князем Щербатовым и являющаяся самой ранней из известных на

²⁸¹ Голубков А.В. "Прекрасная неверная": французский классический стиль и античная классика в XVII - XVIII вв. // Новое Литературное Обозрение, 2008, № 94.

²⁸² Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.7-8.

²⁸³ «Слог его чист и приятен; также перевел с французского на российский язык Монтескья «О разуме законов» 4 части с таким успехом, что перевод сей делает честь его имени». Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиями и словесных преданий собрал Николай Новиков // Избранные произведения. М., Л., 1951. С.328.

сегодняшний день²⁸⁴, хранится в собрании отдела рукописей Российской национальной библиотеки вместе с «Разными сочинениями и переводами», принадлежащими тому же автору²⁸⁵. Этот сборник, в котором объединены работы 1759-1760 годов, включает, в том числе, перевод небольшого отрывка из «Духа законов», а именно тринадцатую главу из книги XXV, название которой в переводе звучит как «Нижайшее представление инквизиторам Гишпани и Португалии».

II.2. Русская тема в эпистолярном романе второй половины XVIII века

Об успехе романа «Персидские письма» лучше всех отзывался сам Монтескье в своем сборнике «Мыслей»: «Мои «Персидские письма» научили писать романы в письмах»²⁸⁶. Подтверждением популярности жанра эпистолярного романа во Франции после выхода «Персидских писем» служат многочисленные сочинения, созданные в подражание роману²⁸⁷: «Еврейские письма» (1736-1737) и «Китайские письма» (1739-1740) маркиза д'Аржанса²⁸⁸, «Турецкие письма» (1731) Жермена Франсуа Пуллена де Сен-Фуа²⁸⁹, а также менее известные «Сиамские письма» Жозефа Ландона (1751)²⁹⁰, «Ирокезские письма» Жана Анри Мобера де Гуве²⁹¹ и другие. Между тем, подражания «Персидским письмам» можно обнаружить и за пределами Франции. Назовем, например, «Письма перса из Англии к друзьям

²⁸⁴ Рассуждения о причинах величества римлян и падения их, пер. М.М. Щербатова. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, № 304. Перевод датируется 1750-1760 годами.

²⁸⁵ Щербатов М.М. Разные сочинения и переводы. Сборник 1759-1760г.г. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, №228.

²⁸⁶ P. 1621. Montesquieu Ch.-L. *Pensées. Le Spicilège*, éd. établie par Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991. P.513.

²⁸⁷ Coulet H. *Le roman jusqu'à la Révolution. T.1: Histoire du roman en France*. Paris: Librairie Armand Colin, 1967. P.393. О подражаниях «Персидским письмам» см. также: Green F.C. *Montesquieu the Novelist and Some Imitations of the «Lettres persanes»* // *Modern Language Review* XX (1925, № 1). P.32-42.

²⁸⁸ Argens J.-B. de Boyer, marquis d'. *Lettres juives, ou Correspondance philosophique, historique et critique, entre un juif voyageur à Paris et ses correspondans en divers endroits*. T.1-6. La Haye: P. Gautier, 1736-1737; Argens J.-B. de Boyer, marquis d'. *Lettres chinoises, ou Correspondance philosophique, historique et critique, entre un Chinois voyageur à Paris et ses correspondans à la Chine, en Moscovie, en Perse et au Japon*. T.1-5. La Haye: P. Paupie, 1739-1740.

²⁸⁹ Saint-Foix G.-F. Poullain de. *Lettres d'une Turque à Paris, écrites à sa soeur au serrail, pour servir de supplément aux «Lettres persanes»*. Cologne: P. Marteau, 1731. Впоследствии книга переиздавалась несколько раз под названием «Lettres turques».

²⁹⁰ Landon J. *Lettres siamoises, ou Le Siamois en Europe*. [Paris: François Delaguet], 1751.

²⁹¹ Maubert de Gouvest J.-H. *Lettres iroquoises. Iroopolis: chez les Vénérables*, 1752.

в Исфагани» (1735) Джорджа Литлтона²⁹², «Письма армянина из Ирландии к друзьям в Трапезунде» (1756), авторство которых окончательно не установлено²⁹³, или «Марокканские письма» (1789) Хосе Кададьсо²⁹⁴. Как видно из названий произведений, география эпистолярных романов в XVIII веке довольно обширна. Вместе с тем, авторы продолжают закрепленную Монтескье традицию псевдо-восточного романа в письмах, преимущественно отдавая предпочтение «экзотическому» герою, представителю неевропейской цивилизации.

В контексте проблемы, связанной с судьбой эпистолярного романа после «Персидских писем», известный интерес представляют «русские письма». Насколько нам известно, русская тема в эпистолярном романе до сих пор не становилась объектом специального внимания исследователей. Между тем, любопытные образцы «русских писем» встречаются не только в XVIII, но и в начале XIX века, когда жанр эпистолярного романа уже начинает утрачивать свою популярность в Европе²⁹⁵. К таким поздним подражаниям «Персидским письмам» относятся, в частности, совершенно забытые сегодня «Русские письма» (1809) Дюкро де Сельва²⁹⁶. К сожалению, на данный момент нам не удалось обнаружить никаких сведений об этом авторе. В свое время, газета «*Mercure de France*» посвятила роману небольшую критическую статью. Автор статьи напрямую связывал «Русские письма» с традицией «Персидских писем», которые, как «все сочинения, имевшие большой успех, имели множество подражателей»²⁹⁷. Впрочем, автор статьи не считал «Русские письма» удачным подражанием образцу, предъявляя де Сельву два существенных обвинения. По его словам, автор не

²⁹² Lyttelton G. Letters from a Persian in England to his friends at Ispahan. Dublin: printed by M. Rhames, 1735.

²⁹³ Letters from an Armenian to his friends at Trebisonde, etc. Translated in the Year 1756. London: Printed for W. Owen, at Temple-Bar, 1757 (2-е изд.). Авторство приписывается, в частности, Эдмунду Сексту Пери и Роберту Хеллену. См.: Crisafulli A.S. A Neglected English Imitation of Montesquieu's «Lettres persanes» // *Modern Language Quarterly*, 1953, № 14. P.209-216.

²⁹⁴ Cadalso J. Cartas marruecas, del Coronel D. Joseph Cadahalso. Madrid: en la imprenta de Sancha, 1793. Впервые «Марокканские письма» были опубликованы в периодическом издании «*Correo de Madrid*» в 1789 году, через семь лет после смерти писателя.

²⁹⁵ См., напр.: Rousset J. *Forme et signification*. Paris: Corti, 1962.

²⁹⁶ Selves D. de. *Lettres russes*. Paris: L. Collin, 1809.

²⁹⁷ *Lettres russes*, publiées par M. de *** de Selves // *Mercure de France*, Journal littéraire et politique. T. 39. Paris, décembre 1809. P.419-421.

использовал преимуществ эпистолярного жанра, позволяющего «представить критику в остроумной и оригинальной форме»²⁹⁸, отчего его сочинение превратилось в обычный любовный роман. Кроме того, стиль писем слишком однообразен и не позволяет судить ни о характере получателя, ни о характере отправителя, таким образом, кажется, будто все письма написаны одной рукой.

То, что именно «Персидские письма» послужили образцом для его романа, не отрицает и сам автор «Русских писем». Его сочинению традиционно предпослано предисловие, однако, в отличие от своих предшественников, де Сельв не выдает себя ни за переводчика, ни за издателя писем. Автор открыто сообщает о своем намерении создать роман по образцу «Персидских писем», каковых, тем не менее, уже немало известно в литературе: «... разве оттого, что редко случается обладать вкусом, тонкостью, остроумием и приятным стилем господина Монтескье, мало кто осмелился упражняться в жанре «Персидских писем»? То есть присоединить к обычному действию размышления о нравах, политике, истории, законодательстве и изящных искусствах»²⁹⁹. Более того, предисловие к «Русским письмам» содержит теоретическое обоснование права автора на подражание. По мнению де Сельва, авторские права не нарушены, если не были заимствованы какие-либо конкретные идеи, размышления, сюжеты. Так, – продолжает свою мысль автор «Русских писем», между двумя произведениями одного жанра нет ничего общего, кроме собственно требований жанра, в соответствии с которыми эти произведения написаны. Наконец, парируя возможные обвинения критиков в свой адрес, де Сельв заключает: «... к упрекам, которые можно было бы мне адресовать, вряд ли возможно присовокупить обвинение в плагиате»³⁰⁰.

Модель заглавия, использованная, в частности, Дюкро де Сельвом, оказывается весьма востребованной в XIX веке. «Русскими» или

²⁹⁸ Lettres russes, publiées par M. de *** de Selves // Mercure de France, Journal littéraire et politique. T. 39. Paris, décembre 1809. P.419-421.

²⁹⁹ Préface // Selves D. de. Lettres russes. Paris: L. Collin, 1809. P.I-II.

³⁰⁰ Ibid. P.IV.

«Московскими письмами» называют свои сочинения Луи Саломон Иманс³⁰¹, Альсид-Пьер Грангийо³⁰², Иван Гаврилович Головин³⁰³, барон Крюденер (Павел Алексеевич Криденер)³⁰⁴, Симон Селвофф³⁰⁵. Впрочем, в этих сочинениях форма писем, заявленная в названии, в основном не имеет связи с традицией эпистолярного романа. Под «письмами» чаще всего скрываются заметки или небольшие эссе по самым разнообразным политическим, общественным и социальным вопросам. Так, например, книга политического писателя и журналиста Альсида-Пьера Грангийо (1829-1891), вышедшая за два года до подписания Александром II Манифеста об отмене крепостного права, посвящена проблеме освобождения крестьян в России.

Не останавливаясь более подробно на этих сочинениях, обратимся непосредственно к XVIII веку. В сравнении с той исключительной популярностью, которой жанр эпистолярного романа пользуется во Франции, в России XVIII века он не имеет широкого распространения. Если переводные романы еще можно встретить в достаточном количестве, то оригинальные сочинения довольно редки³⁰⁶. Мы бы хотели обратить внимание на особый пласт «русской» литературы этого периода, а именно на сочинения, написанные авторами-иностранцами, жившими и писавшими в России. Сочинение, о котором пойдет речь, к сожалению, не было издано и поэтому осталось неизвестно широкой публике, как и имя его автора, французского гувернера шевалье Дезессара. Сегодня рукопись его сочинения, носящего название «Московский путешественник, или Русские письма: историко-политико-критическое сочинение, переведенное с русского

³⁰¹ Hymans L. S. *Lettres moscovites. Couronnement de l'empereur Alexandre II.* Bruxelles, 1857.

³⁰² Grandguillot A.-P. *Lettres russes. Alexandre II et l'émancipation.* Paris: E. Dentu, 1859.

³⁰³ Golovine I. *Lettres russes.* Leipzig, 1861.

³⁰⁴ Krüdener P. de. *Lettres russes.* Bruxelles, Leipzig, 1854-1855.

³⁰⁵ Selvoff S. *Lettres russes. Traduit du manuscrit.* Paris: E. Dentu, 1891.

³⁰⁶ См., напр.: Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функции переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С.222-230; Fraanje M. *The Epistolary Novel in Eighteenth-Century Russia.* Leiden: M. Fraanje, 2000.

шевалье Дезессаром»³⁰⁷, хранится в собрании французских рукописей Российской национальной библиотеки, куда она поступила в начале XX века.

В конце 1990-х годов рукопись привлекла внимание Владислава Станиславовича Ржеуцкого и Владимира Александровича Сомова, посвятивших ей отдельное исследование³⁰⁸. В частности, им удалось установить, что автор сочинения, Антуан Жозеф Мог шевалье Дезессар, прожил в России, главным образом в Москве, не менее тридцати восьми лет: его приезд в Россию относится к 1759 году, а в 1797 его имя еще фигурирует в московских документах. Его основной деятельностью в России, как и у большинства представителей французского землячества Москвы, было преподавание. В частности, Дезессару довелось, хоть и в течение непродолжительного времени, быть гувернером в доме графа Кирилла Григорьевича Разумовского. Как и другие иностранцы, автор «Московского путешественника», должно быть, пользовался покровительством русской аристократии, в том числе Ивана Ивановича Шувалова, которому Дезессар и посвящает свое сочинение. Об этом свидетельствует предпосланное «Московскому путешественнику» посвящение «Его Превосходительству, господину Ивану Ивановичу Шувалову, генерал-лейтенанту, генерал-адъютанту Ее Императорского Величества Императрицы всея Руси, кавалеру разных орденов, камергеру, куратору Московского университета и проч. и проч.».

Новизну своего сочинения по отношению к существующим многочисленным образцам эпистолярной прозы отмечает сам автор «Московского путешественника». Впрочем, ссылаясь на тексты Блеза Паскаля, маркиза д'Аржанса, а также и самого Монтескье, автор опасается, что перед такими авторитетами даже введение «нового» героя, русского

³⁰⁷ *Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M.M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilègue de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38.

³⁰⁸ Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (Из французских контактов И.И. Шувалова) // *Философский век. Альманах*, вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С.220-240.

путешественника, не сможет обеспечить должного успеха его сочинению. Говоря о том, что предоставляет на суд публики очередные письма, Дезессар замечает: «Таковых сколько угодно можно найти в книжных лавках. Правда, нас оправдывает их новизна, ибо русских писем до сих пор еще никто не сочинял³⁰⁹. Но не должно ли нам опасаться, что эта самая новизна может оказаться губительной? Не должно ли нам опасаться участи всех этих нетронутых томов, погребенных под толстым слоем пыли? Тот, кому доводилось читать Еврейские, Персидские, письма к провинциалу, Китайские письма, не придаст большого значения нашим»³¹⁰.

Между тем, «новый» герой Дезессара помещен в известную повествовательную модель: путешествуя по Франции и Голландии, Яким сообщает о своих впечатлениях своему соотечественнику Федору, оставшемуся в Москве. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с хорошо знакомой по «Персидским письмам» ситуацией остранения, когда от лица воображаемого путешественника-иностранца европеец пишет о родной ему Европе. Дезессар прибегает к широко распространенному приему, использовавшемуся, в том числе и Монтескье, объявляя себя лишь переводчиком писем, о чем свидетельствует само название сочинения. Очевидно, что, выдавая себя за переводчика и, тем самым, следуя традиции эпистолярного романа XVIII века, Дезессар исходил из принципа достоверности. Исследователями жанра эпистолярного романа неоднократно справедливо отмечалось, что письмо как образец подлинного документа обладает, в сравнении с другими формами повествования, преимуществом сиюминутности и правдивости³¹¹. В «Московском путешественнике» эти качества выразительно проявляются в оригинальном способе датирования

³⁰⁹ В 1736 (1735) году вышла книга «Московские письма» итальянца Франческо Локателли (см. с.48 данной работы). Локателли использует популярную форму писем, но его сочинение не обнаруживает связей с традицией «Персидских писем». «Московские письма» представляют собой описание реального пребывания автора в России (1733-1734), где он был арестован по обвинению в шпионаже. Скорее всего, книга Локателли была Дезессару неизвестна.

³¹⁰ *Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38. Лл.44-44об.

³¹¹ Rousset J. *Forme et signification.* Paris: Corti, 1962. P.68.

писем. Вместо календарной даты письма сопровождают отсылки к событиям из жизни конкретного человека – главного героя: «из Парижа, в день прибытия турецкого посла» (письмо 1), «из Парижа, за два дня до моего отъезда в заболоченные равнины Голландии» (письмо 3), «из Москвы, в день поста, после вечерни» (письмо 5) и т.д.

Закономерным представляется вопрос о том, насколько велико присутствие Монтескье в «Московском путешественнике». Можно предположить, что влияние Монтескье сказалось не более чем в использовании эпистолярной формы и типового названия. Мы полагаем, что романы Монтескье и Дезессара имеют также ряд других сходств³¹². Невозможно однозначно утверждать, что отдельные сюжеты романа были подсказаны Дезессару непосредственно автором «Персидских писем». Тем не менее, в текстах «Московского путешественника» и «Персидских писем» нередко прослеживаются более или менее очевидные параллели.

В этом отношении любопытен, например, эпизод, в котором описывается первое знакомство Якима со светским обществом французской столицы. В свое время один из персидских путешественников Монтескье удивлялся всеобщему любопытству, возбуждаемому им среди жителей Парижа. «Когда я выходил из дому – писал Рика на родину, люди бросались к окнам; если я гулял в Тюильри, около меня тотчас же собиралась толпа...»³¹³. По признанию Рики, одного упоминания слова «персиянин» оказывалось достаточно, чтобы привести общество в смятение: «Ах! ах! Этот господин – персиянин? Вот необычайная редкость! Неужели можно быть персиянином?»³¹⁴. В свою очередь, герой Дезессара, оказавшись в Париже, долгое время предпочитает не покидать своего жилища в предместье Сен-Жермен. В письме своему московскому корреспонденту

³¹² В отношении других «подражаний» «Персидским письмам» также существуют различные мнения о степени влияния на них романа Монтескье. Напр., о неоднозначной интерпретации влияния «Персидских писем» на «Марокканские письма» Хосе Кададьсо см.: Domínguez A. Las «Lettres persanes» y las «Cartas marruecas»: la función de la perspectiva en la crítica social de dos novelas epistolares // *Imágenes de Francia en las letras hispánicas*, ed. Francisco Lafarga, Barcelona: Promociones y Publicaciones Universitarias, 1989. P.47-55.

³¹³ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.51.

³¹⁴ Там же. С.52.

Яким признается, что причиной его добровольного затворничества — нежелание быть осмеянным. По его словам, прохожие, узнав в нем русского, наверняка принялись бы указывать на него пальцем, в особой, свойственной одним французам манере, в которой нетрудно угадывается обидная насмешка. Так, очутившись на приеме у одной светской дамы, Яким выдает в себе иностранца, невзирая на «совершенно французский наряд». На последовавшие расспросы дамы он вынужден сознаться в том, что он русский. Однако, подобно герою Монтескье, Яким констатирует, что это слово оказывает на даму самое невероятное воздействие: дама лишается чувств, успев произнести лишь «Ах, боже мой, это русский?»³¹⁵.

Проблема национальных стереотипов и предрассудков, очевидно, немало занимала автора «Московского путешественника». В частности, в третьем письме Яким сетует на то, что о характере русского народа зачастую судят исходя из характера климата, в котором он живет. «Это несчастье для нас, дорогой Федор, — пишет Яким, что в иностранных государствах о нас известно только то, в каком климате мы родились. Оттого, что о нем не знают ничего, кроме имени, ему приписывают грубость, дикость, которая управляет нами и от которой мы якобы не в состоянии освободиться. Нас презирают, нашего вида пугаются»³¹⁶. К проблеме влияния климата на характер народа, которая, несомненно, перекликается с положениями теории климатов Монтескье³¹⁷, автор «Московского путешественника» снова возвращается в одном из последующих писем. В нем, в частности, находится своеобразное подтверждение идее Монтескье о власти климата («*empire du climat*»). По словам Дезессара, она настолько сильна, что способна изменить

³¹⁵ *Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38. Л.10об.

³¹⁶ Там же. Л.18об.

³¹⁷ В трактате «О духе законов» теория климатов приобрела наиболее законченную форму, хотя отдельные ее положения были высказаны задолго до Монтескье, главным образом в «Шести книгах о Государстве» (1576) Жана Бодена. Роже Мерсье указывает также на довольно многочисленные работы современников Монтескье, касавшихся этой проблемы: «Критические размышления о поэзии и живописи» (1719) аббата Дюбо, «О природе вкуса» (1732) Клода Бюфье, «Исторический и философский опыт о вкусе» (1736) Франсуа Карто де ла Виллат, «Опыт о гении и характере народов» (1743) аббата д'Эспинара, «Опыт о нравах и духе народов» (1756) Вольтера. См.: Mercier R. *La théorie des climats des « Réflexions critiques » à « L'Esprit des Lois »* // *Revue de l'histoire littéraire de France*, Vol. 58, janv.-mars 1953. P.17-37.

характер человека, оказавшегося в иных климатических условиях. К такому выводу приходит герой Дезессара в результате наблюдений, произведенных им во время путешествия в Голландию. «Французская живость теряет здесь все свои права, – пишет Яким. Ветреный человек становится задумчив, общительный – молчалив, веселый – серьезен, щедрый – скуп, природа его совершенно меняется: тот, кто во Франции был душой компании и увеселений, здесь становится раздражительным политиканом, фанатичным протестантишкой, в котором с трудом узнает себя и он сам, и его друзья. Такова власть климата и неблагоприятных погодных условий»³¹⁸.

В некотором смысле подтверждением этой идеи служит сам герой Дезессара. В последнем, десятом письме Федор отмечает невероятные изменения, произошедшие в Якиме с момента его отъезда в Европу: «Говоря по совести, любезный мой друг, я тебя более не узнаю. Тебя послушать – можно подумать, что ты родился среди этих людей, которых ты так ловко высмеиваешь»³¹⁹. Похожий мотив прослеживается и в «Персидских письмах» Монтескье. Постепенно вовлекаясь во французскую жизнь, Рика в конечном итоге перестает ощущать свою принадлежность к восточной культуре. По его признанию, его ум «незаметно теряет то, что еще осталось в нем азиатского, и без усилий принаравливается к европейским нравам»³²⁰.

Форма писем, удобная тем, что, по выражению Монтескье, позволяет «прибавить к роману немного философии, политики и морали»³²¹, позволила и Дезессару высказаться на самые разнообразные темы. Впрочем, при несомненной ценности отдельных наблюдений Дезессара, его «Московского

³¹⁸ *Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38. Л.63.

³¹⁹ Там же. Л.84.

³²⁰ Монтескье Ш.-Л. *Персидские письма* // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.99.

³²¹ В «Размышлениях о “Персидских письмах”», включенных в издание «Персидских писем» 1754 года, Монтескье говорит: «... в форме писем, где действующие лица не подобраны намеренно и где описываемые сюжеты не зависят от какого-либо конкретного намерения или заранее задуманного плана, автор воспользовался преимуществом, позволившим ему прибавить к роману немного философии, политики и морали и соединить все воедино некой невидимой и, в некоторой степени, неведомой цепью». *Quelques réflexions sur les «Lettres persanes»* // *Œuvres complètes de Montesquieu, t. I : Lettres persanes*, éd. dirigée par Jean Ehrard et Catherine Volpilhac-Augier. Oxford: Voltaire Foundation, 2004.

путешественника» отличает от «Персидских писем» отсутствие собственно романной составляющей, которая выполняла функцию той самой «невидимой цепи», связывавшей воедино письма героев Монтескье. Кроме того, Дезессар, очевидно, сознательно пренебрег основным преимуществом писем, которое заключается в возможности ввести в повествование несколько точек зрения³²². Эта особенность в полной мере использовалась Монтескье, благодаря чему его «Персидские письма» традиционно рассматриваются как образец полифонического эпистолярного романа. Столкновение разных, зачастую противоположных точек зрения, в свою очередь, позволило автору «Персидских писем» выявить относительность некоторых устойчивых представлений европейцев о Востоке, а также и об их собственных истории, культуре и традициях. Очевидно, что в «Московском путешественнике» эпистолярная форма не выполняет в полной мере той функции, какую она выполняла в «Персидских письмах» Монтескье. По сути, в романе Дезессара отчетливо представлена только одна точка зрения – точка зрения главного героя, Якима, которому принадлежат восемь из десяти писем, составляющих роман.

Заметим, что «Московский путешественник» написан в нарочито оптимистическом тоне по отношению к России. Уже в своей статье, посвященной шевалье Дезессару, Владислав Станиславович Ржеуцкий и Владимир Александрович Сомов отмечали пророссийский дух сочинения, усматривая в этом желание автора угодить своим русским покровителям³²³. «Пророссийский» дух «Московского путешественника» выражается, в частности, в апологии личности и преобразовательной деятельности Петра I, сыгравших решающую роль в истории России. Дезессару, очевидно, была близка распространенная среди французских писателей точка зрения, согласно которой Петр I расценивался как творец «новой» России: «Но

³²² Об этом см., напр.: Бондарев А. У истоков полифонического романа // Французский фривольный роман. Сост., вступ. ст. и примеч. А. Бондарева. М.: ИОЛЮС, 1993.

³²³ Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (Из французских контактов И.И. Шувалова) // Философский век. Альманах, вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С.220-240.

скажем, что у нас есть преимущество перед другими народами; самим себе мы обязаны столь отличным от бывшего состоянием, в котором мы сегодня пребываем. Я говорю – самим себе, и действительно, все знают, что образованная, просвещенная Россия – творение самого Петра Великого. Только он один смог уничтожить хаос в своей огромной империи. Именно он из народа темного, развращенного сделал народ работающий, добродетельный, грамотный, вежливый»³²⁴. По словам автора, ни одному правителю еще не удавалось достичь вершины славы тем путем, каким ее достиг Петр, то есть, преследуя лишь цель «сделать счастливым свой народ»³²⁵.

Кроме того, автор «Московского путешественника», написанного в конце 50-х – начале 60-х годов, то есть в период Семилетней войны, неслучайно обращается к вопросу о роли России в этом военном конфликте. Символично, что эта тема раскрывается во сне главного героя. В структуре романа этот эпизод выполняет, таким образом, функцию «вставной новеллы». Описывая в одном из писем к Федору виденный им сон, Яким вспоминает свою комнату, наполненную враждебно настроенными друг к другу людьми, сундук, бывший, очевидно, причиной размолвки, и главного героя происходящего – принцессу, чей «жалкий вид» удивил и поразил Якима. Очевидно, что растрепанная и одетая в лохмотья принцесса – не что иное, как аллегория Европы, пострадавшей в войне. «О, вы, ослепленные честолюбием европейцы, – вспоминает Яким слова из виденной им во сне книги. Обратите взор ваш на Европу, вашу государыню. Это вы – миллион рук, занесенных над нею, – привели ее в то состояние, в котором вы ее видите»³²⁶. В то время как Семилетняя война подала странам Западной Европы лишний повод к обсуждению проблемы варварства и цивилизации России³²⁷, именно Россия представляется Дезессару единственной страной,

³²⁴ *Volageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38. Лл.21-21об.

³²⁵ Там же. Лл.22.

³²⁶ Там же. Лл.27об.-28.

³²⁷ Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Шевалье Дезессар, московский губернатор и писатель (Из французских контактов И.И. Шувалова) // *Философский век. Альманах*, вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797).

способной спасти Европу от гибели. По его словам, Европе «более не на что надеяться, как на храбрость и благородство этих людей, их страшные одежды – символ героической отваги. До сих пор именно они не позволили ее полного уничтожения. Объедините ваши усилия, следуйте их примеру, если не хотите, чтобы им одним досталась слава освобождения этой блистательной принцессы от большого множества врагов, вооружившихся против ее чести, доброго имени, достояния, наследия...»³²⁸.

Между тем, оказывается, что участниками спора являются авторы, а его действительной причиной – не что иное, как слово для обозначения содержащихся в сундуке бумаг, «манифестов, жалоб, возражений, рескриптов, прошений, протестов, заметок, обвинений, оправданий, воззваний и прочего хлама, который обыкновенно порождается войною»³²⁹. Яким тем более удивлялся предмету спора, что он, по его выражению, был непонятен самим его участникам. Каждая из противоборствующих сторон горячо отстаивала определенное слово, не зная, в сущности, о чем идет речь. Заметим, что в «Персидских письмах» Монтескье объектом сатиры также не раз становились люди, именующие себя литераторами и тратящие время на пустые, бессмысленные споры. Писатель высмеивает, в частности, участников известного литературного спора конца XVII – начала XVIII века, известного в истории литературы как «спор древних и новых» (письмо XXXVI). Оценивая значимость подобных дискуссий, Монтескье с сожалением констатирует, что «остроумцы», которые принимают в них участие, «не приносят никакой пользы отечеству и тратят свои таланты на всякие ребяческие выходки»³³⁰.

Наконец, Дезессар вновь выступает в защиту России и ее роли в Семилетней войне, когда нападает на автора вышедшего в 1758 году

Просвещенная личность в российской истории, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Минкешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С.220-240.

³²⁸ *Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs.* РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38. Лл.27об.-28.

³²⁹ Там же. Л.29.

³³⁰ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.58.

«Письма лейденского друга к другу в Амстердам»³³¹. «Письмо», написанное по следам Цорндорфского сражения, по сути, является опровержением опубликованного Россией сообщения о победе над прусской армией. Автором «Письма», имени которого Дезессар не называет, был дипломатический советник при прусском дворе Луи-Оливье де Марконе. А публикацию памфлета, очевидно, нужно связывать с антирусской пропагандой Фридриха II в период Семилетней войны³³². В свою очередь, недовольство Дезессара, видимо, объясняется стремлением угодить своим русским покровителям³³³. Не ограничиваясь критикой самого «Письма», которое он называет не иначе, как «сплетением грубостей, кучей вранья»³³⁴, Дезессар дает крайне уничижительный портрет де Марконе и подвергает язвительной критике все его творчество в целом. По выражению Дезессара, он – лишь «ползучее насекомое на поверхности литературы, школяр, не способный сказать ничего, кроме глупостей»³³⁵.

«Пророссийский» дух сочинения, а также заявленная в названии форма писем сближает «Московского путешественника» с сочинением другого иностранного автора, чье имя более известно в связи с его деятельностью как профессора юриспруденции и политики Императорской Академии наук.

³³¹ С 1756 по 1760 г.г. вышло пять «Писем лейденского друга к другу в Амстердам»: «Lettre d'un ami de Leyde à un ami d'Amsterdam sur l'exposé des motifs qui ont obligé le roi de Prusse à prévenir les desseins de la cour de Vienne» (Berlin 1756), «Seconde Lettre d'un ami de Leyde à un ami d'Amsterdam, ou Réflexions sur l'Observateur hollandais» (Berlin 1758), «Troisième Lettre du même au même, ou Remarques sur les relations russiennes de la bataille de Zorndorff, avec quelques Lettres interceptées concernant cette victoire» (Berlin 1758), «Quatrième Lettre du même au même, ou Réflexions sur les dernières procédures du Conseil aulique» (Berlin, 1759), «Cinquième Lettre du même au même, ou Réflexions sur un mémoire que M. de Kauderbach a publié à La Haye à l'occasion du dernier siège de Dresde» (Berlin 1760). См. статью «Marconnay (Louis-Olivier de)» в: Quérard J.-M. La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France, ainsi que des littérateurs étrangers qui ont écrit en français, plus particulièrement pendant les XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Firmin Didot frères, 1833. T.V. P.519.

³³² Марконе также перевел с немецкого языка на французский все наиболее важные сочинения, опубликованные Пруссией и имеющие отношение к Семилетней войне. Ibidem.

³³³ Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (Из французских контактов И.И. Шувалова) // Философский век. Альманах, вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С.220-240.

³³⁴ Voyageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilège de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs. РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр. Q. XV.38. Лл.68об.-69.

³³⁵ Там же. Л.69.

«Российские письма»³³⁶ Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона, как и сочинение Дезессара, относятся к периоду Семилетней войны. Эта книга вышла из типографии Академии наук в 1760 году, но, очевидно, не имела широкого распространения и впоследствии также не привлекла должного внимания исследователей³³⁷. Между тем, эта книга, направленная, согласно подзаголовку, против «Духа законов» Монтескье³³⁸, является важным документом, позволяющим проследить историю рецепции Монтескье в России во второй половине XVIII века. Действительно, Штрубе де Пирмона следует относить к первым критикам Монтескье в России.

Название, избранное автором для своего сочинения, скорее всего, неслучайно. Очевидная параллель с «Персидскими письмами», вероятно, была призвана вызвать у читателя ассоциацию с именем Монтескье. Впрочем, невзирая на сознательно заложенную в их названии ложную ассоциацию с «Персидскими письмами», «Российские письма» Штрубе де Пирмона вряд ли возможно отнести к жанру эпистолярного романа. Все двадцать писем, составляющих это сочинение, адресованы одному безымянному адресату. Множественность точек зрения, отличающая «Персидские письма», только помешала бы замыслу Штрубе де Пирмона. Его «Письма», содержащие последовательную критику отдельных положений «Духа законов», связанных с проблемой деспотизма и рабства, в том числе в России, по сути, представляют собой размышление на заданную тему.

³³⁶ Strube de Piermont F.H. *Lettres russiennes*. [St. Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760.

³³⁷ В предисловии к репринтному изданию «Российских писем» 1978 года Коррадо Россо говорит о том, что исследователи никогда не проявляли интереса к Штрубе де Пирмону как к писателю и его имя, так же как и сама книга, на сегодняшний день совершенно забыты. Strube de Piermont F. H. *Lettres russiennes. Suivies des notes de Catherine II. Introduction et bibliographie de C. Rosso*. Pisa: La Goliardica, 1978. В начале XX века небольшое исследование «Российскими письмами» посвятил Александр Николаевич Пыпин. См.: Пыпин А.Н. Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы, 1903, № 5. С.272-300.

³³⁸ В конце XIX века в известной «Истории Академии наук в Петербурге» Петр Петрович Пекарский, как справедливо отмечал Коррадо Россо, ошибочно называл «Российские письма» опроверженным «Персидских писем»: «Книга эта замечательна если не даровитостью и не убедительностью доводов автора, то по цели, которую он преследовал: в *Lettres russiennes* опровергаются в начале те места знаменитых *Lettres persannes* Монтескье, в которых говорится о деспотизме и рабстве, а потом следуют доказательства, что в России правление не деспотическое». Пекарский П.П. *История Академии наук в Петербурге*. СПб: Отд-е рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870, т. 1. С.687.

II.3. Критика «Духа законов» в России

Публикация трактата «О духе законов» вызвала, как известно, крайне противоречивую реакцию³³⁹, при этом первыми критиками Монтескье выступили именно соотечественники писателя. Вскоре после появления книги свои «Замечания» на нее опубликовали, в частности, Клод Дюпен³⁴⁰ и аббат де ла Порт³⁴¹, критические отзывы появились на страницах «Journal de Trévoux»³⁴² и «Nouvelles ecclésiastiques»³⁴³. Не останавливаясь на подробностях так называемого спора о «Духе законов»³⁴⁴, обратим внимание лишь на некоторые интересующие нас замечания критиков относительно содержащихся в трактате высказываний о России. Одно из таких замечаний можно обнаружить в сочинении, принадлежащем перу богатого финансиста и землевладельца Клода Дюпена³⁴⁵. Его двухтомные «Размышления об отдельных частях книги, носящей название “О духе законов”», пространный и едкая критика трактата Монтескье, очень маленьким тиражом выходят из печати в 1749 году. По свидетельству аббата Гуаско, издателя личной переписки Монтескье, отпечатанные экземпляры были распространены в частном порядке среди знакомых Дюпена. Между тем, один из экземпляров попал в руки самого автора «Духа законов», который обнаружил в книге

³³⁹ См., напр.: Bérard L. «L'Esprit des Lois» devant la congrégation de l'Index // 2e centenaire de «L'Esprit des Lois» 1748-1948, conférences organisées par la ville de Bordeaux. Bordeaux : Delmas, 1949. P.241-309; Beyer Ch.-J. Montesquieu et la censure religieuse de «L'Esprit des Lois» // Revue des sciences humaines, № 70, 1953. P.105-132; Lauriol C. Querelle de «L'Esprit des lois» // Dictionnaire électronique Montesquieu, mis à jour le 25/11/2008. www.dictionnaire-montesquieu.ens-lsh.fr.

³⁴⁰ Dupin C. Réflexions sur quelques parties d'un livre intitulé «De l'Esprit des loix». Paris: Benjamin Serpentin, 1749; Dupin C., Berthier G.-F. Observations sur un livre intitulé: «De l'Esprit des loix», divisées en trois parties. 3 Vol. Paris, 1757-1758 (2e éd.).

³⁴¹ La Porte J. de. Observations sur l'Esprit des loix, ou l'Art de lire ce livre, de l'entendre et d'en juger. Par M.***. Amsterdam: chez Pierre Mortier, 1751.

³⁴² Lettre au P. B. J. sur le Livre intitulé «L'Esprit des Loix» // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux-arts, avril 1749. P.718-741.

³⁴³ De Paris // Nouvelles ecclésiastiques ou Mémoires pour servir à la Constitution Unigenitus, 9 octobre 1749. P.161-164; De Paris. Fin de l'Extrait du Livre «De l'Esprit des Loix» // Nouvelles ecclésiastiques ou Mémoires pour servir à la Constitution Unigenitus, 16 octobre 1749. P.165-167.

³⁴⁴ Под термином «спор о “Духе законов”» («querelle de “L'Esprit des Lois”»), достаточно широко используемым во французском литературоведении, понимается совокупность критических откликов, вызванных публикацией трактата, и возражения на них Монтескье.

³⁴⁵ Клод Дюпен (1686-1769), в течение тридцати шести лет состоял на службе в Компании откупов (Ferme générale), организации финансистов, бравших на откуп государственные налоги, благодаря чему нажил большое состояние. Его супруга, г-жа Дюпен (1706-1799), содержала модный салон сначала в Париже, затем в замке Шенонсо, приобретенном Дюпеном в 1733 году. До того, как разгорелся «спор о “Духе законов”», Монтескье был в числе завсегдатаев салона.

злонамеренное искажение отдельных мыслей и пассажей, вследствие чего Дюпен счел необходимым уничтожить все экземпляры книги и как будто намеревался подготовить другое, исправленное издание, которое, по словам Гуаско, так и не увидело света³⁴⁶. В действительности, несколько экземпляров «Размышлений», видимо, все же уцелели³⁴⁷, а книга, в переработанном виде и под другим названием, вышла несколькими годами позже. «Замечания на книгу, носящую название “О духе законов”, в трех частях», вышедшие, очевидно, в 1757-1758 годах³⁴⁸, отличаются большей продуманностью и умеренностью.

«Замечания», направленные, главным образом, против тех глав «Духа законов», в которых затрагиваются вопросы финансовой системы, налогов, деятельности Компании откупов и откупщиков, действительно обнаруживают некоторые слабые места трактата, содержащиеся в суждениях автора противоречия, недостаточную аргументированность. Именно в неаргументированности обвиняет Дюпен автора «Духа законов», когда тот, ссылаясь на книгу Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе», утверждает, что в деспотических государствах нет слова для обозначения понятия чести. «Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях...»³⁴⁹, – говорит Монтескье вслед за Перри. В свою очередь, Дюпен выражает сомнение относительно справедливости этого высказывания. По его мнению, английский инженер не обладал достаточным знанием русского языка, чтобы иметь возможность судить о нем³⁵⁰. По мысли автора «Замечаний», ошибка Монтескье заключалась в том, что он основывал свое критическое суждение

³⁴⁶ Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur. Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.

³⁴⁷ Экземпляр «Размышлений» имеется в библиотеке Арсенала (Париж).

³⁴⁸ Grand dictionnaire universel du XIXe siècle, par Pierre Larousse. Paris, s.d. Vol. 6. P.1407.

³⁴⁹ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.150. Cf.: «Они (москвиты) придают так мало значения данному им слову, понятие чести в его исконном значении так мало знакомо им, что в их языке даже нет слова, с помощью которого его можно было бы обозначить». Perry J. Etat présent de la Grande Russie. Paris: J. Boudot, 1717. P.262.

³⁵⁰ См.: Dodds M. Les récits de voyages sources de «L'Esprit des Lois» de Montesquieu. Paris: Honoré Champion, 1929.

о целой нации и, более того, о целом ряде государств, на сомнительных доводах иностранного путешественника.

Позднее похожее обвинение автору «Духа законов» предъявит Вольтер. В его «Философском словаре», опубликованном впервые в 1764 году, имеется статья, посвященная трактату Монтескье³⁵¹. Статья представляет собой критический обзор отдельных фрагментов «Духа законов», содержащих, по мнению Вольтера, ошибочные суждения, основанные на неверном толковании источников. Таким образом, автор статьи ставит перед собой задачу рассказать «о ложных цитатах в Духе законов, о ложных выводах, которые автор из них извлекает, и о некоторых заблуждениях, которые необходимо раскрыть»³⁵². Одна из таких ложных цитат якобы содержится в шестой главе книги XV «Духа законов», повествующей, как гласит заглавие, об «истинном источнике происхождения рабства». В этой главе Монтескье вновь ссылается на книгу Джона Перри: «Перри говорит, что москвиты очень легко продают себя. И я знаю почему: потому, что их свобода ничего не стоит»³⁵³. Между тем, Вольтер замечает, что ничего подобного в книге Перри не сообщается, и отсылает за более подробными разъяснениями к другой статье своего «Словаря», носящей название «Рабы». В этой статье Вольтер приводит точную цитату из Перри³⁵⁴, в которой действительно не содержится слов, приведенных Монтескье в «Духе законов». Такое несоответствие объясняется тем, что Монтескье и Вольтер пользовались разными изданиями «Состояния России при нынешнем царе». В своем исследовании 1951 года «Русский мираж во Франции в XVIII веке» Альбер Лортолари указывал на то, что Монтескье

³⁵¹ Lois (Esprit des) // Œuvres complètes de Voltaire. Dictionnaire philosophique, t. IV. Paris: Garnier frères, 1879. P.1-15.

³⁵² Ibid. P.1.

³⁵³ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.394.

³⁵⁴ «Царь приказал, чтобы во всех подвластных ему государствах никто впредь не называл себя холопом, но только рабом, что значит *подданный*. Правда, этот народ не получил от этого никакой выгоды, ибо он и сегодня по-прежнему пребывает в настоящем рабстве». Цит. по: Esclaves // Œuvres complètes de Voltaire. Dictionnaire philosophique, t. II. Paris: Garnier frères, 1879. P.604.

использовал парижское, компилятивное издание книги³⁵⁵, что подтверждается и прямыми отсылками к нему в тексте «Духа законов». Действительно, уже на следующий год после его выхода в Англии сочинение Перри было переведено на французский язык. В одном только 1717 году книга, пользовавшаяся исключительной популярностью, была переиздана несколько раз³⁵⁶. Как справедливо отмечал Альбер Лортолари, парижское издание не вполне идентично другим изданиям 1717 года. Помимо собственно «Состояния России при нынешнем царе», принадлежащего перу Джона Перри, издание включает две дополнительные части, добавленные издателем, а именно «Краткую историю Московии, из лучших историков» и «Хронологический обзор истории царей, или императоров, Московии». Именно «Краткая история Московии», представляющая собой компиляцию из сочинений графа Карлейля³⁵⁷, Антонио Поссевино³⁵⁸, Адама Олеария³⁵⁹ и других авторов и послужила Монтескье источником цитаты о рабстве московитов. Таким образом, слова, которые Монтескье ошибочно приписывает Перри, на самом деле принадлежат издателю, который, в свою очередь, воспроизводит слова Олеария из его знаменитого «Путешествия в Московию, Татарию и Персию»³⁶⁰.

В России одним из первых, кто выступил с последовательной критикой Монтескье, был представитель немецкоязычной академической среды,

³⁵⁵ Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Contemporaines, 1951.

³⁵⁶ В 1717 году французские версии книги вышли в Париже, Гааге, Брюсселе.

³⁵⁷ Miège G. La Relation de trois ambassades de Mgr le Cte de Carlisle, de la part du prince Charles II, roi de la Grande-Bretagne, vers Alexey Michailovitz, czar et grand duc de Moscovie, Charles, roy de Suède, et Frédéric III, roy de Danemarc et de Norvège, commencées en l'an 1663, et finies sur la fin de l'an 1664. Amsterdam: J. Blaeu, 1669 (или другое издание).

³⁵⁸ Possevini A. Moscovia. Vilnae, 1586 (или другое издание).

³⁵⁹ Olearius A. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse. Paris: J. Du Puis, 1659 (или другое издание).

³⁶⁰ «Московиты столь мало дорожат свободой, что те, кто родились свободными, но в бедности, продают себя и все свое семейство за гроши и не противятся тому, чтобы еще раз продать себя, если им вдруг посчастливилось вновь обрести свободу со смертью хозяина или по какому-нибудь другому случаю». Histoire abrégée de la Moscovie, recueillie des meilleurs Historiens // Perry J. Etat présent de la Grande Russie. Paris: J. Boudot, 1717. P.52. Cf.: «Те, кто родились свободными, но в бедности, столь мало дорожат своей свободой, что продают и себя и все свое семейство за гроши, они настолько далеки от того, чтобы расценивать свободу как преимущество, что они не противятся тому, чтобы еще раз продать себя, если им вдруг посчастливилось вновь обрести свободу со смертью хозяина или по какому-нибудь другому случаю». Olearius A. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse. Paris: J. Du Puis, 1659. P.156.

профессор юриспруденции и политики Петербургской Академии наук Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон. Известно, что Штрубе, бывший секретарь герцога Бирона, которому он, очевидно, и обязан своему переезду в Россию, проявлял исключительный интерес к российскому законодательству и его истокам. В частности, в 1748 году, через десять лет после его поступления в Академию, Штрубе де Пирмоном был предпринят проект по составлению «Краткого руководства к российским правам». «Руководство» должно было стать первым в России учебным пособием по истории российского законодательства, однако, поскольку книга, согласно записи в протоколе академической канцелярии, была сочинена «не тем образом, как он обещался и ее назвал», то книгу «в печать произвести за излишне признано»³⁶¹. Первая печатная работа Штрубе, посвященная российскому законодательству, появится только в 1756 году. Менее масштабное, чем оставшееся неопубликованным «Краткое руководство к российским правам», «Слово о начале и переменах российских законов»³⁶², зачитанное на публичном собрании Императорской Академии наук 6 сентября 1756 года, тем не менее, примечательно новизной изучаемого предмета³⁶³. На первых же страницах сочинения автор сетует на «столь малое упражнение, которое поныне в сем роде наук люди имели»³⁶⁴. Неудивительно, что Штрубе пришлось прибегнуть к трудам иностранных авторов, упоминавших о российских законах. Между тем, по выражению Штрубе, «они сами не имея об них довольного понятия не могли описать их

³⁶¹ Цит. по: Пекарский П.П. История Академии Наук в Петербурге. СПб: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870, т.1. С.683. Рукопись, переведенная на русский язык переводчиком Академии наук Василием Ивановичем Лебедевым (1716-1771), хранится в библиотеке Академии наук.

³⁶² Strube de Piermont F.H. Discours sur l'origine et les changemens des loix russiennes: Lû dans l'assemblée publique de l'Académie Impériale des sciences le 6 septembre 1756 à l'occasion de l'anniversaire du jour du nom de Sa Majesté l'impératrice de toutes les Russies etc. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, [1756]. Сочинение существует также в русском переводе: Штрубе-де-Пирмон Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов в торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемиловитейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпербургской Императорской академии наук говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году и переведенное на российский язык Семеном Нарышкиным. СПб: печатано при Императорской Академии наук, [1756].

³⁶³ Пыпин А. Н. Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы, 1903, № 5. С.272-300.

³⁶⁴ Штрубе-де-Пирмон Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов. СПб: печатано при Императорской Академии наук, [1756]. С.3.

ясно, по чему и подражания недостойны»³⁶⁵. В качестве примера автор приводит сокращенную цитату из четырнадцатой главы книги XXII «Духа законов», в которой Монтескье резко осуждает законы Российской империи, препятствующие становлению и развитию торговли³⁶⁶. По мнению же Штрубе, «нет сего не сходнее с истинною; и видно, что сей писатель мало имел попечения в приобретении себе знания о коммерции и законах сей империи»³⁶⁷. Необходимо учитывать при этом, что для Монтескье законы, не допускающие развития торговых отношений, характеризуют государство, в котором подобные законы установлены, как деспотическое. Однако подобная характеристика Российского государства принципиально не совпадает с позицией Штрубе. Автор «Слова» называет Россию не иначе как монархией («monarchie Russe»). («monarchie Russe»).

В «Русских письмах», вышедших несколькими годами позже, в 1760 году, идея о монархической природе власти в России станет ключевой. «Русские письма» являются, таким образом, одним из самых ранних образцов последовательной критики созданного Монтескье образа России как деспотического государства. Книга выходит без указания имени автора и места издания, поэтому закономерно появление фигуры анонимного издателя. От лица вымышленного издателя автор открыто указывает на преимущества книги перед сочинениями предшественников, которые «до сего дня отваживались сражаться с этим опасным писателем [Монтескье]»³⁶⁸, вероятно, имея в виду упоминавшихся выше французских авторов. В

³⁶⁵ Штрубе-де-Пирмон Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов. СПб: печатано при Императорской Академии наук, [1756]. С.2.

³⁶⁶ «Подданный сей империи, упоминая о России, в своих сочинениях называемых l'Esprit des Loix кн. XXII гл. XIV пишет он, не могут вывозить имущества своего без дозволения. Вексели, которые подают способ к переводу денег из одного в другое государство, и самая коммерция противна их законам». Штрубе-де-Пирмон Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов. СПб: печатано при Императорской Академии наук, [1756]. С.2. Cf.: «Подданные империи, подобно рабам, не имеют права без специального разрешения ни выехать за границу, ни переслать туда свое имущество. Итак, вексельный курс, дающий возможность переводить деньги из одной страны в другую, противоречат законам Московии. Самая торговля противоречит этим законам». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.2. P.93.

³⁶⁷ Штрубе-де-Пирмон Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов. СПб: печатано при Императорской Академии наук, [1756]. С.2.

³⁶⁸ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.6.

частности, автор полагает, что превзошел своих предшественников тем, что с очевидностью сумел показать «неточности, ложные умозаключения и толкования, которые ускользнули от этого великого человека, более старающегося о деле, которое он взялся защищать»³⁶⁹. По мысли автора, Монтескье дал не соответствующую с действительностью картину российской жизни. Тем самым авторитет Монтескье ставился под сомнение, а сам автор «Духа законов» обвинялся в том, что негативно отзывался о России, не зная ее. Как Дюпен и Вольтер во Франции, автор «Русских писем» усматривает причину заблуждений Монтескье в недостаточном знании России, основанном, главным образом, на сведениях, сообщенных иностранными путешественниками. В частности, вслед за Дюпеном, автор критики отзывается о книге Джона Перри как о недостоверном источнике сведений о России, по меньшей мере, в том, что касается русского языка. Штрубе комментирует заимствованное у Перри высказывание Монтескье о том, что в русском языке нет слова для обозначения понятия чести, следующим образом: «Господин Перри, которого автор цитирует, достаточно показал тем, как он исковеркал русские слова, которые он приводит в своем сочинении, что он не знал этого языка и что он не достоин доверия в том, что этого языка касается»³⁷⁰.

Нужно заметить, что имя автора «Русских писем» долгое время оставалось неизвестным. Впервые книга стала объектом серьезного исследования еще в 20-е годы XIX столетия. Тогда в одном из номеров исторического, политического и литературного журнала «Сын отечества» появилось сочинение с любопытным названием «Защитение Российскаго правления иностранцем против иностранца с примечаниями Русскаго»³⁷¹. Автор сочинения, известный филолог Иван Иванович Мартынов, говорил о том, что ему в руки попала книга «неизвестного сочинителя», носящая

³⁶⁹ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.6.

³⁷⁰ Ibid. P.151.

³⁷¹ Мартынов И.И. Защитение Российскаго правления иностранцем против иностранца с примечаниями Русскаго // Сын отечества, 1829, т.8, ч.130, №49. С.150-170; №50. С.205-228; №51. С.278-292; №52. С.331-365.

название «Русских писем» и показавшаяся ему любопытною³⁷². «Русские письма» условно можно разделить на две части, в одной из которых содержатся общие рассуждения о деспотизме, в другой же автор переходит к критическому анализу конкретных высказываний Монтескье о России. Сочинение Мартынова же представляет собой перевод второй части «Русских писем» (письма 14-20), сопровождаемый пространными комментариями переводчика. По сути, это первый и единственный на сегодняшний день перевод «Русских писем», оставшийся незамеченным впоследствии. К концу XIX века авторство Штрубе уже было установлено: в своей «Истории Академии наук в Петербурге» Петр Петрович Пекарский уже включает «Русские письма» в число сочинений немецкого академика, хотя ошибочно называет их опровержением «Персидских писем» Монтескье³⁷³.

В первой, общетеоретической части своей книги, рассуждая о природе власти вообще и деспотической власти в частности, Штрубе обвиняет автора «Духа законов» в том, что он не делает различия между разными формами правления. По его словам, Монтескье смешивает четыре способа правления: истинный деспотизм, абсолютную монархию, тираническое правление и то, которое он называет варварским или беспорядочным³⁷⁴. Подобным

³⁷² «Книжка сия показалась мне вообще любопытною, и очевидностию, с каковою выставлены в ней неточности сего знаменитого Писателя, гораздо превосходит критики, до того времени писанные на его *Дух законов*. Но я воспользуюсь только тем из нея, что ближе к сердцу моему и каждого Русскаго: выпишу только то, что касается до России, присовокупив, где нужно будет, и свои замечания». Мартынов И.И. *Защитение Российскаго правления иностранцем против иностранца с примечаниями Русскаго // Сын отечества*, 1829, т.8, ч.130, №49. С.151.

³⁷³ «Книга эта замечательна если не даровитостью и не убедительностью доводов автора, то по цели, которую он преследовал: в *Lettres russiennes* опровергаются в начале те места знаменитых *Lettres persannes* Монтескье, в которых говорится о деспотизме и рабстве, а потом следуют доказательства, что в России правление не деспотическое». Пекарский П. П. *История Академии Наук в Петербурге*. СПб: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870, т. 1. С.687.

³⁷⁴ Strube de Piermont F.H. *Lettres russiennes*. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.91. В одной из своих статей, посвященных «Духу законов», Н.Ю. Плавинская указывает на существование неопубликованного отклика на книгу Монтескье. Рукопись, обнаруженная в архивах графа Александра Романовича Воронцова, имеет заглавие «*Réflexions sur l'Esprit des Loix, de Mr de Montesquieu*». По словам Н.Ю. Плавинской, текст рукописи имеет несколько сходных черт с «Русскими письмами» Штрубе де Пирмона. В частности, автор «*Réflexions*», чье имя на сегодняшний день не установлено, упрекает Монтескье в смешении разных видов деспотизма: по его мнению, необходимо разделять абсолютную власть современного типа, деспотизм античных императоров и тираническое правление в африканских и азиатских странах. Подробнее об этом см.: Plavinskaja N.Y. *Les lectures de «L'Esprit des lois» en Russie au XVIIIe siècle // Montesquieu du Nord au Sud. Actes de la table ronde organisée à Paris les 29 et 30 janvier 1999. Textes réunis et présentés par J. Ehrard. Cahiers Montesquieu*. Napoli, Oxford, 2001, № 6. P.61-70.

смещением понятий, очевидно, и следует объяснять ошибочное определение формы государственного правления в России, допущенное автором «Духа законов».

В действительности, Штрубе не учел одну важную идею, высказанную Монтескье еще в «Персидских письмах». Рассуждая о европейских монархиях, Монтескье приходит к заключению о непостоянном характере этой формы правления. По мысли Монтескье, между разными формами правления – монархией и республикой, с одной стороны, и монархией и деспотией, с другой – грань довольно тонка. Используя терминологию автора «Персидских писем», монархия не может долго пребывать в чистом виде и очень скоро «перерождается» либо в деспотию, либо в республику³⁷⁵. Если монархия «перерождается» в деспотию, то этот тип деспотии не должно путать с тем, который можно наблюдать, например, в странах Азии. Действительно, как отмечает в своей статье «Заметки о Монтескье» Федор Васильевич Тарановский, Монтескье различает два вида деспотии: азиатского и европейского типа³⁷⁶. Отношение к свободе является общим критерием для обоих видов деспотии, между тем «азиатская» деспотия отличается от «европейской» наличием еще одного критерия – климатического. Ранее мы уже говорили о том, что Монтескье объясняет деспотическое правление в России не природой климата, но внешними факторами, а именно смешением разных народов и завоеваниями. Таким образом, Россию, как и некоторые другие европейские государства, следует относить к деспотиям европейского типа, или «переродившимся» монархиям³⁷⁷.

³⁷⁵ «Большая часть европейских правительств монархические, или, вернее, они так называются, ибо я сомневаюсь, существовали ли когда-нибудь действительно монархические правительства; во всяком случае, трудно допустить, чтобы они долго могли пребывать в чистом виде. Эта форма правления насильственная, и она скоро перерождается либо в деспотию, либо в республику: власть никогда не может быть поровну разделена между народом и государем; равновесие трудно сохранять: власть неизбежно уменьшается с одной стороны и соответственно увеличивается – с другой; но преимущество обычно бывает на стороне государя, ибо он стоит во главе армии». Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008. С.159.

³⁷⁶ Тарановский Ф.В. Заметки о Монтескье. Ярославль: типография Губернского правления, 1913.

³⁷⁷ Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922. С.198.

В отличие от Монтескье, Штрубе усматривает более четкие границы между различными формами правления и, согласно его классификации, Россию следует относить к абсолютным монархиям: «это абсолютная монархия, или гражданское государство, при котором народами правит один, согласно законам и установленным порядкам, которые государь полагает полезными для общего блага, и при этом не существует каких-либо условий или законов, которые ограничивали бы его могущество и власть в этом отношении; такое, каким была некогда Римская империя и каким являются в наши дни в Европе королевства Испании, Неаполя и Дании»³⁷⁸.

Прежде всего, обращает на себя внимание параллель с древним Римом. Действительно, в XVIII веке сравнение России с Римской империей нередко. В этом сравнении закономерно усматривать отзвуки сформировавшейся еще в Средние века концепции «Москва-третий Рим». Вместе с тем, в XVIII столетии идея приобретает новое звучание. После падения «второго Рима» – Византийской империи – в русском политическом сознании со второй половины XV века постепенно складывается представление об исключительной роли Руси как преемницы Византии³⁷⁹. Согласно этой идее, именно Российское государство должно было принять на себя одновременно роль центра христианства и мировой империи, утраченную Византией. Впоследствии религиозный аспект затухает, при Петре I на первый план выступает политический аспект и идея имперской мощи России, унаследованной ею через Византию от Римской империи³⁸⁰. Стремительное возвышение России в XVIII веке, обусловленное преобразовательной деятельностью Петра I, ее военная мощь естественным образом сопоставляются с величием Римской империи.

³⁷⁸ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.195-196.

³⁷⁹ Подробнее об этом см.: Стремоухов Д.Н. Москва - Третий Рим: источник доктрины (пер. с англ. по изд.: Speculum, 28/1, 1953. P.84-101) // Из истории русской культуры. Т.II. Кн.1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.425-441.

³⁸⁰ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва - третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья: Сборник статей. Москва, 1982. С.236-249.

Очевидно, что эта традиция была близка автору «Русских писем», сочиненных им в защиту интересов Российской империи, которой, по его собственному признанию, «до сих пор известно только могущество и величие»³⁸¹. Между тем, со второй половины XVIII века сравнение России с Римом как великой державой Античности уступает место новому образу. В литературе этой эпохи все чаще возникает параллель между Россией и Римской империей периода упадка, ускоренного тиранической властью монархов и развращением нравов. Таким образом, вставал вопрос о том, сколь долго Российская империя сможет сохранять свое могущество и не приведет ли абсолютная власть ее правителей к ее гибели, как это случилось некогда с Римом.

Приведем один любопытный пример критического взгляда на традиционно усматриваемую параллель между двумя империями. Известный португальский врач Антонио Нуньес Рибейро Санчес, находившийся на службе в России в течение продолжительных шестнадцати лет, с 1731 по 1747 год, в том числе, в качестве лейб-медика при императрице Елизавете Петровне³⁸², посвящает России немалое количество исследований³⁸³. В одной из его поздних неопубликованных работ, написанной в 1771 году и

³⁸¹ Strube de Piermont F. H. *Lettres russiennes*. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.5.

³⁸² Антонио Нуньес Рибейро Санчес (1699-1783), португальский врач, учился в Англии и Голландии, прежде чем оказаться в России, куда прибыл в 1731 году. Служил при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, затем был назначен лейб-медиком при Елизавете Петровне. После отъезда из России в 1747 году обосновался в Париже, где жил до самой смерти. Был почетным членом Петербургской Академии наук, откуда впоследствии был исключен по обвинению в исповедании иудейской веры. Восстановлен в звании при Екатерине II. Рибейро Санчес обладал широкой эрудицией, имел тесное знакомство с известными философами-энциклопедистами, сотрудничал с «Энциклопедией» Дидро и Д'Аламбера. Подробнее о нем см., напр.: Willemse D. *Antonio Nunes Ribeiro Sanches – élève de Boerhaave – et son importance pour la Russie*. Leiden, 1966.

³⁸³ Рибейро Санчес оставил около двух десятков работ, посвященных культурному, экономическому и социальному развитию России, а также проблеме образования российской молодежи. К сожалению, лишь некоторые из них сохранились полностью. Основная масса рукописей обращена к Ивану Ивановичу Бецкому, с которым Рибейро Санчес сошелся в 1741 году, и относятся к периоду после отъезда доктора из России. Его перу принадлежат: «Moyens pour conserver le commerce déjà établi en Russie, et pour le faire fleurir à perpétuité» (1766), «Traité sur le commerce de l'Empire de Russie» (1770), «Traité sur les moyens à augmenter le commerce en Russie» (s.d.), «Réflexions sur l'état désavantageux des Laboureurs de Russie, des Esclaves des Domaines et des Seigneurs...» (s.d.), «Sur la culture des sciences et des beaux-arts dans l'empire de Russie» (s.d.) и другие сочинения. Dulac G., avec la collaboration de M. Delouze. *Deux mémoires de Ribeiro Sanches sur la «civilisation» de la Russie (1765 et 1771) // Les archives de l'Est et la France des Lumières: guide des archives et inédits, sous la direction de G. Dulac et S. Karp. T.II: Inédits*. Ferny-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2007. P.433-493.

адресованной, как и многие другие, генералу Ивану Ивановичу Бецкому, Рибейро Санчес, живший тогда в Париже, касается актуальной для французской литературы второй половины XVIII века проблемы «цивилизации» России³⁸⁴. Автор рукописи³⁸⁵ признает исключительную роль Петра I в преобразовании России и превращении ее в мощную военную державу, чьи завоевания по своему размаху могут быть соизмеримы лишь с завоеваниями римлян. «А теперь сравним, – пишет Санчес, Россию, эту военную державу, созданную Петром Великим, не только сохранившую по сей день тот блеск, который и тогда приводил всех в восхищение, но и превосходящую по размаху завоеваний и побед все прочие примеры, что можно обнаружить в истории с давних времен, сравним эту военную державу с Римом...»³⁸⁶. Кстати, одним из основных источников сведений о Древнем Риме Санчесу послужили, очевидно, «Размышления о причинах величия и падения римлян» Монтескье, на которые он открыто ссылается в своем сочинении. Между тем, Санчес как будто допускает сомнение в том, что России и впредь удастся сохранить свое могущество: «... попробуем посмотреть в будущем, сможет ли первая (Россия) продержаться столь же продолжительное время, что и вторая (Рим), с тем блеском, который мы отметили»³⁸⁷. Действительно, Санчес находит причину, которая, по его

³⁸⁴ Проблема «цивилизации» России занимала, в частности, Дени Дидро. Как и Рибейро Санчес, Дидро и другие энциклопедисты связывали этот процесс, главным образом, с поселениями иностранцев в России. Роли иностранных поселений в процессе «цивилизации» России посвящены подробные исследования Жоржа Дюлака и Джанлуиджи Годжи: Goggi G., Dulac G. Diderot et l'abbé Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie // *Recherches sur Diderot et l'Encyclopédie*, № 14, 1993. P.23-83; Goggi G. Civilisation et expériences de référence: à propos de la genèse du fragment politique Sur la Russie // *Studi settecenteschi*, № 14, 1994. P.329-398; Goggi G. The Philosophes and the Debate over Russian Civilization // *A Window on Russia*, ed. Maria di Salvo, Lindsey Hughes. Roma: La Fenice Edizione, 1996. P.299-305; Goggi G. Diderot et le concept de la civilisation // *Dix-huitième siècle*, № 29, 1997. P.353-374; Дюлак Ж. Цивилизаторская политика и колонии в России по Рибейро Санчесу (1765-1766) // *Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquiuma 2-6 сентября 2001 г. Саратов, 2001. С.83-90*; Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель по Дидро // *Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquiuma 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.48-64.*

³⁸⁵ Фрагменты рукописи опубликованы в: Dulac G., avec la collaboration de M. Delouze. Deux mémoires de Ribeiro Sanches sur la «civilisation» de la Russie (1765 et 1771) // *Les archives de l'Est et la France des Lumières: guide des archives et inédits, sous la direction de G. Dulac et S. Karp. T.II: Inédits. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2007. P.433-493.* Рукопись, не имеющая оригинального названия, опубликована под заглавием, данным Жоржем Дюлаком: «Ивану Бецкому» («A Ivan Betskoï»).

³⁸⁶ Ibid. P.485.

³⁸⁷ Ibidem.

мнению, может помешать России удержать завоевания Петра, а именно незнание принципов гражданского государства. Иными словами, Санчес отказывает России в том, что послужило для Штрубе собственно основанием для сравнения между Российской и Римской империями. «Россия не сможет сохранить свое могущество и военное правление, если оно не будет покоиться на принципах гражданского, цивилизованного государства», – заключает автор и представляет свой политический проект под таким заглавием: «Какими способами возможно образовать гражданское государство в России как источник сельского хозяйства, народонаселения, торговли и наук».

Возвращаясь к критике «Духа законов» в «Русских письмах» Штрубе де Пирмона, обратим внимание на ряд других существенных расхождений в позиции двух авторов. Для Монтескье рабство, или, применительно к России, крепостное право, является одним из наиболее очевидных показателей деспотического правления. Штрубе, категорически отрицавший деспотический характер власти российских правителей, тем не менее, не пытается опровергнуть факт существования крепостного права в России. По мнению автора «Русских писем», рабство существовало во все времена и, как таковое, нисколько не противоречит ни законам разума, ни правилам справедливости³⁸⁸. Существование рабства, напротив, представляется Штрубе закономерным, а основанием к такому заключению служит идея о невозможности равенства. Действительно, как справедливо отмечает Коррадо Россо, представления о равенстве существенно отличаются у двух писателей. В то время как автор «Духа законов» полагает людей равными от рождения, Штрубе видит корни происхождения рабства в самой природе общества, которому чуждо равенство³⁸⁹. Используя выражение самого

³⁸⁸ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.28.

³⁸⁹ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. Suivies des notes de Catherine II. Introduction et bibliographie de C. Rosso, postface de C. Biondi. Pisa: La Goliardica, 1978. P.30. См. также: Rosso C. Mythe de l'égalité et rayonnement des Lumières. Pise: Libreria Goliardica, 1980.

Штрубе, «в нашем обществе должны быть люди, которые хотят быть в услужении, и люди, которые хотят, чтобы им прислуживали»³⁹⁰.

Впрочем, Монтескье не отрицает самого факта существования рабства в отдельных странах, которое, в соответствии с основными положениями своей теории климатов, писатель объясняет климатическими факторами: «Есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму...»³⁹¹. Когда речь идет о странах с жарким климатом, рабство представляется Монтескье менее противным разуму, потому что основано на естественных – климатических – причинах. В свою очередь, основанное на естественных причинах рабство закономерно получает в терминологии автора «Духа законов» наименование «естественного». Между тем, появление термина «естественное рабство» на страницах трактата, отмеченного резко критическим настроением по отношению к рабству и к любой форме проявления несвободы вообще, кажется Штрубе де Пирмону нелогичным, свидетельствуя о непоследовательности автора. Не скрывая своего возмущения, Штрубе говорит о своем противнике: «Кажется, он задумал доказать, что великий гений вправе уничтожать и вновь воссоздавать все, что ему вздумается»³⁹². Пародируя Монтескье, автор «Русских писем» выворачивает наизнанку его идею о бесполезности рабства. Идея Монтескье заключалась в том, что «естественное рабство» подходит для одних стран и бесполезно для других, потому что там нет такой работы, которую бы не могли выполнить свободные люди³⁹³. В ответ на это высказывание Штрубе

³⁹⁰ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.83.

³⁹¹ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.394-395.

³⁹² Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.76.

³⁹³ «Итак, область естественного рабства должна быть ограничена лишь некоторыми отдельными странами земного шара. Что же касается всех прочих стран, то, как бы ни были тяжелы работы, которые там требуются обществом, мне кажется, что все они могут быть выполнены свободными людьми». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.395.

заявляет, что не менее закономерным представляется обратное утверждение, а именно, будто свобода бесполезна в некоторых странах, поскольку в этих странах любую работу могут выполнить рабы³⁹⁴. Очевидно, идея полезности рабства была близка Штрубе, расценивавшему его как средство защиты определенной категории населения от опасности гибели, которой оно неизбежно подверглось бы на свободе. «Действительно, – говорит Штрубе, если рабство и лишает крепостного большого количества удобств и жизненных прекрас, если оно и ставит его в некотором смысле ниже прочих человеческих существ, взамен оно не дает ему погибнуть или жить еще более убого и позволяет сохранить все то, что самой природой было ему даровано»³⁹⁵.

Во второй части своей книги Штрубе переходит от общетеоретических рассуждений о деспотизме и рабстве к опровержению отдельных, подрывающих авторитет страны высказываний Монтескье о России. Впрочем, у автора «Русских писем» не всегда находится достаточно веских аргументов. Когда Монтескье говорит о том, что московское правительство хочет, но не может освободиться от деспотизма, потому что для этого имеются некие особые причины, Штрубе прячет свою реакцию под видом полного непонимания того, что имеет в виду его противник: «Признаюсь, я ничего в этом не понимаю. Оракулы и те не изъяснялись с большей неясностью»³⁹⁶. Автор лишь повторяет высказывавшуюся им неоднократно идею о том, что Россия никогда не была деспотическим государством. Против этого говорит лишь один факт, а именно то, что дух и нравы россиян в течение продолжительного времени пребывали в «состоянии несовершенства». Однако, по мнению Штрубе, эта особенность не отличает, но, напротив, роднит их с другими народами, которые также обладали несовершенными нравами, а единственное преимущество этих народов перед россиянами заключается лишь в том, что им посчастливилось избавиться от

³⁹⁴ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.82.

³⁹⁵ Ibid. P.27.

³⁹⁶ Ibid. P.216.

них прежде, чем это оказалось возможным в России³⁹⁷. В действительности, идея счастливой случайности, которая вывела европейские народы из мрака, приобщив их к наукам и искусству раньше россиян, была высказана задолго до Штрубе. Она получила довольно широкое распространение в литературе после того, как Петром I была произнесена известная речь о «круговороте наук и искусств». Эта речь приведена, в частности, в книге «Записки о нынешнем состоянии России или Московии» Фридриха Христиана Вебера, находившегося при дворе Петра в качестве Брауншвейг-Люнебургского резидента. По свидетельству Вебера, Петр говорил о распространении наук и искусств в Европе в следующих выражениях: «Историки полагают прежним вместилищем всех наук Грецию, откуда они, будучи изгнанными неизбежностью времени, распространились в Италии, а через некоторое время и по всей Европе [...]. Поляки, как и немцы, были погружены во мрак, в котором и мы жили до сих пор; но неусыпные заботы правителей заставили их открыть глаза и сделали их, наконец, хозяевами тех искусств и наук, обладанием которых прежде могла похвалиться одна только Греция. Теперь настал наш черед [...] (курсив мой)»³⁹⁸.

Очевидно, что Штрубе не разделял положения теории климатов Монтескье, полагая выводы о власти климата «оскорбительными и легкомысленными»³⁹⁹. Между тем, тот фрагмент «Духа законов», в котором автор связывает «возвращение» России в Европу при Петре I с властью климата, следует считать одним из наиболее благоприятных характеристик, данных Монтескье России. Напомним, что в этом фрагменте (кн. XIX гл. 14) Монтескье говорил о том, что «дикие» нравы допетровской России противоречили самой природе климата страны, по праву долженствовавшей считаться европейской. Именно в этой неизбежности возвращения России к исконным, европейским ценностям и сказывается власть климата. Идея об

³⁹⁷ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.213.

³⁹⁸ Weber F. Ch. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie. Paris: Pissot, 1725. Vol.1. P.23-24.

³⁹⁹ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.249.

исторической принадлежности России к европейскому континенту с энтузиазмом встретила императрица Екатерина II, которая в будущем сделает ее ведущей в своем «Наказе Комиссии о составлении проекта нового уложения». Штрубе, не увидевший в суждении Монтескье существенного аргумента в пользу своей идеи о недеспотической природе власти в России, в свою очередь, замечает: «Почти невозможно избежать того, чтобы не отклониться от правды, когда посредством абстрактных и общих наблюдений делают выводы о гении, нравах и нынешнем состоянии различных наций, населяющих землю»⁴⁰⁰. Вместе с тем, одно из наиболее значительных расхождений в вопросе о европеизации России касается личности самого Петра. В то время как Монтескье осуждает Петра за неоправданное использование грубых, или, по выражению самого автора «Духа законов», «тиранических» методов приобщения своего народа к европейской культуре, Штрубе, напротив, настаивает на их необходимости. Писатель оправдывает жестокость Петра закоренелостью дурных обычаев, для упразднения которых более мягкие меры было бы недостаточно. В частности, пример, о котором говорил Монтескье, предпочитая его принуждению, по мнению Штрубе, требует слишком продолжительного времени, чтобы принести хоть какие-то плоды. История и опыт других народов, напротив, показывают, что единственным верным способом искоренить дурные обычаи является суровость, в том числе наказаний, к которым во все времена прибегали даже самые мудрые и самые умеренные правители⁴⁰¹.

В своих работах, посвященных «Русским письмам», Коррадо Россо неоднократно подчеркивает критические достоинства книги⁴⁰². Между тем, исследователь находит позицию Штрубе де Пирмона по отношению к русскому самодержавию и крепостному праву слишком предвзятой и

⁴⁰⁰ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.247.

⁴⁰¹ Ibid. P.253.

⁴⁰² Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. Suivies des notes de Catherine II. Introduction et bibliographie de C. Rosso, postface de C. Biondi. Pisa: La Goliardica, 1978. P.30; Rosso C. Mythe de l'égalité et rayonnement des Lumières. Pise: Libreria Goliardica, 1980.

натянутой. По его мнению, пророссийский характер сочинения можно объяснить лишь тем обстоятельством, что Штрубе был обязан России своей карьерой. Россия, где Штрубе прожил большую часть своей жизни, в разные годы имея звание члена и неперменного секретаря Академии наук и занимая должность профессора юриспруденции и политики, а после увольнения из Академии – должность советника в Коллегии иностранных дел, действительно стала для Штрубе второй родиной. Впрочем, о действительных мотивах автора, взявшегося составлять опровержение на сочинение Монтескье, на сегодняшний день точных сведений нет. Даже не известно с точностью, можно ли считать 1760 год, когда «Русские письма» вышли из печати, также и годом их написания. Издатель сообщает об истории создания «Писем» следующее: «... друг, который любезно доверил мне их, заверил меня, что они были сочинены уже несколько лет назад и, очень вероятно, еще при жизни славного г-на де Монтескье, против которого они направлены; но что впоследствии к ним были сделаны кое-какие прибавления, главным образом, в примечаниях, сопровождающих их, возможно, с целью украсить, наконец, литературный мир»⁴⁰³. Если доверять сведениям, сообщенным в «Предуведомлении издателя», то написание книги следует относить еще к середине 1750-х годов. Существуют сведения о том, что в этот период Штрубе получает некоторые поручения от Академии. В частности, в конце 1754 года Штрубе якобы был поручен перевод «Похвального слова» Петру Ломоносова на французский язык⁴⁰⁴. Кроме того, в конце 1756 года академическая канцелярия привлекает Штрубе к изданию

⁴⁰³ Avertissement de l'éditeur // Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.3-4.

⁴⁰⁴ В «Материалах к биографии Ломоносова» П.С. Билярский приводит текст распоряжения за подписью Кирилла Григорьевича Разумовского: «Его Высокографское Сиятельство Академии Н. гдн Президент изволил приказать, чтоб сочиненную сов. и проф. гдном Ломоносовым на российском языке речь ... с российскаго перевести на французской язык гдну профессору Штрубе и по переводе напечатать сто экземпляров». Материалы для биографии Ломоносова, собранные экстраординарным академиком Билярским. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1865. С.277. Речь, чтение которой было запланировано на 19 декабря 1754 года, была произнесена на публичном заседании Академии наук 26 апреля 1755 года. Впоследствии был опубликован и ее французский перевод. Впрочем, перевод был осуществлен бароном Теодором-Анри де Чуди, секретарем Ивана Ивановича Шувалова, о чем свидетельствует запись на титульном листе: «Panégirique de Pierre le Grand prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26 Avril 1755, par Mr. Lomonosow Conseiller et Professeur de cette Académie; et traduit sur l'Original Rusien par Mr. Le Baron de Tschoudy».

газеты при Академии наук на французском языке⁴⁰⁵. Эти литературные проекты естественно вписываются в контекст пропагандистской политики русского двора, проводимой фаворитом императрицы Елизаветы Петровны Иваном Ивановичем Шуваловым и нацеленной на распространение благоприятного образа России в Европе, главным образом, во Франции. При этом основным орудием пропаганды выступали сами европейские писатели и журналисты – авторы «прорусских» сочинений, написанных по поручению русского двора⁴⁰⁶. Впрочем, у нас нет оснований утверждать, что «Русские письма» были написаны по заказу. Во всяком случае, на момент выхода книги из печати ее автор уже в течение нескольких лет был отстранен от деятельности Академии, которой отводилась ведущая роль в деле пропаганды.

Отметим, наконец, что практика литературных опровержений довольно широко распространена в XVIII веке, в частности в России. При этом к полемике привлекаются первые лица государства. Достаточно вспомнить, как Антиох Кантемир, в бытность послом русского двора в Лондоне, принимал деятельное участие в составлении опровержения на вышедшие в 1734 году «Московские письма» Франческо Локателли⁴⁰⁷. Позднее, в 1770-е годы, сама Екатерина II будет работать над составлением опровержения на книгу французского астронома аббата Шаппа Д'Отроша «Путешествие в Сибирь» (1768), содержащую нелестные отзывы о крепостном праве, деспотическом образе правления российских монархов, а также и о самом

⁴⁰⁵ Поначалу Штрубе отказывается от поручения, но затем подает записку, в которой просит прибавки жалования, назначения помощника в издании газеты, именного повеления о возложении на него обязанности издателя, а также права самостоятельного выбора статей для газеты, поскольку не желает выполнять функцию простого переводчика. Под угрозой отставки все же принимает на себя издание газеты, чем продолжает заниматься до июня 1757 года, когда вторично отказывается от обязанности, за что и будет уволен из Академии в сентябре того же года. Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. СПб: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870, т. 1. С.685-686.

⁴⁰⁶ Наиболее известный случай связан с именем Вольтера, написавшего свою «Историю России при Петре Великом» (1759) по заказу Ивана Ивановича Шувалова. Об этом см.: Rzheutskij V.S. Image de la Russie en Europe: Ivan Chouvalov et son réseau français // L'image de l'étranger, éd. A. Stroev. Paris: Institut d'études slaves, 2010. P.47-69.

⁴⁰⁷ См. с.48-49 данной работы.

характере русского народа⁴⁰⁸. В результате этой работы на свет появится сочинение, известное под заглавием «Антидот, или Изыскание по поводу плохой, но прекрасно изданной книги, носящей название “Путешествие в Сибирь”» (1770)⁴⁰⁹.

Сочинения Монтескье становились объектом полемики не только в России, но также и в других странах, чей негативный образ писатель создал на страницах своих произведений. На одном из таких примеров мы хотели бы остановиться несколько подробнее. Приблизительно в то же время, когда в России Штрубе де Пирмон работает над своими «Русскими письмами», направленными против трактата «О духе законов», испанец Хосе Кададьсо⁴¹⁰ составляет опровержение на письмо LXXVIII «Персидских писем», в котором Испания изображена как страна праздности, невежества и религиозного фанатизма⁴¹¹. Так, незадолго до написания «Марокканских писем» (1773-1774), образцом для которых послужат те же «Персидские письма», Кададьсо занимает позицию противника Монтескье во имя интересов своей страны. «Защита испанской нации против «персидского письма LXXVIII» Монтескье» (1766) должна была стать первой попыткой разоблачения негативного образа Испании, созданного Монтескье в его романе, однако впервые сочинение было опубликовано лишь в XX веке⁴¹².

Помимо общей задачи, сочинения Штрубе и Кададьсо имеют также несколько любопытных типологических сходств. При значительно меньшем по сравнению с «Русскими письмами» объеме, «Защита» Кададьсо имеет

⁴⁰⁸ О «Путешествии в Сибирь» Шаппа Д'Отроша и его рецепции в России подробнее см.: Элькина И. М. Шапп Д'Отрош и его книга «Путешествие в Сибирь» // Вопросы истории СССР. М., 1972, с. 361-388; Элькина И. М. Французские просветители и книга Шаппа Д'Отроша о России // Вестник МГУ, серия IX: История, 1973, вып.6. С.24-36; Carrère d'Encausse H. L'Impératrice et l'Abbé: un duel littéraire inédit entre Catherine II et l'Abbé Chappe d'Auteroche. Paris: Fayard, 2003.

⁴⁰⁹ Antidote ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Siberie, fait par ordre du roi en 1761, contenant les mœurs, les usages des Russes et l'état actuel de cette puissance... : à Paris, chez Debure père, 1768 / Par m. l'abbé J. Chappe d'Auteroche. Amsterdam: M.M. Rey, 1771.

⁴¹⁰ Хосе Кададьсо и Васкес (1741-1782), испанский писатель-просветитель. В юности много путешествовал по Европе, в том числе по Франции. По возвращении в Испанию поступил на службу в королевскую армию, дослужился до чина полковника. Известен как автор эпистолярного романа «Марокканские письма» (1773-1774), впервые опубликованного посмертно, в 1789 году.

⁴¹¹ Подробнее об этом см., напр.: Matthey C. L'ombre et les Lumières: une vision française de l'Espagne au XVIIIe siècle // Dix-huitième siècle, №40, 2008. P.413-430.

⁴¹² Cadalso J. Defensa de la nación española contra la «Carta Persiana LXXVIII» de Montesquieu. Edición de Rafael Herrera Guillén para la Biblioteca Saavedra Fajardo. Murcia: BSF, 2006.

схожую структуру, а именно включает общие сведения об Испании, призванные прояснить особенности испанского характера, за которыми следует критический анализ конкретных фрагментов «испаноненавистнического» письма. Как и Штрубе, автор «Защиты» выражает недоумение тем, что подобная «непотребная клевета», какую содержит в себе письмо LXXVIII, исходит из-под пера столь ученого и уважаемого писателя, и обвиняет Монтескье в том, что он плохо отзывается об Испании, не имея «ни малейшего знания о ее истории, религии, законов, обычаев и природы»⁴¹³. В свою очередь, Кададьсо ставит перед собой задачу реабилитировать образ Испании в глазах европейцев путем разъяснения отдельных особенностей национального характера и явлений испанской действительности. В частности, наиболее пространным комментарием снабжен пассаж об Инквизиции – одной из основных составляющих критического образа Испании у Монтескье, как крепостное право применительно к России. Как помним, Штрубе оправдывал крепостное право неизбежным неравенством людей, рассматривая его более как благо для той части общества, которая представляется наименее защищенной. Кададьсо оправдывает Инквизицию как защитный механизм христианской религии. Инквизиция, по словам автора «Защиты», «следит за тем, чтобы в Испании господствовала только одна вера, тем самым, она препятствует многочисленным бедствиям, которые были вызваны в других странах разнообразием религий и которые были бы еще более опасны в Испании»⁴¹⁴.

II.4. От «Русских писем» Штрубе де Пирмона к «Наказу» Екатерины II

Великой княгине Екатерине Алексеевне, будущей императрице Екатерине II, текст «Русских писем» был знаком. Об этом свидетельствуют собственноручные замечания великой княгини, оставленные ею на полях книги. Как и следует ожидать, замечания написаны на французском языке –

⁴¹³ Cadalso J. Defensa de la nación española contra la «Carta Persiana LXXVIII» de Montesquieu. Edición de Rafael Herrera Guillén para la Biblioteca Saavedra Fajardo. Murcia: BSF, 2006. P.6-7.

⁴¹⁴ Ibid. P.24.

как и само опровержение на трактат Монтескье. Сегодня этот экземпляр «Русских писем», обнаруженный в начале XX столетия известным исследователем русской литературы Александром Николаевичем Пыпиным, хранится в собрании Российской национальной библиотеки⁴¹⁵. Характер оставленных Екатериной на полях книги замечаний не позволяет судить о том, было ли ей известно имя автора, и когда именно книга попала ей в руки. Очевидно лишь то, что «Русские письма» вызвали крайнее раздражение будущей императрицы, отразившееся, в частности, в пренебрежительном наименовании «опровергателя», использованном ею по отношению к автору. Екатерина неодобрительно отнеслась к самой идее книги, представляющей собой опровержение одного из наиболее чтимых ею авторов⁴¹⁶: «Наш опровергатель не заслуживает, чтобы его именовали как-нибудь иначе, у него нет ни таланта, ни знания, ни опыта, крайне возмутительно мериться силами с господином Монтескье...»⁴¹⁷. Таким образом, критика представлений Монтескье о России как о стране деспотизма и рабства, предпринятая Штрубе де Пирмоном на страницах его «Русских писем», становится объектом критики самой будущей Екатерины II.

Многочисленные заметки на полях позволяют составить некоторое представление о том, какую позицию занимала Екатерина в отношении проблемы деспотизма и крепостного права в России незадолго до восшествия на престол. В первую очередь на себя обращает внимание реакция великой княгини на определение формы правления в России, данное автором «Русских писем». Как помним, Штрубе полагал обвинения в деспотизме,

⁴¹⁵ Впервые выписки из «Русских писем», сопровождаемые замечаниями Екатерины II, были опубликованы А.Н. Пыпиным в «Вестнике Европы» за 1903 год. См: Пыпин А.Н. Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы, 1903, №5. С.272-300. В 70-е годы XX века вышло репринтное издание «Русских писем» с замечаниями Екатерины II, под редакцией Корrado Рocco. См.: Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. Suivies des notes de Catherine II. Introduction et bibliographie de C. Rosso, postface de C. Biondi. Pisa: La Goliardica, 1978.

⁴¹⁶ Исследователи жизни и творчества Екатерины II сходятся во мнении, что из всех великих умов XVIII столетия она больше всех сочувствовала именно Монтескье. В частности, Альфред Николя Рамбо, французский историк и государственный деятель XIX века, отмечал, что, в отличие от расчетливой переписки с другими писателями Франции, «благоговение ее к памяти Монтескье вполне безкорыстно». См.: Рамбо А. Императрица Екатерина Вторая в переписке с иностранцами (извлечено из книжек *Revue des deux mondes*, от 15 января и 15 февраля 1877 года) // Русский архив, М.: тип. Лебедева, 1877, кн.2. С.269-293.

⁴¹⁷ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.216.

предъявляемые Монтескье русским правителям, несправедливыми, ибо, по выражению самого Штрубе, их власть не является «собственно деспотической» («gouvernement despotique proprement dit»), но «истинно монархической» («véritable monarchie»). Свое отношение к такому сознательному внесению терминологической неясности Екатерина выразит следующими словами: «Сударь спорит из-за слова, но не из-за самой вещи»⁴¹⁸. Этой, казалось бы, незначительной фразой будущая императрица подтверждает критическую позицию Монтескье по отношению к политическому устройству России. При этом позиция Екатерины обнаруживает преемственность идей автора «Духа законов» не только в самом определении формы правления России как деспотической, но и в пояснении причин ее возникновения и устойчивости.

Как говорилось выше, Монтескье усматривал прямую взаимосвязь между размерами государства и установленной в нем формой правления. Следовательно, именно обширную территорию, занимаемую Российской империей, Монтескье полагал той самой «особой причиной», которой объясняется необходимость деспотического правления в России и невозможность иной формы правления. К такому же заключению должна была прийти и Екатерина, которая, очевидно, уже после полного прочтения «Русских писем», оставит на заднем форзаце книги следующую запись: «Столь обширная империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней была установлена какая-нибудь иная форма правления, помимо деспотизма, поскольку только один может с необходимой быстротой отреагировать на нужды отдаленных провинций, всякая иная форма правления нарушила бы промедлением эту работу, которая придает жизнь всему. Посему будем молить Бога о том, чтобы он даровал нам разумных правителей, которые

⁴¹⁸ Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.197.

подчинялись бы законам и творили их лишь по зрелом размышлении и исключительно с целью благополучия своих подданных»⁴¹⁹.

Очевидно, что, по крайней мере, в те годы, на которые пришлось ее знакомство с книгой Штрубе, Екатерине была не менее близка позиция Монтескье по вопросу рабства. Порабощение себе подобного представляется ей не только противным самой природе и морали, но, как следствие, может иметь крайне негативное воздействие на нравы нации в целом. В главе «О гражданском рабстве» (кн. XV гл. I) трактата «О духе законов» говорится: «Оно дурно по самой своей природе; от него нет пользы ни рабу, ни господину: первому – потому, что он ничего не может делать по внушению добродетели, второму – потому, что он усваивает всевозможные дурные привычки, незаметно привыкает пренебрегать всеми нравственными добродетелями, становится гордым, нетерпеливым, суровым, гневным, сладострастным, жестоким»⁴²⁰. В то время как Штрубе выражает свое принципиальное несогласие с Монтескье, Екатерина, напротив, отмечает на полях, что находит идею справедливой⁴²¹. Рассуждения Штрубе, усматривавшего между поддержанием добрых нравов, в частности сокращением преступности, и существованием рабства прямую зависимость, не выдерживают критики. В качестве примера автор «Русских писем» вновь обращается к опыту Римской империи, которая, по его словам, дала миру огромное количество выдающихся людей, невзирая на то, что практика порабощения имела в Риме самые жестокие формы. Екатерина, в свою очередь, вновь уличает Штрубе в словесной подмене и дает решительное опровержение его спорной идее: «Выдающийся и добродетельный не являются синонимами, – записано Екатериной на полях. Страх может

⁴¹⁹ Strube de Piermont F.H. *Lettres russiennes*. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. S.p.

⁴²⁰ Montesquieu Ch.-L. *De l'Esprit des Lois*. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.389.

⁴²¹ « Cela est très vrai cependant ». Strube de Piermont F.H. *Lettres russiennes*. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.33.

уничтожить преступность, но он уничтожает и добродетель. Кто не осмеливается думать, тот может лишь пресмыкаться»⁴²².

Еще более резкую оценку Екатерины вызвал тот фрагмент «Русских писем», в котором Штрубе, извращая логику Монтескье, выдвигал предположение о «бесполезности» свободы. Согласно этой идее, следовало полагать, что в некоторых странах нет нужды в свободных людях, поскольку рабы в состоянии сами справиться с любой работой. Екатерина сочла подобные рассуждения настоящей апологией рабства, о чем и записала на полях: «Древний грек или римлянин сказал бы, что эта книга – позор для человеческого разума, восхваление рабского состояния! Отчего же автор сам не продаст себя в рабство?»⁴²³.

Кажется, что проблема рабства в целом и зависимого положения русских крестьян в частности продолжала искренне волновать Екатерину и в первые годы ее царствования. Так или иначе, в этот период ею была открыта первая в России публичная дискуссия по вопросу о возможном освобождении крестьян. Речь идет об известном конкурсе Вольного экономического общества⁴²⁴ о крестьянской собственности, проходившем в 1766-1767 годах. Напомним, что участникам конкурса предлагалось представить мнение по вопросу: «Для пользы общества, в чем состоять долженствует собственность земледельца, в недвижимом ли или в движимом, или в обоих, и какое он на то или на другое иметь может право?»⁴²⁵. Вероятно, проведение подобного конкурса было вызвано, в том числе, необходимостью оценить реальную возможность освобождения

⁴²² « Illustre et vertueux ne sont point synonymes (sic). La peur peut abbatre (sic) le crime, mais elle abbat (sic) la vertu aussi. Qui n'ose penser n'ose que ramper ». Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760. P.35.

⁴²³ « Un ancien Grec ou Romain auroit dit que ce livre est l'opprobre de l'esprit humain, l'éloge de la servitude ! Et pourquoy l'Auteur ne se (sic) vend il pas pour esclave ? ». Ibid. P.82.

⁴²⁴ «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства» было основано в Петербурге в 1765 году. Общество, в которое входили высшие государственные сановники и приближенные ко двору лица, находилось под покровительством Екатерины II.

⁴²⁵ Цит. по: Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 году) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. Памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, ИВИ РАН, 2001. С.37-99. Эта проблема подробно изучена, в частности, Василием Ивановичем Семевским. См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России. Т.1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб, 1888.

крестьян в России, невзирая на то, что, как справедливо отмечает Владимир Александрович Сомов, расчет Екатерины был, главным образом политический. По мнению исследователя, конкурс был призван привлечь внимание европейской общественности к «просвещенной политике» русской императрицы и тем самым способствовать распространению благоприятного образа России в Европе⁴²⁶.

Действительно, наиболее активное участие в конкурсе приняли именно европейские авторы⁴²⁷, а главная награда досталась французскому сочинению, принадлежащему перу доктора гражданского и канонического права Беарде де Л'Аббея. Автор сочинения призывал к осторожности, советовал сначала дать крестьянам в собственность движимое имущество и лишь потом — маленькие участки земли, и тем самым отложить отмену крепостного права на отдаленное будущее⁴²⁸. Все прочие сочинения открыто указывали на необходимость освобождения крестьян и, таким образом, представлялись слишком смелыми. Сочинение де Л'Аббея, сопровождаемое девизом «В пользу свободы вопиют все права, но есть мера во всем»⁴²⁹, очевидно, более других соответствовало общему настроению русского общества.

О том, каким самой Екатерине виделось отношение ее современников к крепостному праву, свидетельствует любопытная запись императрицы в ее автобиографических записках. Вспоминая о событиях, относящихся еще к 1750-м годам, Екатерина пишет, в частности, что «наклонность к деспотизму» прививается «с самого нежного возраста к детям, которых видят с какой жестокостью родители обращаются со своими слугами», теми, кого

⁴²⁶ Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 году) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. Памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, ИВИ РАН, 2001. С.37-99.

⁴²⁷ Всего пришло 162 ответа (129 на немецком языке, 21 на французском, 7 на русском, 3 на латинском, 1 на голландском и 1 на шведском).

⁴²⁸ Бартлетт Р. Поселение иностранцев в России при Екатерине II и проект об освобождении русских крестьян // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.8-11.

⁴²⁹ Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 году) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. Памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, ИВИ РАН, 2001. С.37-99.

«природа поместила в этот несчастный класс, который не смог бы без преступления разбить свои оковы»⁴³⁰. В «Записках» Екатерина упоминает, между прочим, и комиссию для составления нового уложения, заседания которой, как известно, совпали с проведением конкурса о крестьянской собственности и на которой также затрагивались вопросы, относящиеся к проблеме положения крепостных крестьян. По ее словам, подозревая, что обсуждение подобных вопросов может повлечь за собой улучшение состояния крепостных крестьян, дворянство, в том числе и «самые гуманные» его представители, принялось «неистово и страстно» защищать крепостную зависимость⁴³¹. «Я полагаю, – резюмировала Екатерина, что не нашлось бы и двадцати лиц, которые думали тогда об этом предмете гуманно и как люди. А в 1750 году их было, конечно, еще менее, и я полагаю, что мало людей в России, которые хотя бы подозревали, что для слуг могло бы быть другое состояние, нежели рабство»⁴³².

Между тем, в 1767 году из печати выходит знаменитый «Наказ» Екатерины II, данный Комиссии по составлению проекта нового уложения. История этого текста достаточно хорошо изучена⁴³³. «Наказ» известен, прежде всего, тем, что содержит многочисленные заимствования из трактата Монтескье «О духе законов», основного источника текста. В пользу этого общепризнанного утверждения говорит, в частности, тот факт, что среди бумаг, относящихся к истории составления «Наказа», имеется тетрадь, содержащая, помимо прочего, пересказ «Духа законов» с

⁴³⁰ Автобиографические записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Академией наук. М., 1908. С.147.

⁴³¹ Екатерина имеет в виду графа Александра Сергеевича Строганова: «Не видели ли мы разве, как даже гр. Александр Сергеевич Строганов, человек самый мягкий и в сущности самый гуманный, у которого сердечная доброта граничит со слабостью – и этот, говорю, защищал неистово и страстно крепостную зависимость, что должен бы отрицать весь склад его сердца!». Автобиографические записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Академией наук. М., 1908. С.147.

⁴³² Там же. С.148.

⁴³³ Об источниках «Наказа» см., напр.: Чечулин Н.Д. Источники «Наказа» // Журнал Министерства Народного просвещения, март-апрель 1902. С.279-290; Brown A.H. S.E. Desnitski, Adam Smith, and the «Nakaz» of Catherine II // Oxford Slavonic Papers, New Series, 7, 1974. P.51-59; Plavinskaia N.Y. Catherine II ébauche le «Nakaz»: premières notes de lecture de «L'Esprit des lois» // Revue Montesquieu, 1998, № 2. P.67-88; Плавинская Н.Ю. Новые сведения о французских источниках «Наказа» Екатерины II // Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып.2. М.: Наука, 1998. С.8-19.

собственноручными замечаниями императрицы⁴³⁴. Текст датируется январем-маем 1765 года и имеет заглавие «Материалы, перевод которых находится в Сенате и которые послужили для составления наказа Комиссии о составлении проекта уложения»⁴³⁵. К 1765 году относится и известное письмо Екатерины к Д'Аламберу с уведомлением об отправке ему «некой тетради», очевидно, чернового варианта будущего «Наказа», из которой, по ее словам, можно видеть, как она «на пользу ... империи, обобрала президента Монтескье, не называя его»⁴³⁶. Наконец, известны также слова Екатерины, содержащиеся в более позднем письме к Фридриху II о том, что в ее «Наказе» лично ей принадлежит «только распределение предметов по статьям и в разных местах то строчка, то слово», в то время как «большая часть извлечена из: Духа Законов президента Монтескье, и из сочинения: О преступлениях и наказаниях маркиза Беккариа»⁴³⁷. Так или иначе, исследователи полагают, что, по меньшей мере, 293 из 526 статей «Наказа» были заимствованы Екатериной у Монтескье⁴³⁸.

«Наказ» являет собой оригинальный пример рецепции творчества Монтескье. В то время как авторы и комментаторы русских переводов Монтескье, а также авторы опровержений наподобие «Русских писем»

⁴³⁴ На этот документ, хранящийся в архиве Академии наук, указывает в одной из своих статей, посвященных «Наказу», Надежда Юрьевна Плавинская. Подробнее об этом см.: Plavinskaia N.Y. Catherine II ébauche le «Nakaz»: premières notes de lecture de «L'Esprit des lois» // *Revue Montesquieu*, 1998, № 2. P.67-88.

⁴³⁵ «Materiaux dont les traductions sont dans le Senat et qui ont servi pour composer l'instruction de la Commission établie pour faire le projet des loix».

⁴³⁶ «Je voulais y joindre certain cahier, mais il a fallu du temps pour le rendre *raisonnable* et encore n'est il pas achevé. Si vous l'approuvez, j'en serai contente. Vous y verrez comme pour l'utilité de mon empire j'ai pillé le président de Montesquieu sans le nommer : j'espère que si de l'autre monde il me voit travailler, il me pardonnera ce plagiat pour le bien de vingt millions d'hommes qui en doit résulter. Il aimait trop l'humanité pour s'en formaliser, son livre est mon bréviaire. Voilà, Monsieur, un exemple du destin qu'ont les livres des hommes de génie, ils servent au bien être du genre humain...». Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Д'Аламберу с похвалами сочинениям Монтескье и уверением, что сочинения Д'Аламбера послужат на благо человечеству (1765) // *Сборник русского исторического общества*, т. 10, СПб, 1872. С.31.

⁴³⁷ «Votre Majesté n'y trouvera rien de nouveau, rien qu'Elle ne sache, Elle verra que j'ai fait comme le corbeau de la fable qui se fit un habit des plumes de paon. Il n'y a dans cette pièce de moi que l'arrangement des matières et par-ci par-là une ligne, un mot, si on rassemblait tout ce que j'y ai ajouté, je ne crois pas qu'il y eût au delà de deux ou trois feuilles. La plus grande partie est tirée de l'Esprit des lois du président de Montesquieu, et du Traité des délits et des peines du marquis Beccaria». Императрица Екатерина II королю Фридриху II (17 октября 1767) // *Сборник императорского русского исторического общества*, т. 20, СПб, 1877. С.236.

⁴³⁸ Таково мнение Николая Дмитриевича Чечулина. См.: Чечулин Н.Д. Источники «Наказа» // *Журнал Министерства Народного просвещения*, март-апрель 1902. С.279-290. Энтони Лентин насчитывает 294 статьи. См.: Lentin A. «Une âme républicaine»? Catherine, Montesquieu, and the nature of government in Russia: the «Nakaz» through the eyes of M.M. Shcherbatov // *Философский век. Альманах. Вып.11. Екатерина и ее время: Современный взгляд*, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский центр изучения истории идей, 1999. С.79-96.

Штрубе исходили из убеждения в необходимости «исправить» образ России, созданный писателем в его двух основных сочинениях, Екатерина, напротив, как будто оставляет без внимания его критические высказывания о России. Гораздо более существенный интерес для нее представляют общетеоретические размышления автора «Духа законов». Исключение составляет лишь четырнадцатая глава книги XIX трактата, в которой излагаются аргументы в пользу исторической принадлежности России к европейской цивилизации. Высказывание Монтескье о том, что Россия является европейской страной, вынесено Екатериной в отдельную статью⁴³⁹ и является ключевым в «Наказе». Аргументами ей послужат собственно теоретические размышления Монтескье, которые она обернет в пользу России и в пользу утверждения о ее европейском характере. В отличие от «опровергателей» Монтескье, нападавших на писателя за критические отзывы о России, Екатерина, наоборот, использует текст Монтескье в целях создания благоприятного образа своей страны в Европе.

Действительно, необходимо учитывать определенный расчет Екатерины при составлении «Наказа». Помимо внутреннего использования – «для преобразования законов России», как сказано в цитированном выше письме Екатерины к Фридриху II⁴⁴⁰ – «Наказ» был также предназначен для распространения в Европе. Текст был переведен на девять языков мира, в том числе и на восточноевропейские языки⁴⁴¹. Отдельные экземпляры были отправлены Екатериной ее «просвещенным» корреспондентам в Европе – Фридриху II в Пруссию, Вольтеру во Францию. Распространяя в ученой среде Европы свой «Наказ», бывший в известной степени слепком с собственно европейской просветительской мысли, Екатерина не просто

⁴³⁹ «Россия есть Европейская держава» (статья 6). Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М.: печатан при Сенате, 1767. С.2.

⁴⁴⁰ «... l'Instruction que j'ai donnée pour la réformation des lois de la Russie». Императрица Екатерина II королю Фридриху II (17 октября 1767) // Сборник императорского русского исторического общества, т. 20, СПб, 1877. С.236.

⁴⁴¹ Butler W. The Nakaz of Catherine the Great // American Book Collector, XVI, № 5, 1966. P.19-21.

подтверждала успех идей Просвещения в России⁴⁴². Этот жест, очевидно, был призван доказать, что в самом процессе распространения идей Просвещения страны Западной Европы, в первую очередь Франция, не имеют перед Россией никаких преимуществ.

В том же письме к Фридриху II, в котором Екатерина раскрывала основные источники «Наказа», содержится любопытное замечание, позволяющее сделать заключение о наличии существенных расхождений между русской и прочими версиями «Наказа». По ее словам, «русский *подлинник* был смягчаем, исправляем, приноровляем по возможности к местным условиям» (курсив мой)⁴⁴³. Екатерина говорит о «русском подлиннике», между тем, «Наказ» первоначально был составлен на французском языке и лишь затем переведен на русский и в таком виде впервые опубликован в 1767 году. Кроме того, собственно основанием для текста «Наказа» послужило сочинение французского автора, поэтому естественно предположить, что именно французская версия «Наказа» является более точной и более соответствующей действительному образу мыслей императрицы⁴⁴⁴. Первый официальный французский перевод «Наказа», вышедший в России в 1769 году, таким образом, представляет собой обратный перевод с русского на французский язык. Характерно, что при обратном переводе некоторые ключевые понятия, имеющие отношение к политическому устройству России, вновь были «адаптированы». Мы воспользуемся этим последним изданием для сопоставления его с русской версией.

В первую очередь, обратим внимание на уклонение автора от употребления термина «деспотизм» и синонимичных ему слов и выражений.

⁴⁴² Об этом см., напр.: Ghervas S. La réception de «L'Esprit des lois» en Russie: histoire de quelques ambiguïtés // Le temps de Montesquieu. Actes du colloque international de Genève (28-31 octobre 1998), publiés par M. Porret et C. Volpillac-Augier. Genève: Droz, 2002. P.391-404.

⁴⁴³ « L'original Russe ayant été mitigé, corrigé, accommodé à la possibilité et au local... ». Императрица Екатерина II королю Фридриху II (17 октября 1767) // Сборник императорского русского исторического общества, т. 20, СПб, 1877. С.237.

⁴⁴⁴ Madariaga I. de. Catherine II and Montesquieu between Prince M.M. Shcherbatov and Denis Diderot // Politics and Culture in Eighteenth Century Russia: Collected Essays by Isabel de Madariaga, London, New York: Longman, 1998. P.235-261.

Во французском тексте идея деспотического правления чаще всего передается с помощью слов «tyrannie» и «tyrannique». Приведем пример из статьи 89: «Que s'il se trouve des Païs, où la honte ne soit pas une suite du Supplice, cela vient de la tyrannie qui a infligé les mêmes peines aux scélérats et aux gens de bien»⁴⁴⁵ («Если найдутся такие Области, где стыд не был бы следствием Казни, причиной тому тираническая власть, которая налагала одинаковые наказания на преступников и на порядочных людей»). Непосредственно слово «тиранский» в русской версии встречается лишь единожды, в иных случаях, в том числе и в приведенной статье 89, оно подменено менее конкретным словом «мучительский»: «И естли (sic) где сыщется такая область, в которой бы стыд не был следствием казни: то сему причиною мучительское владение, которое налагало те же наказания на людей беззаконных и добродетельных»⁴⁴⁶.

Похожим образом обстоит дело с теми фрагментами «Наказа», которые имеют отношение к проблеме крепостного права. Как в русской, так и во французской версии средства для передачи идеи неравенства между людьми довольно разнообразны. В частности, в русском тексте употреблены такие слова как «покорность» (и другой вариант: «покорство»), «служить», «подвластный», «приводить в неволю» и собственно «рабство». Пожалуй, за исключением последних двух выражений, которые имеют во французском тексте довольно точные эквиваленты — соответственно «rendre serf» и «servitude», все прочие слова и выражения переведены таким образом, что во французской версии оказывается гораздо более ярко выраженной идея не просто неравенства, но именно зависимого положения одной категории людей от другой. Так, слово «покорность» переводится как «dépendance» («зависимость»), «покорство» — как «sujétion» («подчинение»), «служить» — как «obéir» («подчиняться»). «Обязаны Мы, — пишет Екатерина в статье 252, состояние и сих подвластных облегчать, сколько здравое разсуждение

⁴⁴⁵ Instruction de Sa Majesté Impériale Catherine II, pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de loix. SPb: De l'Imprimerie de l'Académie des sciences, 1769. P.22.

⁴⁴⁶ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М.: печатан при Сенате, 1767. С.20.

дозволяет»⁴⁴⁷. Во французском переводе состояние зависимости конкретизировано притяжательным местоимением: «nous sommes tenus d'adoucir, autant que la saine raison le permet, le sort de ceux qui vivent dans *notre* dépendance»⁴⁴⁸ («мы обязаны смягчить, насколько позволяет здравый смысл, участь тех, кто живет в *нашей* зависимости»).

Как и следовало предполагать, наиболее затруднительными для перевода оказались слова и выражения, служащие для обозначения формы правления в России. В русском тексте для этого используется термин «самодержавие» (а также производные от него: «самодержавное правление», «самодержавство») и реже – «единоначалие». В статье 9 «Наказа» сказано, что «Государь есть самодержавный»⁴⁴⁹. «Пространное государство, – поясняет Екатерина в следующей статье, предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит что бы (sic) скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление отдаленностию мест причиняемое»⁴⁵⁰. Заметим, что эта мысль о взаимозависимости формы правления и размеров территории страны ранее уже была зафиксирована Екатериной в ее экземпляре «Русских писем». Впрочем, тогда речь шла о том, что для обширного государства свойственна деспотическая – а не самодержавная – власть. Наконец, сам Монтескье, у которого Екатерина заимствовала эту фразу, имел в виду не что иное, как деспотическую власть⁴⁵¹. Использованное в приведенных выше статьях «Наказа» русское «самодержавный» передано во французском переводе с помощью слова «souverain». Однако впоследствии для обозначения понятий «самодержавный» и «самодержавие» используются другие слова – соответственно «monarchique» и «monarchie». «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя», – говорится

⁴⁴⁷ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М.: печатан при Сенате, 1767. С.72.

⁴⁴⁸ Instruction de Sa Majesté Impériale Catherine II, pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de loix. SPb: De l'Imprimerie de l'Académie des sciences, 1769. P.72.

⁴⁴⁹ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М.: печатан при Сенате, 1767. С.3.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Cf.: « Un grand empire suppose une autorité despotique dans celui qui gouverne. Il faut que la promptitude des résolutions supplée à la distance des lieux où elles sont envoyées ». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Loix. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.258.

в русской версии «Наказа» (статья 15). Во французском переводе фраза выглядит следующим образом: «L'objet et la fin des Gouvernements Monarchiques est la gloire des Citoyens, de l'Etat et du Souverain»⁴⁵² («Цель и намерение Монархических правлений есть слава Граждан, Государства и Государя»). Между тем, русскому слову «самодержавие» во французском языке соответствует слово «autocratie», тем не менее, ни разу не использованное переводчиком.

Обратим внимание и на то, что в русском тексте из трех элементов целого – граждан, государства и государя – только последний обозначен с большой буквы. Иначе обстоит дело во французском переводе, где все три элемента обозначены с большой буквы и, следовательно, представлены как равноправные. Эти как будто незначительные трансформации имеют, тем не менее, принципиальное политическое значение и наблюдаются также в других переводах, осуществленных при участии Екатерины. Речь идет, в первую очередь, об известном переводе на русский язык «Велизария» Жана Франсуа Мармонтеля, опубликованном осенью 1768 года⁴⁵³, приблизительно в тот же период, когда происходила работа над французским переводом «Наказа». Достоверно известно, что Екатерине принадлежит перевод одной из шестнадцати глав книги (глава IX), однако, как замечает Жан Брейар в своей статье, посвященной русскому переводу «Велизария», участие императрицы не ограничивается одним переводом главы IX, но заключается также в редактировании всей совокупности текстов⁴⁵⁴. В русском переводе «Велизария» такое понятие как «народ», «нация» («nation») также обозначено с маленькой буквы, в то время как в тексте оригинала это слово прописано с большой⁴⁵⁵.

⁴⁵² Instruction de Sa Majesté Impériale Catherine II, pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de loix. SPb: De l'Imprimerie de l'Académie des sciences, 1769. P.5.

⁴⁵³ Мармонтель Ж. Ф. Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской Академии, переведен на Волге. М.: печатан при Императорском Московском Университете, 1768.

⁴⁵⁴ Breuillard J. Catherine II traductrice: le «Bélisaire» de Marmontel // Catherine II et l'Europe, publié sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'études slaves, 1997. P.71-84.

⁴⁵⁵ Ср.: «le Monarque et la Nation» («Монарх и Нация») и «Монарх с народом его». Жан Брейар отмечает также существенное изменение смысла, привнесенное добавлением притяжательного местоимения «его» и заменой сочинительного союза «и» подчинительным союзом «с». Breuillard J. Catherine II traductrice: le

По сути, подменяя «самодержавие» «монархией», Екатерина отклонялась от своих собственных слов, записанных ею на полях «Русских писем». Напомним, что тогда, за несколько лет до восшествия на престол, будущая Екатерина II крайне враждебно отнеслась к книге, идея которой состояла в том, чтобы доказать, что правление в России не является «собственно деспотическим», но что Россия всегда была и остается «истинной монархией». Подобная постановка проблемы тогда была оценена ею как пустой спор «из-за слова, но не из-за самой вещи». Нынешнее положение императрицы, озабоченной упрочением благоприятного образа России в Европе, обнаруживало неизбежность этого спора. Действительно, самодержавное правление, которому в классификации Монтескье соответствует деспотизм «европейского типа», в «Наказе» описывается в тех выражениях, которые использовались автором «Духа законов» при описании монархии.

Так, например, описывая механизм власти в России, Екатерина говорит: «Власти средняя, подчиненная и зависящая от верховной составляют существо правления» (статья 18)⁴⁵⁶. Между тем, эта фраза является заимствованием из четвертой главы книги II «Духа законов», носящей название «О законах в их отношении к природе монархического правления». Действительно, «средние власти» («pouvoirs intermédiaires») составляют, согласно Монтескье, «природу монархического правления»⁴⁵⁷. Точно так же в следующей статье Екатерина заявляет: «Государь есть источник всякия государственной и гражданской власти»⁴⁵⁸. Взятые из того же фрагмента «Духа законов», эти слова точно повторяют слова Монтескье за исключением одного небольшого уточнения, содержащегося в тексте Монтескье: «в монархии источником всякой политической и гражданской

«Bélisaire» de Marmontel // Catherine II et l'Europe, publié sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'études slaves, 1997. P.71-84.

⁴⁵⁶ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М.: печатан при Сенате, 1767. С.5.

⁴⁵⁷ «Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.139.

⁴⁵⁸ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М.: печатан при Сенате, 1767. С.5.

власти является сам государь (курсив мой)»⁴⁵⁹. Четвертая глава книги П «Духа законов» послужила Екатерине источником еще одной статьи «Наказа», в которой говорится о необходимости «хранилища законов» в самодержавном правлении. В России же, по словам Екатерины, функцию «хранилища законов» выполняет Сенат. «Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти, – писал тем временем Монтескье; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы»⁴⁶⁰. Мы ограничимся лишь этими несколькими примерами, которых в действительности намного больше.

Известно, что «Наказ» не имел широкого распространения во Франции, бывшей основной мишенью Екатерины: на ввоз книги в страну был наложен запрет⁴⁶¹. Между тем, необходимо признать, что пропагандистская акция императрицы все же имела во Франции определенный успех. Федор Васильевич Тарановский, автор статьи «Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции», говорит о том, что «Наказ» был с энтузиазмом встречен французскими парламентариями, усматривавшими в сочинении русской императрицы аргументы в пользу парламентов – «средних властей», долженствовавших сдерживать единоличную власть государя⁴⁶². В качестве примера автор статьи приводит сочинение с характерным заглавием «Парламент, оправданный российской императрицей» («Le Parlement justifié par l'Impératrice de Russie», 1771), а также коллективный труд «Правила французского государственного права» («Maximes du droit public françois», 1772). Не останавливаясь подробно на деталях, отметим лишь, чем именно обосновывался интерес авторов указанных сочинений к «Наказу» и собственно Екатерине. Дело в том, что в их представлении, Россия, прежде подчиненная «строгости произвольного

⁴⁵⁹ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.139.

⁴⁶⁰ Ibid. P.140.

⁴⁶¹ Подробнее об этом: Плавинская Н.Ю. «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60-х - начале 70-х гг. XVIII века: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Исследования и материалы. Сборник памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, ИВИ РАН, 2001. С.9-36.

⁴⁶² Тарановский Ф.В. Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции. СПб, 1912.

правления», именно в правление Екатерины II превращается из деспотии в монархию. Вот как об этом пишут авторы «Правил»: «Азиатские владыки не единственные государи, власть которых не имеет границ. Российская империя в Европе вплоть до наших дней была рабски подчинена всей строгости произвольного правления <...>. Эта Государыня готовит для своих народов счастливую революцию перемены правления. Она учредила комиссию для составления уложения постоянных законов; в солидном Наказе, данном ею министрам, на которых возложено это важное дело, она возвещает, что желает царствовать только по законам, мудрость и устойчивость которых обеспечивали бы счастье народов и преуспевание Московитской империи»⁴⁶³. Точно так же, ставя вопрос о границе между деспотией и монархией, автор брошюры «Парламент, оправданный российской императрицей», призывает в судьи не кого иного, как Екатерину: «Если есть судья, который заслуживал бы общественного доверия в подобном деле, то это наверное – августейшая Государыня, которая, унаследовав власть деспотическую, возвращает своим подданным свободу, некогда у них похищенную, и намечает план мудрого правления, помощью которого желает их сделать счастливыми»⁴⁶⁴.

Отметим, что в целом природа «Наказа» была определена авторами упомянутых сочинений довольно точно: не свод законов, а именно план мудрого правления, ряд предложений к такому устройству государства, при котором оно должно было бы достичь наибольшего благополучия. Об этом гласит одна из статей самого «Наказа»: «Все приведенные в сем сочинении примеры и разных народов обычаи не должны инаго производить действия, как только споспешествовать *выбору способов*, коими бы народ Российский, сколько возможно по человечеству, учинился во свете благополучнейшим» (статья 521) (курсив мой). Между тем, в самой России подобные предложения, видимо, были расценены как слишком смелые и

⁴⁶³ Цит. по: Тарановский Ф.В. Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции. СПб, 1912. С.20-21.

⁴⁶⁴ Цит. по: Там же. С.13.

преждевременные и потому реальных последствий эта акция Екатерины, так же как и конкурс о крестьянской собственности, за собой не повлекла.

II.5. Монтескье и Щербатов

Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров критического восприятия «Наказа» в России является сочинение современника Екатерины, принимавшего участие в работе Комиссии по составлению нового Уложения, князя Михаила Михайловича Щербатова⁴⁶⁵. Его «Замечания на Большой наказ Екатерины», составленные еще в 1773 году, интересны тем, что являются самым ранним исследованием источников «Наказа», которое, однако, не будучи предназначенным для публикации, долгое время оставалось в рукописи и было впервые опубликовано лишь в XX веке⁴⁶⁶. Впрочем, Щербатов ограничивает свое исследование лишь анализом заимствований из «Духа законов» Монтескье, сопровождаемым собственными замечаниями по наиболее спорным вопросам. Все прочие заимствования сознательно оставлены автором «Замечаний» без внимания⁴⁶⁷.

Когда Щербатов принимается за составление «Замечаний», он уже достаточно хорошо знаком с творчеством Монтескье. В годы, предшествовавшие работе над «Замечаниями», Щербатов переводит тринадцатую главу книги XXV «Духа законов», носящую название «Почтительнейшее заявление инквизиторам Испании и Португалии», а также полный текст «Размышлений о причинах величия и падения римлян». Оба перевода, хранящиеся в собрании рукописей Российской национальной библиотеки, входят в число наиболее ранних литературных работ писателя. В частности, перевод «Почтительнейшего заявления» относится к 1759 году,

⁴⁶⁵ Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790), историк и публицист. Во время работы в Комиссии по составлению нового Уложения выступал в защиту привилегий родовитого дворянства. Один из первых русских историков, получивших разрешение работать с архивными материалами, использованными им впоследствии при написании «Истории российской» (1770-1791), в семи томах. Опубликовал многочисленные исторические документы: «Журнал или Поденная записка Петра Великого» (1770-1772), «Летопись о многих мятежах» (1771), «Царственный летописец» (1772) и др. Также является автором ряда публицистических статей.

⁴⁶⁶ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935.

⁴⁶⁷ Щербатову были известны и другие сочинения, послужившие источниками «Наказа». Так, в одном из «замечаний» (к статье 123 «Наказа») Щербатов упоминает книгу Беккариа «О преступлениях и наказаниях».

о чем свидетельствует собственноручная запись Щербатова, фигурирующая в рукописи⁴⁶⁸. Точная дата перевода «Размышлений» не установлена, однако его также следует относить к 1750-60-м годам⁴⁶⁹.

Принимая во внимание оппозиционные по отношению к политике императрицы настроения князя Щербатова, естественно предположить, что его «Замечания на Большой наказ Екатерины» носят довольно резкий критический характер. Основанием для упреков Щербатову послужили не столько сам факт заимствования из «Духа законов», сколько констатация сознательного искажения Екатериной мысли Монтескье. Именно Щербатов впервые обратил внимание на то, что в «Наказе» российскому самодержавию присвоены черты монархического правления, описанные автором «Духа законов». Сам же Щербатов, напротив, более склонен усматривать в самодержавном правлении Екатерины черты деспотизма, о чем он открыто заявляет в отдельных «замечаниях», как, например, в примечании к статье 26 «Наказа». В то время как Екатерина отводит Сенату роль «хранилища законов», тем самым, подтверждая монархическую природу власти в России, Щербатов возражает: «когда [сенат] не имеет власти истолковать закон, ни предложение на именной указ сделать, то тщетно имя хранилища закона ему давать, которого он токмо маску носит, как то обыкновенно во всех деспотических правительствах бывает, что судии не суть хранители законов, но исполнители воли деспота»⁴⁷⁰.

Неоднозначную реакцию автора «Замечаний» вызывают положения «Наказа», связанные с крестьянским вопросом. Известно, что во время работы Комиссии по составлению нового Уложения Щербатов выступил как яростный противник изменения зависимого положения крестьян в России. Необходимо признать, что Щербатов вполне сочувственно отзывался о вольности вообще, полагая приведение человека в неволю «мучительским

⁴⁶⁸ О разуме законов. Книга XXV Глава XIII. Нижайшее представление инквизиторам Гишпанин и Португалии // Разные сочинения и переводы. ОР РНБ, Ф. 885, Собрание Эрмитажа, №228. Лл.59-64.

⁴⁶⁹ Рассуждения о причинах величества римлян и их падения. ОР РНБ, Ф. 885, Собрание Эрмитажа, №304.

⁴⁷⁰ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Незданные сочинения. М., 1935. С.28.

деянием»⁴⁷¹. Однако применительно к России освобождение крестьян, а также и наделение их собственностью, представляется писателю вряд ли возможным и даже опасным для государства. По мысли Щербатова, такой необходимости в наделении русских крестьян собственностью никогда прежде не возникало, ибо «крестьяне до нынешних времен и не чувствовали, что сие не собственное их было»⁴⁷². Изменение же существующих связей между помещиком и крестьянином неизбежно должно привести к бунтам. Щербатов имеет в виду Пугачевское восстание, которое набирает силу именно в тот период, когда писатель работает над своими «Замечаниями». По его словам, восстание Пугачева, а также многочисленные случаи убийства помещиков своими крестьянами показали, что последние «более никакой свободы недостойны, и что всякое разрушение древней власти помещичей над крестьянами может великое разорение и гибель государству принести»⁴⁷³. Таким образом, крепостничество представляется Щербатову необходимостью, вынужденным условием поддержания порядка и безопасности в государстве. Вместе с тем – и в этом позиция Щербатова схожа с позицией Штрубе де Пирмона – подневольное состояние крестьянина обеспечивает его собственную безопасность, поскольку крестьянин нуждается в опеке и надзоре⁴⁷⁴.

Нередко, возражая на отдельные положения «Наказа», Щербатов выражает свое несогласие с идеями самого Монтескье, положенными в их основу. Так, автор «Замечаний» отклоняет «географические» причины деспотической власти русских государей. Отдавая почтение «сему мудрому мужу»⁴⁷⁵, каковым является в его глазах Монтескье, Щербатов, тем не менее, полагает сомнительным положение о том, что обширность территории, занимаемой страной, может служить аргументом в пользу деспотизма и

⁴⁷¹ См. примечание к статье 253 «Наказа»: «Потому что всякое приведение в неволю есть мучительство, а всякое деяние мучительское приумножает мучительство мучителя». Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.50.

⁴⁷² Там же. С.55.

⁴⁷³ Там же. С.56.

⁴⁷⁴ Пыпин А.Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы, 1896, №11. С.264-305.

⁴⁷⁵ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.59.

вообще всякой абсолютной власти, под каким бы наименованием она ни являлась. Тогда как в статье 9 «Наказа» говорится о том, что с пространством обширного государства «действовать сходно» может только самодержавная власть, Щербатов возражает: «Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению»⁴⁷⁶. По мнению автора, наиболее подходящей для большой империи формой правления и наилучшей формой правления вообще является, вопреки теории Монтескье, не что иное, как республика⁴⁷⁷. Естественно предположить, что Щербатов имеет в виду, прежде всего, Римскую республику, которая, в его представлении, являет собой очевидный пример успешного правления. Римская республика, по словам писателя, «не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и области свои расширяла»⁴⁷⁸.

Одним из принципиальных расхождений между Щербатовым и Монтескье является также идея об исторической принадлежности России к европейскому континенту. По мнению автора «Замечаний», даже с чисто географической точки зрения относить Россию к европейским странам неверно: «Не можно всю Россию европейскою державою назвать, ибо многие ее области в границах Азии вменены»⁴⁷⁹. Таким образом, идея Монтескье о том, что Петр I «сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу»⁴⁸⁰ и что, следовательно, успеху петровских преобразований способствовал сам климат России, также оказывается недействительной в глазах Щербатова. Впрочем, писатель извиняет «заблуждение» Монтескье недостаточным знанием прежних русских обычаев: «Но сохраняя все

⁴⁷⁶ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.21.

⁴⁷⁷ Подробнее об этом см.: Lentin A. «Une âme républicaine»? Catherine, Montesquieu, and the nature of government in Russia: the Nakaz through the eyes of M.M. Shcherbatov // Философский век. Альманах. Вып.11. Екатерина и ее время: Современный взгляд, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский центр изучения истории идей, 1999. С.79-96.

⁴⁷⁸ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.22.

⁴⁷⁹ Там же. С.18.

⁴⁸⁰ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.467-468.

почтение к сему знаменитому писателю, кажется можно со справедливостию противуречить сей его мысли, и как мы известнее чужестранного о древних наших обычаях, то можем сказать, что они сходственнее новых с нашим климатом были»⁴⁸¹. Так, в отличие от Монтескье и Екатерины, Щербатов признает самобытность России, хотя и не считает ее преимуществом. По мнению Владимира Эдуардовича Вальденберга, посвятившего отдельное исследование петровской теме в творчестве Щербатова⁴⁸², писатель усматривал в специфической русской культуре одну из причин отсталости России по сравнению с собственно европейскими странами.

По мнению Щербатова, следует усматривать существование иных причин, способствовавших Петру в совершении преобразований. Согласно автору «Замечаний», легкость и быстрота, с которыми русский народ «приобщился к цивилизации», вовсе не зависели от действия климата, как полагал Монтескье, но были обусловлены, прежде всего, политическими причинами. Под политическими причинами Щербатов понимает самовластие российских монархов, не допускавших сопротивление новым установлениям путем уничтожения самого источника сопротивления: «Самодержавная и неограниченная власть российских государей, истреблением самых мятежников утвержденная, не оставляла никого, кто бы новым заведениям противиться дерзнул. <...> Вот какие обстоятельства спомоществовали предприятиям Петра великого, которые все основывались на политических притчинах, а не от действия климата произошли»⁴⁸³.

Впрочем, признание Щербатовым необходимости предпринятой Петром преобразовательной деятельности не вызывает сомнений. Вслед за Монтескье, Щербатов поддерживает политику «европеизации» России, но иначе решает вопрос о деспотизме Петра I. Напомним, что Монтескье резко осуждал тактику проведения реформ, примененную Петром. Щербатов идет дальше автора «Духа законов» и пытается установить *причины*, объясняющие

⁴⁸¹ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.19.

⁴⁸² Вальденберг В.Э. Щербатов о Петре Великом. СПб, 1903.

⁴⁸³ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.20-21.

самовластие и жестокость Петра. Заметим, что такой подход к анализу тех или иных исторических процессов свойствен самому Монтескье, полагавшему, что всякому историческому явлению есть объективное объяснение, о чем достаточно красноречиво свидетельствует название одного из главных сочинений Монтескье: «Размышления о причинах величия и падения римлян». Так, Щербатов приходит к заключению, что жестокие методы, применявшиеся Петром в ходе реформ, в действительности были вызваны необходимостью. Политическая неустроенность, невежество и грубость нравов, характерная для страны вообще и для ближайшего окружения Петра в частности, полностью оправдывали использованные им средства модернизации страны. А поскольку осуществлению этой политики более всего препятствовала глубокая привязанность народа к обычаям прошлого, то всякий иной метод, помимо силы, не возымел бы ожидаемого воздействия⁴⁸⁴.

В то же время, Щербатов неоднозначно оценивает пользу петровских реформ. При несомненной ценности преобразований, произведенных Петром в области наук, искусств, ремесел, военного дела, торговли и других практических сферах, реформы имели один существенный недостаток, последствия которого стало возможным оценить в полной мере лишь при потомках Петра – современниках Щербатова. Именно тогда обнаружилось, что петровские реформы, во многом имевшие целью «грубые, древние нравы смягчить»⁴⁸⁵, напротив, оказали на нравы самое губительное воздействие. Эта тема подробно раскрыта Щербатовым в трактате 1786 (1787) года «О повреждении нравов в России», также неопубликованном при жизни автора.

Мы упомянули о том, что Монтескье отводил значительную роль в смягчении нравов женщине. По мнению писателя, процесс раскрепощения женщины, начатый Петром I, должен был способствовать преобразованию русского общества, а впоследствии подвести также к смягчению

⁴⁸⁴ Щербатов М.М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.4.

⁴⁸⁵ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906. С.17.

политических «нравов», то есть к переходу к более мягкой форме правления. Вслед за Монтескье, писавшим, что Петр призвал женщин ко двору, и женщины, которые были прежде «затворницами и в известном смысле рабынями», «тотчас же полюбили новый образ жизни»⁴⁸⁶, Щербатов говорит: «[Петр] учредил разныя собрания, где женщины, до сего отделенныя от сообщении мужчин, вместе с ними при веселиях присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества...»⁴⁸⁷. Почти повторяя слова автора «Духа законов», Щербатов в действительности выворачивает наизнанку его аргументы в защиту петровских реформ, нацеленных на раскрепощение женщины⁴⁸⁸. По мнению Щербатова, эта мера принесла России больше вреда, нежели пользы, как полагал Монтескье. Получив доступ к свободному «сообщению мужчин», женщины «до того нечувствующие своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одежаниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшениях»⁴⁸⁹. Вскоре тяга к роскоши распространила свое влияние повсеместно, заняв, вместе с другими зародившимися вследствие петровских преобразований пороками, место прежней грубости нравов⁴⁹⁰.

По мысли Щербатова, «повреждение нравов» происходит в первую очередь именно при дворе, откуда затем распространяется в народе: «пример двора великое действие над образом мысли и всех подданных имеет»⁴⁹¹.

⁴⁸⁶ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.467.

⁴⁸⁷ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906. С.18.

⁴⁸⁸ Stroeve A. « Comment adopter la civilisation française en la dénigrant : les comédies et les écrits satiriques russes du XVIIIe siècle », *La naissance et le mouvement : Mélanges offerts à Yves Moraud*, éd. André Guyon, Jean-Pierre Dupouy et Jean André Le Gall, Brest: Université de Bretagne Occidentale, 2009. P.83-94.

⁴⁸⁹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906. С.18.

⁴⁹⁰ В своем исследовании «Законодательство и нравы в России XVIII в.» (1885), посвященном, в том числе влиянию петровских преобразований на нравы русского общества XVIII века, Виктор Александрович Гольцев говорит, что введение женщины в общество, учреждение ассамблей имели губительное воздействие, прежде всего, на нравственность: «Петр Великий принес великую услугу развитию русского общества освобождением женщины из ее домашнего заключения; но он испортил благотворные последствия этой меры, вводя женщину в общество пьяных, разнузданных людей, заставляя ее принимать участие в самых грубых увеселениях». Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века // Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003. С.553-571.

⁴⁹¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906. С.38. Ср. примечание к статье 243 «Наказа»: «Общим образом можно сказать, что всякий народ склонен к подражанию: вельможи

Плохой пример своим подданным подал сам Петр I, освободившись от своей первой супруги, Евдокии Лопухиной, отправленной им в монастырь, и женившись на Екатерине. Этот жест, вместе с раскрепощением женщины, наносил тяжелый удар по старому семейному укладу, поскольку «пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можна его нарушать»⁴⁹². В свою очередь, несколько последующих правлений, главным образом женских, способствовали развитию тенденции, наметившейся с учреждением ассамблей и введением женщины в общество мужчин. Будучи сами чрезвычайно склонны к великолепию, императрицы Екатерина I и, позднее, Анна Иоанновна и Елизавета Петровна как будто окончательно утвердили среди своих подданных тягу к роскоши. Другие правления также внесли свою отрицательную лепту в состояние нравов россиян. По словам Щербатова, от царствования Петра II осталось в памяти лишь то, что «неисправленная грубость с роскошью и распутством соединилась»⁴⁹³. В правление Елизаветы Петровны, помимо роскоши, распространение получила практика развода, а незаконное рождение перестало быть препятствием к получению дворянства: «кажется хотят истребить честь законного рождения и незакрытно содержа метресс, являются знатные люди насмехаться и святостью закона, и моральным правилам, и благопристойности»⁴⁹⁴. Исправлению нравов не мог содействовать и Петр III, «быв сам с излихвой поврежден»⁴⁹⁵, ни даже Екатерина II, которая, хоть и обладала достаточными достоинствами, необходимыми для управления государством, своим примером окончательно уничтожила в женщине представление о добродетели: «К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости – пример ея множества имения любовников, един другому часто наследующих, а равно почетных и корыстными снабженных, обнародывая через сие причину их щастия, подал

подражают царям, и простой народ подражает вельможам». Щербатов М. М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С.49.

⁴⁹² Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906. С.29.

⁴⁹³ Там же. С.39.

⁴⁹⁴ Там же. С.67.

⁴⁹⁵ Там же. С.68.

другим женщинам. Видя храм сему пороку сооруженный в сердце Императрицы, едвали за порок себе считают ей подражать...»⁴⁹⁶.

Как показал Щербатов, пример, наблюдаемый народом в своем государе, оказывает на подданных исключительное воздействие. Вспомним, что говорил о средствах изменения нравов и обычаев народа Монтескье. Автор «Духа законов» полагает, что законы, с одной стороны, и нравы и обычаи, с другой, имеют разные сферы воздействия: первые определяют действия гражданина, в то время как вторые определяют действия человека⁴⁹⁷. Отсюда следует, что нравы и обычаи не должно изменять посредством законов. Между тем, именно это средство использует Петр I в ходе своей преобразовательной деятельности, за что и подвергается резкой критике со стороны Монтескье. Трактат Щербатова «О повреждении нравов в России» парадоксальным образом доказывает справедливость идеи Монтескье о том, что новые нравы, так же как и новые обычаи, приживаются с легкостью, если они не навязаны законом. Используя выражение самого автора «Духа законов», чтобы изменить нравы и обычаи народа, достаточно сообщить этому народу другие нравы и другие обычаи⁴⁹⁸.

Наконец, в связи с вопросом о нравах и обычаях обратимся к менее известному сочинению князя Щербатова, относящемуся к числу его ранних работ. «Разные рассуждения о правлении», написанные на французском языке, помещены в рукописный сборник «Разные сочинения и переводы» вместе с переводом тринадцатой главы книги XXV «Духа законов», о котором шла речь выше⁴⁹⁹. Работу над этими двумя сочинениями, очевидно, следует относить к одному периоду, а именно к 1759-1760 годам. «Разные рассуждения о правлении» никогда не печатались в оригинале, между тем, известно о существовании русского перевода этого сочинения,

⁴⁹⁶ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906. С.76.

⁴⁹⁷ «Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют преимущественно действия гражданина, а нравы – действия человека. Между нравами и обычаями есть то различие, что первые регулируют внутреннее, а вторые – внешнее поведение человека». Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.468.

⁴⁹⁸ Ibidem.

⁴⁹⁹ Réflexions diverses sur le gouvernement // Разные сочинения и переводы. ОР РНБ, Ф.885, Собрание Эрмитажа, №228. Лл.238-261.

опубликованного впервые в 1860 году в периодическом издании «Чтения в обществе истории и древностей российских» и перепечатанного в конце столетия в первом томе «Сочинений князя М. М. Щербатова»⁵⁰⁰.

«Рассуждения» представляют собой небольшой трактат из девяти глав, в котором отражены общие представления автора о разных формах правления и государственном устройстве в целом. Содержание глав отражено в их названиях: «О правлении вообще», «О монархическом правлении», «Об аристократическом правлении», «О демократическом правлении», «О деспотизме», «О нравах народов в различных правлениях», «О законах», «О наградах», «О наказаниях»⁵⁰¹. Структура сочинения, формулировка заглавий, выбор тем говорят о том, что, возможно, при работе над «Рассуждениями» автор ориентировался, в том числе, на модель «Духа законов».

В главе «О законах» Щербатов касается проблемы мудрого законодателя, много занимавшей автора «Духа законов». Как мы могли убедиться ранее, Монтескье отказывал Петру I в праве считаться хорошим законодателем. К такому заключению писатель пришел на основании убежденности в том, что Петром был сделан неправильный выбор средств для преобразования обычаев своего народа. По мнению Щербатова, чтобы стать хорошим законодателем, способным обеспечить благосостояние своего народа, необходимо не только быть сведущим в древних законах страны и знать ее историю, но также знать человеческое сердце, чтобы уметь побеждать пороки. Вместе с тем, необходимо знать, в чем состоит

⁵⁰⁰ Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова. СПб: тип. В. С. Балашев и К°, 1900. Николай Дмитриевич Чечулин обращает внимание на неточность русского перевода. Например, в то время как во французском оригинале одна из глав озаглавлена «Des mœurs des peuples sous ces divers gouvernements », в русском переводе слово «нравы» подменено словом «права».

⁵⁰¹ Первоначальные варианты названий некоторых глав выглядели иначе, о чем свидетельствуют поправки, содержащиеся в рукописи сочинения. Так, Щербатов первоначально предполагал дать главе 5 название «О деспотическом правлении», однако слово «правление» было зачеркнуто, и глава получила название «О деспотизме». Объяснение этому можно найти уже в первых строках главы: «Я не знаю, можно ли по справедливости назвать деспотизм именем правления...». *Réflexions diverses sur le gouvernement* // Разные сочинения и переводы. ОР РНБ, Ф.885, Собрание Эрмитажа, №228. Л.250. Точно так же глава 6, в окончательном варианте озаглавленная «О нравах народов в различных правлениях», первоначально была озаглавлена «О нравах в монархическом правлении». Наконец, глава 8 носила название «О наградах в монархическом правлении», которое впоследствии стало более широким: «О наградах».

преобладающая черта народа, чтобы уметь по справедливости наказывать преступления, к которым он склонен. Наконец, как и Монтескье, Щербатов обращает особое внимание на важность древних обычаев и осторожность, которую должен проявить законодатель при проведении преобразовательной политики. Не называя имени Петра, но, очевидно, имея в виду последствия его реформ, Щербатов говорит о том, что внезапная замена одних обычаев другими может сделать народ несчастным: «нужно, чтобы он [законодатель] держался в некотором смысле предрассудков народа в отношении их обычаев, которые за древностью лет приобрели силу закона и которые зачастую нельзя изменить, чтобы при этом не принести больше вреда, нежели благ»⁵⁰².

Вслед за Монтескье, Щербатов признает существование различий в нравах разных народов. Однако, в отличие от автора «Духа законов», полагавшего, что нравы того или иного народа соответствуют характеру климата, в котором этот народ проживает, Щербатов склонен считать, что решающее воздействие на формирование нравов народа оказывает воспитание, которое, в свою очередь, зависит от государственного устройства. «Поскольку, – говорится в главе «О нравах народов в различных правлениях», ничто так не влияет на нравы людей, как воспитание, и поскольку воспитание различается в зависимости от типа правления, то в каждом правлении народ обладает отличными нравами, соответствующими более или менее устройству государства»⁵⁰³. Так, характерной чертой народа, проживающего в монархическом государстве, Щербатов называет честолубие, при аристократическом правлении, по мнению писателя, люди обыкновенно бывают горды и непреклонны, при демократическом – беспокойны и податливы, наконец, в деспотиях – подлы и раболепны.

⁵⁰² *Réflexions diverses sur le gouvernement* // Разные сочинения и переводы. ОР РНБ, Ф.885, Собрание Эрмитажа, №228. Л.255. Ср.: «Народы, как правило, очень привязаны к своим обычаям, и лишать их этих обычаев при помощи насилия значит делать их несчастными...». Montesquieu Ch.-L. *De l'Esprit des Lois*. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.468.

⁵⁰³ *Réflexions diverses sur le gouvernement* // Разные сочинения и переводы. ОР РНБ, Ф.885, Собрание Эрмитажа, №228. Л.253.

В рассмотренных нами сочинениях князь Щербатов вполне проявил себя последовательным сторонником политических и социальных идей Монтескье. По мнению Людмилы Александровны Пименовой, в своих размышлениях о формах правления и о законодательстве вообще Щербатов действительно был последователем Монтескье и французской политико-правовой традиции в целом⁵⁰⁴. Вместе с тем, отмеченные нами многочисленные расхождения как по самым общим вопросам, так и по проблемам, касающимся непосредственно российской действительности, вполне свидетельствуют о самостоятельности суждений Щербатова. В более широком смысле творчество Щербатова являет собой пример сложного и во многом противоречивого восприятия идей Монтескье в России во второй половине XVIII века.

⁵⁰⁴ См.: Pimenova L. Gallomanie et gallophobie dans la culture russe au siècle des Lumières // La recherche dix-huitiémiste. Raison universelle et culture nationale au siècle des Lumières, éd. David A. Bell, Ludmila Pimenova et Stéphane Pujol. Paris: H. Champion, 1999. P.201-213.

Заключение

В начале данной работы нами был приведен пример одной довольно распространенной точки зрения на место русской темы в творчестве Шарля-Луи Монтескье, сформулированной Мюриэль Доддс в ее исследовании 1929 года «Рассказы о путешествиях источники «Духа законов» Монтескье»⁵⁰⁵. Согласно этой точке зрения, России отводится очень незначительное место в творчестве французского писателя, не имевшего о ней ни достаточных знаний, ни определенного суждения. В результате проведенного нами исследования можно с достаточной уверенностью утверждать, что тенденция занижать значимость русской темы в творчестве Монтескье представляется неоправданной, а тезис о поверхностности суждений писателя о России – слишком строгим.

В первую очередь, необходимо признать относительное богатство и, в особенности, разнообразие использованных писателем источников. Помимо субъективных рассказов путешественников, которые в XVIII веке традиционно составляли основной источник знания о той или иной стране, Монтескье прибегал к собственно историческим сочинениям, каковыми являются, например, «Родословная история о татарах» Абулгази-Баядур-Хана или «Введение в историю европейскую» Самюэля Пуффендорфа. Кроме того, почерпнутые из этих сочинений исторические сведения о России пополнялись информацией о текущих событиях, о которых сообщали европейские газеты. Газетные вырезки, содержащиеся в рабочих тетрадях Монтескье и повествующие о событиях внутренней и внешней политики России, охватывают период, по меньшей мере, с 1718 по 1736 год, что свидетельствует о довольно продолжительном и непрерывном интересе писателя к стране, ее законодательству, монархам, ею правящим, и нравам народа, ее населяющего. О нем говорит и обращение писателя к

⁵⁰⁵ См. с.12 данной работы.

свидетельствам современников, очевидцев происходивших в России событий, и фиксирование их сообщений в своих рабочих тетрадях.

В результате, в сочинениях Монтескье выстраивается сложный, внешне противоречивый, но, так или иначе, весьма оригинальный на фоне современных писателю тенденций образ России. Действительно, Монтескье во многом отступает от позиции тех авторов, которые восхваляют Петра I и осуждают русский народ, обвиняя его в варварстве и невежестве. Сторонники этой позиции, утвердившейся во многом благодаря авторитету Фонтенеля, автора известного «Похвального слова царю Петру I», строго придерживаются идеи деления на допетровскую – «варварскую» – Московию и послепетровскую – «цивилизованную» – Россию, отводя решающую роль в переходе от одного состояния к другому личности Петра. Как мы могли убедиться, Монтескье совершенно иначе оценивает деятельность царя-преобразователя, который, напротив, заслуживает осуждение французского писателя, в то время как русский народ представлен им более как жертва, нежели как виновник того «варварского» состояния, в котором он вынужден был долгое время пребывать.

Пожалуй, именно Монтескье впервые заговорил о вынужденном характере «варварского» состояния россиян, чем существенно сместил акценты в восприятии России на Западе. Деспотическая власть российских монархов, агрессивная завоевательная политика России, грубые нравы русского народа и рабское положение женщины, на разных этапах характеризовавшие российскую действительность, роднили, в глазах европейцев, Россию со странами Востока, свидетельствуя об их тесном и продолжительном контакте. Но в отличие от большинства современников, Монтескье не считал деспотический характер правления в России причиной «варварства» русского народа, полагая, что и одно и другое в равной степени являются следствиями определенных исторических

событий. Трагедией для России, по мысли писателя, было татаро-монгольское иго, сделавшее восточной страну, которая исторически принадлежала европейскому континенту. Таким образом, Монтескье решал сложный вопрос, на который его предшественники и современники не предлагали определенного ответа: «восточность» России не является ее исконным свойством, но утверждается под влиянием внешних факторов, а именно в силу соседства с восточными народами.

Такое видение проблемы снимает видимое противоречие, которое можно усмотреть в образе России, явленном в романе 1721 года и в трактате, вышедшем двадцатью семью годами позже. В романе «Персидские письма» Россия представлена как восточная страна. Между тем, в «Духе законов» Россия, напротив, перемещается по оси Запад-Восток на западный полюс. Такое смещение оказывается возможным благодаря тому, что для Монтескье Россия одинаково является и восточной и западной страной. Но в «Персидских письмах», имевших целью выявить относительность общепризнанных представлений о Востоке, замысел требовал, чтобы Россия оказалась в одном ряду с Персией и другими восточными странами. В свою очередь, введение России в категорию Запад в трактате «О духе законов» также продиктовано теми задачами, которые ставит перед собой автор. В частности, как отмечалось ранее, Монтескье вводит Россию в разработанную им систему типов правления в качестве любопытного и в известном смысле уникального примера деспотического государства внутри европейского континента. Таким образом, кажущиеся несоответствия в образе России не являются ошибочными или случайными, но вполне соответствуют определенному замыслу. Тем самым подтверждается гипотеза, высказанная нами во введении, в соответствии с которой отбор сведений о России был во многом

предопределен некими умозрительными представлениями Монтескье о стране, о которой писатель не имел никакого эмпирического знания.

Между тем, мы могли убедиться в том, что такая «предопределенность» образа России не помешала Монтескье с невероятной точностью обозначить наиболее острые и актуальные проблемы российской действительности, вытекающие из того особого географического положения России и тех особенностей ее истории, которые, по мнению писателя, и определили ее двойственный – одновременно западный и восточный – характер. Речь идет о деспотизме и рабстве, якобы унаследованных от татаро-монгол и составляющих главное несчастье современной ему России. С одной стороны, такое видение России категорически противоречило тому благоприятному образу страны, который русский двор стремился создать в глазах Европы. С другой стороны, идеи Монтескье в целом пользовались в просвещенных кругах России исключительной популярностью, и авторитет автора «Духа законов» не позволял не принимать во внимание его критических высказываний о России. Такая неоднозначность в оценке фигуры Монтескье естественным образом сказывается на восприятии его творчества. Действительно, произведенные изыскания позволяют говорить о том, что рецепция творчества Монтескье в России во второй половине XVIII века представляет собой крайне противоречивый процесс, объединяющий совершенно противоположные тенденции, от абсолютизации отдельных положений до их категорического неприятия.

Мы вынуждены констатировать, что идейное влияние Монтескье в России действительно оказывается значительно сильнее жанрового. В известном смысле это составляет специфику русской рецепции творчества писателя в сравнении с другими литературами. Так, например, «Персидские письма» вызвали волну писательского интереса в английской литературе, результатом чего стало появление целого ряда подражаний. В

России эпистолярный жанр не имел широкого распространения ни до, ни после появления «Персидских писем». Предпринимаются отдельные попытки создания произведений по образцу известного романа. Но, во-первых, среди них мы не находим оригинальных сочинений, которые принадлежали бы собственно русским, а не иностранным авторам, а во-вторых, художественные качества этих сочинений вряд ли можно сравнивать с романом Монтескье. Ярким примером тому является «Московский путешественник, или Русские письма» шевалье Дезессара – безусловно, любопытное явление в контексте русско-французских литературных связей, ибо показывает, что одним из путей проникновения французской литературы на русскую почву были те авторы, которых можно условно назвать «пограничными», то есть принадлежащими одновременно и русской и европейской культуре.

Что касается собственно рецепции идей, то важно отметить, что она принимает самые разные формы и находит выражение в сочинениях самых разных жанров. В первую очередь, важным свидетельством той неоднозначной реакции, которую образ России, созданный Монтескье на страницах его главных произведений, вызывает в самой России, являются переводы этих сочинений. Анализ русских переводов романа «Персидские письма» и трактата «О духе закона» показал, что для переводов, предназначавшихся для печати, характерны купюры, вставки и искажения текста в тех фрагментах, которые имеют отношение к России, что подтверждает сказанное выше о необычайной способности Монтескье к меткому определению спорных проблем и явлений.

В то же время, отклики на своеобразные представления Монтескье о России обнаруживаются в немалом количестве оригинальных сочинений, поражающих разнообразием своей жанровой природы. Это и своего рода философское рассуждение в письмах («Русские письма» Штрубе де Пирмона), и образец «политической» прозы («Наказ» императрицы

Екатерины II), и нравственно-политический памфлет («О повреждении нравов в России» князя Михаила Михайловича Щербатова) и другие сочинения. Три исследованные нами автора, чьи сочинения находятся в тесном взаимодействии, являют собой более или менее очевидные примеры трех различных тенденций в восприятии творчества Монтескье. Так, «Русские письма» написаны в традиции литературных опровержений, а их автор занимает по отношению к французскому писателю отчетливую враждебную позицию, обвиняя его в неверной трактовке проблемы деспотизма и рабства вообще и в России в частности. В свою очередь, «Наказ» Екатерины II справедливо рассматривать как апологию философской и политической мысли Монтескье в целом. Впрочем, апология Монтескье принимает в «Наказе» несколько парадоксальные формы, поскольку императрица защищает идеи писателя при помощи его же средств, но при этом существенно искажает его мысль, преследуя цель адаптировать ее к иным – российским – условиям. Вместе с тем, «Наказ» являет собой любопытный пример рецепции-интерпретации идей Монтескье с последующим использованием их в качестве инструмента для создания благоприятного образа России в Европе и утверждения ее репутации как просвещенной монархии. Наконец, позиция князя Щербатова, явленная в «Замечаниях на Большой наказ Екатерины» и в трактате «О повреждении нравов в России», предстает как наиболее объективная, сочетающая в себе элементы как одобрения, так и критики. Системное изучение означенных авторов показало, что заявленная в их сочинениях позиция по отношению к идеям Монтескье и, в частности, его высказываниям о России обусловлена спецификой их положения. В то время как относительную объективность князя Щербатова следует связывать с его незаинтересованностью историка, не предназначавшего свои труды для публикации, натянутая враждебность Штрубе де Пирмона к Монтескье, очевидно, объясняется его зависимым положением

иностранца, чье благополучие во многом зависит от соответствия пророссийским настроениям. На этом фоне наиболее уязвимым представляется положение Екатерины II, вынужденной практиковать деспотическую форму правления, но проповедующей просвещенную монархию.

Проблема рецепции творчества Монтескье в России не теряет своей актуальности и в последующие эпохи. В частности, известно, что исключительный интерес к идеям французского писателя проявился в начале XIX столетия в среде декабристов, а также и близких им по духу людей, формально не входивших в тайные общества. Вместе с сочинениями других просветителей, «Дух законов» Монтескье входил в обязательный круг чтения декабристов, а отдельные положения его теории были использованы в их политических проектах⁵⁰⁶.

Более того, позволим себе сделать предположение о том, что сформулированные еще в первой половине XVIII века идеи Монтескье и по сей день не утрачивают своего свойства вызывать резонанс. Необходимо отметить, что в современной литературе действительно имеются примеры любопытного применения идей французского писателя. В связи с этим утверждением мы хотели бы обратить внимание на книгу Андрея Петровича Паршева «Почему Россия не Америка», вышедшую впервые в 1999 году⁵⁰⁷. Книга российского публициста имела целью доказательство неприменимости по отношению к России либеральной модели рыночных реформ. Не пытаясь дать оценку художественным и идейно-содержательным качествам книги, отметим ее очевидную соотнесенность с теорией климатов Монтескье, нашедшей свое выражение в трактате «О духе законов». Дело в том, что Паршев связывает

⁵⁰⁶ Семенова А.В. Книги эпохи Просвещения и формирование идеологии декабристов // Книга в России XI-XX вв.: сборник научных трудов. Вып.21. СПб: БАН, 2004.

⁵⁰⁷ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2000.

особенности экономического развития России с особенностями ее климата и географического положения. Автор исходит из положения о том, что холодный климат России и ее огромная протяженность оказывают неблагоприятное воздействие на экономику страны и что осуществление либеральных реформ, непригодных к российским условиям, в будущем может привести к самым губительным последствиям. В свое время, Монтескье также настаивал на принципиальной важности климатическо-географического фактора в развитии экономики. В частности, наиболее способствующим экономическому развитию страны автор «Духа законов» полагал умеренный климат, тем самым также исключая Россию из числа потенциально богатых, экономически развитых стран.

Этот частный пример показывает, что идеи французского просветителя не только формально приложимы к современным условиям, но и реально востребованы в современной науке и литературе. Они несут в себе объяснение многим процессам и явлениям современности, тем самым свидетельствуя об их вневременном свойстве. Сам факт существования таких универсальных закономерностей, выявленных еще Монтескье, как нельзя лучше подтверждает его собственные слова, которыми писатель резюмирует предмет своей книги. По словам автора «Духа законов», ему удалось установить, что история каждого народа, а следовательно и бесконечное разнообразие законов и нравов, не вызваны единственно «произволом их фантазии», но вытекают из общих начал. «Чем больше будут размышлять над подробностями, — напутствовал Монтескье, тем более будут убеждаться в верности общих начал»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁸ Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. Paris: Flammarion, 1979. Vol.1. P.115.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Тексты Монтескье

1. Montesquieu Ch.-L. Lettres persanes // Œuvres complètes de Montesquieu, t.1, éd. dirigée par Jean Ehrard et Catherine Volpilhac-Augier. Oxford: Voltaire Foundation, 2004.
2. Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Lois. Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt, 2 Vol. Paris: Flammarion, 1979.
3. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Spicilège, éd. Louis Desgraves. Paris: Robert Laffont, 1991.
4. Montesquieu Ch.-L. Geographica, Oeuvres complètes de Montesquieu, t.16, éd. par la Société Montesquieu, sous la dir. de Catherine Volpilhac-Augier. Oxford: Voltaire Foundation, 2007.
5. Montesquieu Ch.-L. Correspondance. I, Avant 1700-mars 1731: lettres 1-364 // Œuvres complètes de Montesquieu, t.18, éd. par Louis Desgraves et Edgar Mass, en collab. avec C.P. Courtney, J. Ehrard et A. Postigliola. Oxford: Voltaire Foundation, 1998.
6. Montesquieu Ch.-L. Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur. Leide: chez P.H. Jacqueau, 1767.
7. Montesquieu Ch.-L. de. Voyages. Paris: Arléa, 2003.
8. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман, пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. Москва: Эксмо, 2008.

Русские переводы Монтескье XVIII века

«Lettres Persanes»

9. Повесть о народе несчастном от злодеяния и счастливом от добродетели // Детское чтение или Отборныя небольшия повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. Переведены с французскаго языка Лейбгвардии Преображенскаго полку подпрапорщиком Капитоном Бачарниковым. [Отрывки из сочинений Ф.М. Вольтера, Ш.Л. Монтескье, Э.К. Клейста, С. Геснера, Ж.Ф. Сен-Ламбера, П. Летуэрнера]. СПб: Типография Артиллерийского и инженерного кадетскаго корпуса, 1779. С.46-57.
10. Перевод из творений господина Монтескю Персиянских писем // Утра, еженедельное издание, или Собрание разнаго рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге российских книгах. СПб: Печатано в типографии Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса [П.А. Плавильщиков], 1782, май, листы II-III. С.13-19.
11. Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетелей соделать может народ счастливым // Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей. СПб, 1786. С.88-114.
12. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма из сочинений Г. Монтескиио. Переведены с французскаго языка [Ф. Поспеловым]. СПб, 1789.

13. Монтескье Ш.-Л. Письма персидския творения Г. Монтеские. С французскаго языка перевел Ефим Рознотовский. СПб: иждивением И.К. Шнора, 1792.

«De l'Esprit des Lois»

14. Монтескье Ш.-Л. О разуме законов сочинение господина Монтескюя. Переведено с французскаго Василием Крамаренковым. Т.1. СПб: при Императорской Академии Наук, 1775.

Другие произведения Монтескье

15. Монтескье Ш.-Л. Размышления о причинах величества римскаго народа и его упадка с Французскаго переведенныя и снабженныя предисловием переводчиком Алексеем Поленовым. СПб: при Императорской Академии Наук, 1769.

16. Монтескье Ш.-Л. Храм Книдийский Г. Монтескиеу. С Французскаго переводил И. Сичкарев. СПб, 1770.

17. Монтескье Ш.-Л. Арсас и Исмения, восточная повесть из последних творений Г. Монтескюи. Перевел Николай Иванович Страхов. М.: в Типографии Компании Типографической, с Указного дозволения, 1787.

18. Монтескье Ш.-Л. Лисимах. - Разговор Силлы с Евкратом. - Опыт о вкусе. Из сочинений Г. Монтескиэ. Перевел С. Башилов. СПб: типография Академии наук, 1769.

II. Тексты XVIII века

19. Архив князя Воронцова, ред. П.И. Бартенев, кн.1: Бумаги Михайла Ларионовича Воронцова. М.: типография Мамонтова, 1870.

20. Барков И.С. Сочинения и переводы И.С. Баркова 1762-1764 г.г. с биографическим очерком автора. СПб: типография В.С. Эттингера, 1872.

21. Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великаго, собранные И. Голиковым. Изд. 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. М.: Унив. типография, у Ридигера и Клаудия, 1798.

22. Екатерина II. Автобиографические записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Академией наук. М.: Русская быль, 1908.

23. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта новаго уложения. М.: печатан при Сенате, 1767.

24. Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы, с портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В.Я. Стоюнина, изд. П.А. Ефремов, 2 т. СПб: И.И. Глазунов, 1867-1868.

25. Каржавин Ф.В. Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских: Le guide français, par Theodore Karjavine. Во граде Св. Петра: печ. у И. К. Шнора, 1794.

26. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию: книга первая, в которой содержится риторика показывающая общия правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесныя науки трудами Михайла Ломоносова Императорской Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. СПб: при Имп. Акад. Наук, 1748.
27. Мармонтель Ж.Ф. Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской Академии, переведен на Волге. М.: печатан при Императорском Московском Университете, 1768.
28. Мартынов И.И. Защищение Российскаго правления иностранцем против иностранца с примечаниями Русскаго // Сын отечества, 1829, т. 8, ч. 130, № 49, с.150-170, № 50, с.205-228, № 51, с.278-292. № 52, с.331-365.
29. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Избранные сочинения. М., Л., 1951.
30. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлений к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских, № 1, 1871.
31. Сборник русского исторического общества, т.10 (Бумаги Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел), СПб, 1872.
32. Сборник императорского русского исторического общества, т.20 (Переписка императрицы Екатерины II с королем Фридрихом II), СПб, 1877.
33. Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории. №5, 1997.
34. Штрубе-де-Пирмон Ф. Г. Слово о начале и переменах российских законов в торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктперербургской Императорской академии наук говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году и переведенное на российский язык Семеном Нарышкиным. СПб: печатано при Императорской Академии наук, [1756].
35. Шнейдер Я.И. Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском Университете. М.: иждивением Н. Новикова и Компании, в Университетской типографии у Н. Новикова, 1782.
36. Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великаго слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным, а на российской язык переведенные Карлом Рембовским. Изд. 2-е. М.: тип. Пономарева, 1787.
37. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб: В. Врублевский, 1906.

38. Щербатов М. М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935.
39. Aboul Gazi Bahadour Khan. Histoire généalogique des Tatars, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi Bayadur Chan, par M.D. Leyde: A. Kallewier, 1726.
40. Allainval, abbé de. Anecdotes du règne de Pierre premier dit le Grand czar de Moscovie: contenant l'histoire d'Eudochia Federowna et la disgrâce du Prince de Mencikow. S.l., 1745.
41. Antidote ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761, contenant les mœurs, les usages des Russes et l'état actuel de cette puissance... : à Paris, chez Debure père, 1768 / Par m. l'abbé J. Chappe d'Auteroche. Amsterdam: M.M. Rey, 1771.
42. Argens J.-B. de Boyer, marquis d'. Lettres juives, ou Correspondance philosophique, historique et critique, entre un juif voyageur à Paris et ses correspondans en divers endroits. T.1-6. La Haye: P. Gautier, 1736-1737.
43. Argens J.-B. de Boyer, marquis d'. Lettres chinoises, ou Correspondance philosophique, historique et critique, entre un Chinois voyageur à Paris et ses correspondans à la Chine, en Moscovie, en Perse et au Japon. T.1-5. La Haye: P. Paupie, 1739-1740.
44. Argenson marquis d'. Journal du marquis d'Argenson. T.1 (1697-1738). Clermont-Ferrand: Paleo, 2002.
45. Article L. Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres // Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts, avril 1750, p.928-932.
46. Barclay J. Ioannis Barclaii Icon animorum. Londini: ex officina Nortoniana, apud J.Billium, 1614.
47. Cadalso J. Defensa de la nación española contra la «Carta Persiana LXXVIII» de Montesquieu. Edición de Rafael Herrera Guillén para la Biblioteca Saavedra Fajardo. Murcia: BSF, 2006.
48. Cadalso J. Cartas marruecas, del Coronel D. Joseph Cadahalso. Madrid: en la imprenta de Sancha, 1793.
49. Cantemir A.D. Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français. Londres: chez Jean Nourse, 1749.
50. Cantemir A.D. Satyres de M. le Prince Cantemir, tradutes du russe en français. Avec l'histoire de sa vie. Londres: chez Jean Nourse, 1750.
51. Catherine II. Instruction de Sa Majesté Impériale Catherine II, pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de loix. SPb: De l'Imprimerie de l'Académie des sciences, 1769.

52. Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibérie fait par ordre du roi en 1761, éd. M. Mervaud, M. Pinault. Oxford: Voltaire Foundation, 2004.
53. Collé Ch. Journal et mémoires sur les hommes de lettres, les ouvrages dramatiques et les événements les plus mémorables du règne de Louis XV, 1748-1772. 3 Vol. Paris: Firmin-Didot frères et fils et Cie, 1868.
54. Dacier A. Éloge de M. l'abbé de Guasco // Histoire de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres, tome 45: Éloges des Académiciens morts depuis l'année 1780 à 1784. Paris: Imprimerie nationale exécutive du Louvre, 1793. P.186-195.
55. De Paris // Nouvelles ecclésiastiques ou Mémoires pour servir à la Constitution Unigenitus, 9 octobre 1749. P.161-164; De Paris. Fin de l'Extrait du Livre « De l'Esprit des Loix » // Nouvelles ecclésiastiques ou Mémoires pour servir à la Constitution Unigenitus, 16 octobre 1749. P.165-167.
56. Deseine F.-J. Nouveau voyage d'Italie. Lyon: J. Thioly, 1699.
57. Dupin C. Réflexions sur quelques parties d'un livre intitulé «De l'Esprit des loix». Paris: Benjamin Serpentin, 1749.
58. Dupin C., Berthier G.-F. Observations sur un livre intitulé: «De l'Esprit des loix», divisées en trois parties. 3 Vol. 2e éd. Paris, 1757-1758.
59. Fontenelle B. de. Éloge du czar Pierre I // Œuvres de Monsieur de Fontenelle. Nouvelle édition. T.6. Amsterdam: aux dépens de la Compagnie, 1754.
60. Foy de la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. Paris: Anbourg, 1698.
61. Golovine I. Lettres russes. Leipzig, 1861.
62. Grandguillot A.-P. Lettres russes. Alexandre II et l'émancipation. Paris: E. Dentu, 1859.
63. Herberstein S. von. Rerum Moscoviticarum commentarii. Vindobonae, 1549.
64. Herberstein S. von. La Moscovie du XVIe siècle vue par un ambassadeur occidental, Herberstein. Présentation et traduction de Robert Delort. Paris: Calmann-Lévy, 1965.
65. Histoire littéraire. Nouvelles et mémoires littéraires et académiques // Journal universel ou Mémoires pour servir à l'histoire civile, politique, ecclésiastique et littéraire du XVIIIe siècle, La Haye: L. Berkostre, mai 1744.
66. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, par M. Le Clerc, écuyer, chevalier de l'ordre du roi, et membre de plusieurs académies // Esprit des journaux, septembre 1783, tome IX. P.3-46.
67. Hymans L.S. Lettres moscovites. Couronnement de l'empereur Alexandre II. Bruxelles, 1857.

68. Jubé J. La religion, les mœurs et les usages des Moscovites, texte présenté et annoté par M. Mervaud. Oxford: the Voltaire Foundation, 1992.
69. Krüdener P. de. Lettres russes. Bruxelles, Leipzig, 1854-1855.
70. Landon J. Lettres siamoises, ou Le Siamois en Europe. [Paris: François Delaguerre], 1751.
71. La Porte, abbé de. Observations sur «L'Esprit des Loix», ou l'art de lire ce livre, de l'entendre et d'en juger. Amsterdam: Pierre Mortier, 1751.
72. Letters from an Armenian to his friends at Trebisond, etc. Translated in the Year 1756. London: Printed for W. Owen, at Temple-Bar, 1757 (2d ed.).
73. Lettre au P. B. J. sur le Livre intitulé «L'Esprit des Loix» // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux-arts, avril 1749. P.718-741.
74. Lettres russes, publiées par M. de *** de Selves // Mercure de France, Journal littéraire et politique, t.39. Paris, décembre 1809. P.419-421.
75. Locatelli Lanzi F. Lettres moscovites. Paris: aux dépens de la Compagnie, 1736.
76. Locatelli Lanzi F. Die so genannte Moscovitische Briefe. Franckfurth und Leipzig: J.L. Montag, 1738.
77. Lomonosov M. Panégyrique de Pierre le Grand prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26 Avril 1755, par Mr. Lomonosow Conseiller et Professeur de cette Académie; et traduit sur l'Original Russe par Mr. Le Baron de Tschoudy. Petropoli, 1751-1759.
78. Lyttelton G. Letters from a Persian in England to his friends at Ispahan. Dublin: printed by M. Rhames, 1735.
79. Margeret J. Etat de l'empire de Russie et grande duché de Moscovie, avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et tragique depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606 en septembre. Paris: M. Guillemot, 1607.
80. Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul Ier, formant un tableau des mœurs de St-Petersbourg à la fin du XVIIIe siècle. 3 Vol. Paris: C. Pougens, 1800-1802.
81. Maubert de Gouvest J.-H. Lettres iroquoises. Irocopolis: chez les Vénérables, 1752.
82. Mayerberg A. baron von. Iter in Moscoviam. S.l.n.d.
83. Mémoires du Chevalier Hasard. Cologne: P. Le Sincère, 1705.
84. Miège G. La relation de Trois Ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle. Paris: P. Jannet, 1857.

85. Olearius A. Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise. Schlesswig: J. Zur Glocken, 1647.
86. Olearius A. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse. Paris: J. Du Puis, 1659.
87. Perry J. État présent de la Grande Russie. Paris: J.Boudot, 1717.
88. Petrejus P. Regni Muschowitici sciographia. Stockholm, 1615.
89. Possevini A. Moscovia. Vilnae, 1586.
90. Puffendorf S. von. Introduction à l'Histoire des principaux Royaumes et Etats, tels qu'ils sont aujourd'hui dans l'Europe, 4 Vol. Leide: chez Pierre vander Aa, 1710.
91. Recueil de voyages au Nord: contenant divers mémoires très utiles au commerce et à la navigation. T.8. Amsterdam: chez Jean-Frédéric Bernard, 1727.
92. Russia seu Moscovia itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustratae. Lugduni Batavorum, 1630.
93. Respublica, sive Status regni Polonia, Lituania, Prussia, Livonia, etc. diversorum autorum. Ex officina Elzeviriana, 1627.
94. Rousset de Missy J. Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, par le baron Iwan Nestesuranoi. La Haye: R. Alberts, 1725-1726.
95. Saint-Foix G.-F. Poullain de. Lettres d'une Turque à Paris, écrites à sa soeur au serraïl, pour servir de supplément aux «Lettres persanes». Cologne: P. Marteau, 1731.
96. Soter Henrik, Bureus Andreas. Svecia sive de Suecorum Regis Dominiis et opibus. Commentarius politicus. Ex officina Elzeviriana, 1633.
97. Selves D. de. Lettres russes. Paris: L. Collin, 1809.
98. Selvoff S. Lettres russes. Traduit du manuscrit. Paris: E. Dentu, 1891.
99. Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. Suivies des notes de Catherine II. Introduction et bibliographie de C.Rosso. Pisa: La Goliardica, 1978.
100. Strube de Piermont F.H. Lettres russiennes. [St.Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences], 1760.
101. Strube de Piermont F.H. Discours sur l'origine et les changemens des loix russiennes: Lû dans l'assemblée publique de l'Académie Impériale des sciences le 6 septembre 1756 à l'occasion de l'anniversaire du jour du nom de Sa Majesté l'impératrice de toutes les Russies etc. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, [1756].
102. The Whitehall Evening Post. 1729-1736. London, 1729-1736.

103. Voltaire. Dictionnaire philosophique // Œuvres complètes de Voltaire, t.IV. Paris: Garnier frères, 1879.
104. Voltaire. Les anecdotes sur le czar Pierre-le-Grand // Œuvres de M. de Voltaire. Nouvelle édition, revue, corrigée et considérablement augmentée par l'auteur, enrichie de figures en taille-douce. T.II. Dresde: chez George Conrad Walther, 1748-1750.
105. Weber F.Ch. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie. Paris: Pissot, 1725.
106. Weber F.Ch. Mémoires anecdotes d'un ministre étranger résidant à Petersbourg concernant les principales actions de Pierre le Grand, avec deux lettres d'un autre ministre étranger écrites à un prince de l'Empire, qui contiennent le caractère du feu Czar et ceux de ses principaux ministres. On y a joint la vie et le portrait du prince Menzikof. Seconde édition. La Haye: J. Van Duren, 1737.

Рукописные источники

107. М.М. Щербатов. Разные сочинения и переводы. Сборник 1759-1760г.г. ОР РНБ, Ф. 885, Собрание Эрмитажа, № 228.
108. Рассуждения о причинах величества римлян и их падения, пер. М.М. Щербатова. ОР РНБ, Ф. 885, Собрание Эрмитажа, № 304.
109. О прямом разуме законов, пер. Александра Павлова, лейб-гвардии Измайловского полка квартирмейстера (sic). Т.1. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, № 42.
110. Collection d'anciens manuscrits originaux et de quelques copies sur la Russie et autres objets, présentées à Sa Majesté par le comte Tolstoy. ОР РНБ, Ф.961, Fr. F. IV, №148.
111. Pierre de Morand à Cantemir, le 15 janvier 1739. ОР РНБ, Собрание автографов П.П. Дубровского, авт.139, №84, лл.159-160.
112. Surveillance des étrangers. Bibliothèque de l'Arsenal, Archives de la Bastille, Ms 10 024, 10286, 10287, 10288.
113. Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique, traduit du russe par M. M. chev. Des Essarts. A Batavia, avec approbation et privilègue de l'Académie chinoise. L'an de la réformation des auteurs. ОР РНБ, Фонд 961: Собрание французских рукописей, Фр.Q. XV.38.

III. Справочные материалы

114. Словарь Академии Российской. СПб: при Имп. Акад. Наук, 1789-1794.
115. Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах, сочиненный Московскаго Архангельскаго собора протоиереем, и Московской духовной консистории членом Петром Алексиевым, разсматриванный Вольным

Российским собранием при Императорском Московском университете, и изданный по одобрению Святейшаго правительствующаго синода Конторы. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1773].

116. Catalogue de la bibliothèque de Montesquieu, publié par Louis Desgraves. Genève: Droz, 1954.

117. Catalogues de la bibliothèque de feu M. le prince Cantemir. Paris: [s. n.], 1745.

118. Dictionnaire des lettres françaises. XVIIIe siècle. Paris, 1997.

119. Dictionnaire des termes littéraires. Paris: Honoré Champion, 2005.

120. Dictionnaire de la noblesse. Tome 2. Paris, 1771.

121. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle, par Pierre Larousse. Paris, s.d.

122. Ikonnikov N. La noblesse de Russie. Paris, 1960.

123. Parfaict F., Parfait C., Godin d'Abguerbe Q. Dictionnaire des théâtres de Paris, contenant toutes les pièces qui ont été représentées jusqu'à présent sur les différents théâtres français et sur celui de l'Académie royale de musique. Vol. 3. Paris: Lambert, 1756.

124. Quérard J.-M. La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France, ainsi que des littérateurs étrangers qui ont écrit en français, plus particulièrement pendant les XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Firmin Didot frères, 1833.

125. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Band II (1716-1763). Zürich: Fretz & Wasmuth Verlag, 1950.

126. Richelet P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise. Genève: J.-H. Widerhold, 1680.

IV. Исследования

127. Александренко В.Н. К биографии князя А.Д. Кантемира // Варшавские университетские известия, Варшава, 1896, №2. С.14-46.

128. Александренко В.Н. Кто написал первую биографию князя Кантемира? // Варшавские университетские известия, Варшава, 1896, №2. С.10-13.

129. Александренко В.Н. Опись библиотеки князя Кантемира // Варшавские университетские известия, Варшава, 1896, №2, с.15-24, №3, с.25-46.

130. Алексеев М.П. Монтескье и Кантемир // Вестник ЛГУ, 1955, №6, Серия обществ. наук, вып.2. С.55-78.

131. Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII века // Международные связи России в XVII-XVIII веках, М., 1966. С.303-344.

132. Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Великомученицы Екатерины, Св. благоверного великого князя Александра Невского и Св. Анны. М.: типография Н.С. Всеволожского, 1814. 336 с.
133. Баренбаум И.Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке. М.: Наука, 2006. 448 с.
134. Бартлетт Р. Поселение иностранцев в России при Екатерине II и проект об освобождении русских крестьян // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.8-11.
135. Баскин М.П. Монтескье и Россия // Монтескье. М.: Мысль, 1975. С.132-140.
136. Бачинин В.А. Русские религиозные типы: царь Петр I // Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология. Т.1. СПб, 2004. С.89-94.
137. Бикуньос В. Поэтика философского романа. Вильнюс: Шауляйский пед. институт им. Прейкшаса, 1988. 70 с.
138. Блудилина Н.Д. А.Д. Кантемир, Х.Ф. Гросс. Так называемые «Московитские письма». Вступительная статья. Подготовка текста по первому печатному (единственному и раритетному) источнику. Комментарии // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726-1762). Вып.2. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С.153-221, 282-291.
139. Блудилина Н.Д. Так называемые «Московитские письма», или Достойный ответ «клеветникам России» восемнадцатого столетия // Наш современник, 2004, №4. С.249-256.
140. Блудилина Н.Д. Антиох Кантемир и «Московитские письма» // Тобольск и вся Сибирь, 2005, №4. С.123-131.
141. Блудилина Н.Д. Антиох Кантемир и западноевропейская культура / Вступительная статья. Подготовка текста по рукописным источникам. Комментарии // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726-1762). Вып.2. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С.58-99, 135-152.
142. Бондарев А.П. У истоков полифонического романа // Французский фривольный роман. Сост., вступ. ст. и примеч. А.П. Бондарева. М.: ИОЛС, 1993. С.5-18.
143. Вальденберг В.Э. Щербатов о Петре Великом. СПб: типо-литография "Энергия", 1903. 20 с.
144. Вальденберг В.Э. Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // Философский век. Альманах. Вып.26. История идей в России: материалы и исследования, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С.259-276.

145. Гершкович З.И. Идеиные связи русских и французских просветителей XVIII века (Кантемир и Монтескье) // Вестник истории мировой культуры, 1959, №4. С.120-129.
146. Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель по Дидро // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного коллоквиума 2-6 сентября 2001г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.48-64.
147. Голубков А.В. "Прекрасная неверная": французский классический стиль и античная классика в XVII—XVIII вв. // Новое Литературное Обозрение, 2008, № 94.
148. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века // Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003. С.553-571.
149. Грассгоф Х. Первые переводы сатир А.Д.Кантемира // Международные связи русской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С.101-111.
150. Григорьева Т.П. Дао и логос: встреча культур. М.: Наука, 1992. 424 с.
151. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. 229 с.
152. Дмитриев В.Г. «Персидские письма» в России // По стране литературы. М.: Московский рабочий, 1987. С.107-112.
153. Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л.: Наука, 1984. 152 с.
154. Дюлак Ж. Цивилизаторская политика и колонии в России по Рибейро Санчесу (1765-1766) // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного коллоквиума 2-6 сентября 2001г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.83-90.
155. Забабурова Н.В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999. С.94-104.
156. Заборов П.Р. Россия во французской трагедии XVIII века // Восприятие русской культуры на Западе. Л.: Наука, 1975. С.32-50.
157. Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1978. 245 с.
158. Златопольская А.А. Проблема общественного договора в зеркале русской мысли века Екатерины. Восприятие идей Руссо и Монтескье // Философский век. Альманах. Вып.11. Екатерина и ее время: Современный взгляд, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. С.52-65.
159. Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 1998. 448 с.

160. Коган-Бернштейн Ф.А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы философии, 1955, №5. С.99-110.
161. Копанев Н.А. О первых изданиях сатир Кантемира // XVIII век. Сборник 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С.140-154.
162. Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Из истории международной книготорговли. Л.: Наука, 1988. 157 с.
163. Коршунова Н.В. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестник Челябинского университета. Сер.10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика, 2003, №1. С.62 - 68.
164. Курилов А.С. Теоретико-литературные примечания А. Д. Кантемира // Литературоведение в России XVIII века. М.: Наука, 1981. С.87-109.
165. Лавров А.С. «Записки о Московии» де ла Невилля во Франции и в России XVIII века // Книга в России: век Просвещения. Л.: БАН, 1990. С.111-130.
166. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1967. С.208-281.
167. Лотман Ю.М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию академика М.П. Алексеева Л.: Наука, 1976. С.125-132.
168. Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функции переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С.222-230.
169. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва - третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья: Сборник статей. М.: Наука, 1982. С.236-249.
170. Лукьянец И.В. Французский роман второй половины XVIII века (автор, герой, сюжет). СПб: СПбГУК, 1999. 229 с.
171. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725-1740. Л.: Наука, 1976. 380 с.
172. Майков Л.Н. Материалы для биографии Кантемира // Сборник отдела русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб: типография Академии наук, 1903, т.73. С.138-142.
173. Материалы для биографии Ломоносова, собранные экстраординарным академиком Билярским. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1865. 925 с.
174. Материалы для истории Просвещения в России, собираемые Петром Кеппенем, членом разных ученых обществ, №1: Обзорение источников для составления истории российской словесности. СПб: в Медицинской типографии, 1819. 92 с.

175. Материалы для истории русской литературы, изд. П.А. Ефремов. СПб: тип. И.И. Глазунова, 1867. 216 с.
176. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ, 1999. 212 с.
177. Мезин С.А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. С.18-54.
178. Мезин С.А. Петр I как цивилизатор России: два взгляда // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С.5-16.
179. Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 468 с.
180. Оболенский М.А. Сведения об авторе книги «Lettres Moscovites» // Библиографические записки, 1859, №18. С.545-553.
181. Оболенский М.А. Дополнительные разыскания о судьбе книги «Lettres Moscovites» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, опубликованный Н. Калачовым, СПб, 1862, Кн.3. С.67-79.
182. Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб: Институт русской литературы РАН, 1998. 464 с.
183. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2000. 411 с.
184. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т.1. СПб: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870. 774 с.
185. Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium 2-6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С.185-189.
186. Плавинская Н.Ю. «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60-х - начале 70-х гг. XVIII века: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. Сборник памяти Г.С.Кучеренко, отв. ред. С.Я. Карп. М.: РГГУ, ИВИ РАН, 2001. С.9-36.
187. Плавинская Н.Ю. Новые сведения о французских источниках «Наказа» Екатерины II // Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып.2. М.: Наука, 1998. С.8-19.
188. Плеханов Г.В. А. Д. Кантемир // Сочинения, под. ред. Д. Рязанова. Т.21. М., Пг.: Гос. изд-во, 1925. С.79-102.
189. Прийма Ф.Я. Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Русская литература. Труды Отдела новой русской литературы ИРЛИ АН СССР, сер.1, М., Л., 1957. С.7-45.

190. Прийма Ф.Я. А. Кантемир и его дружеские литературные связи // Русская литература на Западе. Л.: Наука, 1970. С.3-57.
191. Прийма Ф.Я. Антиох Дмитриевич Кантемир. Вступительная статья // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С.5-52.
192. Примаковский А.П. О русских переводах произведений Монтескье // Вопросы философии, 1955, №3. С.138-139.
193. Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С.95-97.
194. Пыпин А.Н. Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы, 1903, №5. С.272-300.
195. Пыпин А.Н. Полузабытый писатель XVIII в. // Вестник Европы, 1896, №11. С.264-305.
196. Рабинович В.И. Вслед Радищеву...: Ф.В. Каржавин и его окружение. М.: Мысль, 1986. 221 с.
197. Разумовская М.В. От «Персидских писем» до «Энциклопедии». Роман и наука во Франции в XVIII веке. СПб: Изд-во СПбГУ, 1994. 190 с.
198. Рамбо А. Императрица Екатерина Вторая в переписке с иностранцами (извлечено из книжек *Revue des deux mondes*, от 15 января и 15 февраля 1877 года) // Русский архив, М.: тип. Лебедева, 1877, кн. 2. С.269-293.
199. Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (Из французских контактов И.И.Шувалова) // Философский век. Альманах. Вып.8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С.220-240.
200. Светлов Л.Б. Русские переводы произведений французских просветителей // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С.421-441.
201. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России. Т.1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1888. 517 с.
202. Семенова А.В. Книги эпохи Просвещения и формирование идеологии декабристов // Книга в России XI-XX вв.: сборник научных трудов. Вып.21. СПб: БАН, 2004.
203. Серман И.З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. Сборник 21 Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969), отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1999. С.53-61.
204. Сомов В.А. Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII веке: Очерк истории, отв. ред. С.П. Луппов. Л.: Наука, 1986. С.203-214.

205. Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. Памяти Г.С. Кучеренко, отв. ред. С.Я. Карп. М.: РГГУ, ИВИ РАН, 2001. С.37-99.
206. Стоюнин В.Я. Князь А. Кантемир в Париже // Вестник Европы, авг. 1880, с.577-620; сент. 1880. С.173-222.
207. Стоюнин В.Я. Князь Антиох Кантемир в Лондоне (Из биографии Кантемира: 1732-1738) // Вестник Европы, 1867, т.1, с.224-273; т.2, с.97-139.
208. Стремоухов Д.Н. Москва - Третий Рим: источник доктрины (пер. с англ. по изд.: *Speculum*, 28/1, 1953, р.84-101) // Из истории русской культуры. Т.II. Кн.1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.425-441.
209. Строев А.Ф. Страх перед женщиной во французской и русской культуре XVIII века // Пинакотекa: Журнал для знатоков и любителей искусства: Ежекварт. изд. М.: АОЗТ «Пинакотекa», 2002 (13-14). С.112-119.
210. Тарановский Ф.В. Монтескье о России (к истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей, под ред. проф. А.И. Каминка. Т.1. Берлин: Слово, 1922. С.178-223.
211. Тарановский Ф.В. Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции. СПб: Сенат. тип., 1912. 30 с.
212. Тарановский Ф.В. Заметки о Монтескье. Ярославль: типография Губернского правления, 1913. 38 с.
213. Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ, Париж, 1990, вып.23. С.105-264.
214. Французская книга в России в XVIII веке: Очерк истории, отв. ред. С.П.Луппов. Л.: Наука, 1986. 252 с.
215. Чечулин Н.Д. Источники «Наказа» // Журнал Министерства Народного просвещения, март-апрель 1902. С.279-290.
216. Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений кн. М.М. Щербатова. СПб: тип. В. С. Балашев и К°, 1900. 28 с.
217. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1868. 752 с.
218. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века. Москва: РГГУ, 2005. 209 с.
219. Элькина И.М. Шапп Д'Отрош и его книга «Путешествие в Сибирь» // Вопросы истории СССР. М., 1972. С.361-388.

220. Albina L.L. Les formes de gouvernement européen et asiatique d'après les notes de Catherine II sur «L'Esprit des Lois» // L'Europe de Montesquieu: actes du colloque de Gênes, 26-29 mai 1993, organisé par la Société Montesquieu; la Società italiana di studi sul secolo XVIII; l'Istituto per gli studi filosofici et le Centro di studi sull'Età moderna; réunis par Alberto Postigliola et Maria Grazia Bottaro Palumbo; préf. de Anna Maria Lazzarino Del Grosso; postf. de Jean Ehrard. Napoli: Liguori; Paris: Universitas; Oxford: Foundation Voltaire, 1995. P.441-447.
221. Althusser L. Montesquieu. La politique et l'histoire. Paris: PUF, 1959. 120 p.
222. Barckhausen H. Montesquieu. Ses idées et ses oeuvres d'après les papiers de La Brède. Paris: Hachette, 1907. 344 p.
223. Bartlet R.P. The Free Economic Society: the Foundation Years and the Prize Essay Competition of 1766 on Peasant Property // Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus – Aufklärung – Pragmatismus. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1998. P.181-214.
224. Bérard L. «L'Esprit des Lois» devant la congrégation de l'Index // 2e centenaire de «L'Esprit des Lois» 1748-1948, conférences organisées par la ville de Bordeaux. Bordeaux: Delmas, 1949. P.241-309.
225. Berelowitch V. Europe ou Asie? Saint-Pétersbourg dans les relations de voyage occidentaux // Le mirage russe au XVIIIe siècle, éd. Sergueï Karp et Larry Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2001. P.57-74.
226. Berg H. Manoel Silva Tarouca, mentor da Imperatriz Maria Teresa // Relações entre a Austria e Portugal, ed. Ludwig Scheidl, José A.Palma Caetano. Coimbra: Livraria Almedina, 1985. P.97-110.
227. Berkov P.N. Des relations littéraires franco-russes entre 1720-1730: Trediakovskij et l'abbé Girard // Revue des études slaves, №35, 1958. P.7-14.
228. Beyer Ch.-J. Montesquieu et la censure religieuse de «L'Esprit des Lois» // Revue des sciences humaines, № 70, 1953. P.105-132.
229. Black F.G. The Epistolary Novel in the Late Eighteenth century: a Descriptive and Bibliographical Study. Eugene: Univ. of Oregon press, 1940. 184 p.
230. Breuillard J. Catherine II traductrice: le «Bélisaire» de Marmontel // Catherine II et l'Europe, publié sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'études slaves, 1997. P.71-84.
231. Brown A.H. S. E. Desnitski, Adam Smith, and the «Nakaz» of Catherine II // Oxford Slavonic Papers, New Series, 7, 1974. P.51-59.
232. Butler W. The Nakaz of Catherine the Great // American Book Collector, XVI, № 5, 1966. P.19-21.
233. Carrère d'Encausse H. L'Impératrice et l'Abbé: un duel littéraire inédit entre Catherine II et l'Abbé Chappe d'Auteroche. Paris: Fayard, 2003. 640 p.

234. Chabin M.-A. Moscovie ou Russie? Regard de Joseph-Nicolas Delisle et des savants français sur les Etats de Pierre le Grand // *Dix-huitième siècle*, №28, 1996. P.43-56.
235. Chevrel Y. De l'influence à la réception critique // *La Recherche en littérature générale et comparée en France. Aspects et problèmes*. Paris: SFLGC, 1983. P.89-107.
236. Chevrel Y. La réception des littératures étrangères // *Revista de Filología Francesa*, 7. Servicio de Publicaciones. Univ. Complutense, Madrid, 1995. P.83-100.
237. Childs N. A political academy in Paris, 1724-1731: the Entresol and its members. Oxford: Voltaire Foundation, 2000. 289 p.
238. Chklaver G. Montesquieu et la Russie // *La vie des peuples*, Paris, 1922, Vol. VIII, №32. P.1082-1100.
239. Cluny I. O conde de Tarouca e a diplomacia na época moderna. Lisboa: Livros Horizonte, 2006. 539 p.
240. Coulet H. Le roman jusqu'à la Révolution. T.1: Histoire du roman en France. Paris: Librairie Armand Colin, 1967. 560 p.
241. Courtney C.P., en collab. avec Volpilhac-Augier C. Bibliographie chronologique provisoire des œuvres de Montesquieu // *Revue Montesquieu*, №2, 1998. P.211-245.
242. Crisafulli Alessandro S. A Neglected English Imitation of Montesquieu's «Lettres persanes» // *Modern Language Quarterly*, 1953, №14. P.209-216.
243. D'Estrée P. Un auteur incompris: Pierre de Morand, l'homme et l'œuvre (1701-1757) // *Revue d'Histoire littéraire de la France*, Paris: Librairie Armand Colin, 1909, tome 16, №2. P.302-328.
244. De Michelis C.G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A.Kantemir con i fratelli Guasco) // *Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-soziale*, IV-V (1982-1983). P.91-114.
245. Derathé R. Les philosophes et le despotisme // *Utopies et institutions au XVIIIe siècle*, éd. P. Francastel. Paris-La Haye: Mouton, 1963. P.56-75.
246. Dodds M. Les récits de voyages, sources de l'Esprit des Lois de Montesquieu. Paris: Honoré Champion, 1929. 304 p.
247. Domínguez A. Las «Lettres persanes» y las «Cartas marruecas»: la función de la perspectiva en la crítica social de dos novelas epistolares // *Imágenes de Francia en las letras hispánicas*, ed. Francisco Lafarga. Barcelona: Promociones y Publicaciones Universitarias, 1989. P.47-55.
248. Dulac G. Science et politique: les réseaux du Dr António Ribeiro Sanches (1699-1783) // *Cahiers du monde russe*, 43/2-3, avril-septembre 2002. P.251-274.

249. Dulac G., avec la collaboration de Delouze M. Deux mémoires de Ribeiro Sanches sur la «civilisation» de la Russie (1765 et 1771) // Les archives de l'Est et la France des Lumières: guide des archives et inédits, sous la direction de G. Dulac et S. Karp. T.II: Inédits. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2007. P.433-493.
250. Ehrard J. Montesquieu critique d'art. Paris: PUF, 1965. 152 p.
251. Ehrard J. L'idée de nature en France dans la première moitié du XVIIIe siècle. Paris: Albin Michel, 1994. 861 p.
252. Ehrhard M. Le prince Cantemir à Paris (1738-1744): un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV. Paris: Société d'édition les Belles Lettres, 1938. 239 p.
253. Feyel G. L'annonce et la nouvelle: la presse d'information en France sous l'Ancien Régime (1630-1788). Oxford: Voltaire Foundation, 2000. 1387 p.
254. Fraanje M. The Epistolary Novel in Eighteenth-Century Russia. Leiden: M. Fraanje, 2000. 169 p.
255. Freedman J. Traduction et édition à l'époque des Lumières // Dix-huitième siècle, №25, 1993. P.79-100.
256. Gareth Jones W. The Spirit of the «Nakaz»: Catherine II's literary debt to Montesquieu // Slavonic and East European Review. London, 1998, Vol.76, №4. P.658-671.
257. Geffriaud-Rosso J. Montesquieu et la féminité. Pisa: Editrice Libreria Goliardica, 1977. 635 p.
258. Ghervas S. La réception de *L'Esprit des lois* en Russie: histoire de quelques ambiguïtés // Le temps de Montesquieu. Actes du colloque international de Genève (28-31 octobre 1998), publiés par M. Porret et C. Volpilhac-Augier. Genève: Droz, 2002. P.391-404.
259. Goggi G. Diderot et le concept de la civilisation // Dix-huitième siècle, №29, 1997. P.353-374.
260. Goggi G., Dulac G. Diderot et l'abbé Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie // Recherches sur Diderot et Encyclopédie, №14, 1993. P.23-83.
261. Goggi G. Civilisation et expériences de référence: à propos de la genèse du fragment politique Sur la Russie // Studi settecenteschi, №14, 1994. P.329-398.
262. Goggi G. The Philosophes and the Debate over Russian Civilization // A Window on Russia, ed. Mario di Salvo, Linsey Hughes. Roma: La Fenice Edizioni, 1996. P.299-305.
263. Goutnov D. Montesquieu in Russia: Catherine II's legal reforms and Russian cultural tradition // La recherche dix-huitémiste. Raison universelle et culture nationale au siècle des Lumières, éd. David A. Bell, Ludmila Pimenova et Stéphane Pujol. Paris: Honoré Champion, 1999. P.61-69.

264. Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 340 p.
265. Green F.C. Montesquieu the Novelist and Some Imitations of the «Lettres persanes» // *Modern Language Review* XX (1925, № 1). P.32-42.
266. Griener P. Ottaviano di Guasco, intermédiaire entre la philosophie française et les antiquités de Rome // *Roma triumphans?: l'attualità dell'antico nella Francia del Settecento: atti del convegno internazionale di studi, Roma, Centro di studi italo-francesi, 9-11 marzo 2006, a cura di Letizia Norci Cagiano*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. P.25-51.
267. Haroche-Bouznigac G. Les «Lettres familières» du président de Montesquieu. Amitié et familiarité // *Revue Montesquieu*, 2001, №6. P.17-31.
268. Hazard P. La crise de la conscience européenne. 1680-1715. Paris: Librairie générale française, 1994. 444 p.
269. Hermetet A.-R. Les études comparatistes de réception // *La recherche en Littérature générale et comparée en France en 2007. Bilan et perspectives. Études réunies par Anne Tomiche et Karl Zieger*. Valenciennes: Presses universitaires de Valenciennes, 2007. P.57-66.
270. Hoffmann P. La femme dans la pensée des Lumières. Paris: Orphys, 1977. 621 p.
271. Kopanev N.A. Le libraire-éditeur parisien Antoine-Claude Briasson et la culture russe au milieu du XVIIIe siècle // *L'influence française en Russie au XVIIIe siècle*, éd. J.-P. Poussou, A.Mezine, Y.Perret-Gentil. Paris: Institut des Études Slaves, 2004. P.185-200.
272. La France et la Russie au siècle des Lumières: relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIIIe siècle. Paris: Association française d'action artistique, 1986. 490 p.
273. Lemny S. Les Cantemir: l'aventure européenne d'une famille princière au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Complexe, 2009. 367 p.
274. Lengley-Dufrenoy M.-L. L'Orient romanesque en France (1704-1789). Montréal: Éditions Beauchemin, 1946. 383 p.
275. Lentin A. «Une âme républicaine»? Catherine, Montesquieu, and the nature of government in Russia: the «Nakaz» through the eyes of M.M. Shcherbatov // *Философский век. Альманах. Вып.11. Екатерина и ее время: Современный взгляд, отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин*. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. С.79-96.
276. Liechtenhan F.D. De l'abus de l'historiographie. Approches de l'histoire russe de Herberstein à Custine // *Cahiers du monde russe*, 41(1), 2000. P.135-149.
277. Liechtenhan F.D. Le Russe, ennemi héréditaire de la chrétienté? La diffusion de l'image de la Moscovie en Europe occidentale aux XVI-e et XVII-e siècle // *Revue historique*, 1991, Vol. CCLXXXV. P.77-103.

278. Lauriol C. Querelle de «L'Esprit des lois» // Dictionnaire électronique Montesquieu, mis à jour le 25/11/2008. www.dictionnaire-montesquieu.ens-lsh.fr.
279. Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Contemporaines, 1951. 409 p.
280. Lozinskij G. Le prince Antioche Cantemir, poète français // Revue des études slaves, 1925, t.V. P.238-243.
281. Lozinskij G. Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741) // Le Monde slave, 1925, t.II. P.223-247.
282. Lozinskij G. Trois épisodes de l'ambassade de Cantemir à Paris // Le Monde slave, 1925, t.III. P.402-421.
283. Madariaga I. de. Catherine II and Montesquieu between Prince M.M. Shcherbatov and Denis Diderot // Politics and Culture in Eighteenth Century Russia: Collected Essays by Isabel de Madariaga. London, New York: Longman, 1998. P.235-261.
284. Madariaga Isabel de. Who was Foy de la Neuville? // Cahiers du monde russe et soviétique, XXVIII (1), janvier-mars 1987. P.21-30.
285. Mathorez J. Les éléments de la population orientale en France. Les russes en France du XIe au XVIIIe siècles. Paris: A. Picard, 1918. 28 p.
286. Matthey C. L'ombre et les Lumières: une vision française de l'Espagne au XVIIIe siècle // Dix-huitième siècle, №40, 2008. P.413-430.
287. Mercier R. La théorie des climats des «Réflexions critiques» à «L'Esprit des Lois» // Revue de l'histoire littéraire de France, Vol.58, janv.-mars 1953. P.17-37.
288. Mervaud M. Une infinie brutalité: l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: Institut d'études slaves, 1991. 171 p.
289. Mervaud M. Le knout et l'honneur des Russes (à propos de deux articles de l'Encyclopédie) // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie, 1993, XIV. P.111-124.
290. Mervaud M. Les Anecdotes sur le czar Pierre le Grand de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century, 1996, №341. P.89-126.
291. Meyniel J. Univers salonnier de Mme Geoffrin (1741-1777). Paris: Editions émotion primitive, 2008. 176 p.
292. Minuti R. Spicilège // Dictionnaire électronique Montesquieu, mis à jour le 14/02/2008. www.dictionnaire-montesquieu.ens-lsh.fr.
293. Minuti R. L'image de la Russie dans l'oeuvre de Montesquieu // Cromohs, №10, 2005. P.1-6.

294. Mohrenschildt D.S. *Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France*. New York: Columbia university press, 1936. 325 p.
295. Monnier A. *Catherine II pamphlétaire: l'«Antidote» // Catherine II et l'Europe*, publié sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'études slaves, 1997. P.53-60.
296. Morda Evans R.J. *Antiokh Kantemir and his first biographer and translator // Slavonic and East-European Review*, Vol.37, 1958, №88. P.184-195.
297. Mund S. *La mission diplomatique du pere Antonio Possevino (S.J.) chez Ivan le Terrible en 1581-1582 et les premiers ecrits jesuites sur la Russie moscovite a la fin du XVIe siecle // Cahiers du Monde russe*, vol.45, 2004, №3-4. P.407-439.
298. Musitelli P. *Filippo Venuti, ami de Montesquieu et collaborateur de l'édition lucquoise de l'Encyclopédie // Dix-huitième siècle*, №38, 2006. P.429-448.
299. Paraillous A. *Montesquieu et la duchesse d'Aiguillon // Revue de l'Agenais*, 2006, №2. P.129-142.
300. Peiffer J., Vitu J.-P. *Les journaux savants, formes de la communication et agents de la construction des savoirs (17e – 18e siècles) // Dix-huitième siècle*, №40, 2008. P.281-300.
301. Pimenova L.A. *Gallomanie et gallophobie dans la culture russe au siècle des Lumières // La recherche dix-huitémiste. Raison universelle et culture nationale au siècle des Lumières*, éd. David A. Bell, Ludmila Pimenova et Stéphane Pujol. Paris: Honoré Champion, 1999. P.201-213.
302. Plavinskaia N.Y. *Les lectures de «L'Esprit des lois» en Russie au XVIIIe siecle // Montesquieu du Nord au Sud. Actes de la table ronde organisée à Paris les 29 et 30 janvier 1999. Textes réunis et présentés par Jean Ehrard. Cahiers Montesquieu №6. Napoli: Liguori Editore, Oxford: Voltaire Foundation, 2001. P.61-70.*
303. Plavinskaia N.Y. *Catherine II ébauche le «Nakaz»: premières notes de lecture de «L'Esprit des lois» // Revue Montesquieu*, 1998, №2. P.67-88.
304. Plavinskaia N.Y. *Les traductions russes de Montesquieu au XVIIIe siècle // L'Europe de Montesquieu. Actes du Colloque de Gênes (26-29 mai 1993). Napoli: Liguori Editore, Paris: Universitas, Oxford: Voltaire Foundation, 1995. P.431-440.*
305. Pomeau R. *L'Europe des Lumières. Cosmopolitisme et unité européenne au XVIIIe siècle*. Paris: Stock, 1966. 243 p.
306. Reichler C. *Pourquoi les pigeons voyagent. Remarques sur les fonctions de récit de voyage // Versants, Revue suisse des littératures romanes*, 2005, №50. P.11-36.
307. Roche Daniel. *Humeurs vagabondes: de la circulation des hommes et de l'utilité des voyages*. Paris: Fayard, 2003. 1031 p.
308. Rosso C. *Mythe de l'égalité et rayonnement des Lumières*. Pise: Libreria Goliardica, 1980. 309 p.

309. Rousset J. *Forme et signification, essais sur les structures littéraires, de Corneille à Claudel*. Paris: Corti, 1962. 200 p.
310. Russell P.J. *Montesquieu et l'esclavage. Étude sur les origines de l'opinion antiesclavagiste en France au XVIIIe siècle*. Thèse pour le doctorat d'Université présentée, à la Faculté des lettres de l'Université de Paris, par Russell Parsons Jameson. Paris: Hachette, 1911. 371 p.
311. Rzhetskij V.S. *Image de la Russie en Europe: Ivan Chouvalov et son réseau français // L'image de l'étranger*, éd. A. Stroeve. Paris: Institut d'études slaves, 2010. P.47-69.
312. Santich J.S. *Missio Moscovitica: the role of the Jesuits in the Westernization of Russia, 1582-1689*. New York: Peter Lang, 1995. 255 p.
313. Ségur P. de. *Le royaume de la rue St-Honoré. Mme Geoffrin et sa fille*. Paris: Calmann-Lévy, éditeurs, 1897. 503 p.
314. Shackleton R. *Montesquieu. A critical biography*. London: Oxford University Press, 1961. 432 p.
315. Shackleton R. *L'abbé de Guasco ami et traducteur de Montesquieu» // Essays on Montesquieu and on the Enlightenment*. Oxford: the Voltaire Foundation, 1988. P.217-229.
316. Starobinski J. *Montesquieu*. Paris: Éditions du Seuil, 1953. 190 p.
317. Stroeve A. *Comment adopter la civilisation française en la dénigrant: les comédies et les écrits satiriques russes du XVIIIe siècle // La naissance et le mouvement: Mélanges offerts à Yves Moraud*, éd. André Guyon, Jean-Pierre Dupouy et Jean André Le Gall, Brest: Université de Bretagne Occidentale, 2009. P.83-94.
318. Stroeve A. *L'idée de la transmigration des arts au XVIIIe siècle et la destinée de la Russie // Études sur le 18e siècle, vol.34: Le XVIIIe siècle, un siècle de décadence?*, 2006. P.201-210.
319. Todorov T. *L'esprit des Lumières*. Paris: Robbert Laffont, 2006. 132 p.
320. Tourneux M. *Madame Geoffrin et les éditions expurgées des lettres de Montesquieu // Revue d'Histoire littéraire de France, №1, 1894*. P.52-64.
321. Weil F. *Montesquieu et le despotisme // Actes du Congrès Montesquieu, 23-26 mai 1955*. Bordeaux: Delmas, 1956. P.191-215.
322. Weil F. *Les lectures de Montesquieu // Revue d'histoire littéraire de la France, 1957*. P.494-514.
323. Wilberger C. *Peter the Great: An Eighteenth-Century Hero of Our Times? // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century, 1972, Vol. XCVI*. P.9-129.
324. Willemse D. *Antonio Nunes Ribeiro Sanches – élève de Boerhaave – et son importance pour la Russie*. Leiden: E.J. Brill, 1966. 188 p.

325. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford university press, 1994. 419 p.
326. Young D. Montesquieu's View of Despotism and His Use of Travel Literature // *The Review of Politics*, 1978, 40/3. P.392-405.
327. Zitser E. *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2004. 221 p.